

ГЕОРУСИСТИКА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Симферополь
2011

УДК 811
ББК 81.411.2
Р 83

В сборнике представлены работы, посвященные рассмотрению гносеологических и методологических оснований георусистики, тех постулатов, которые легли в основу ее понимания как нового этапа в развитии русистики в XXI веке и которые используются в работах представителей Крымской школы функциональной лингвистики. Особое внимание уделяется актуальным проблемам взаимодействия языковых миров, которое рассматривается на материале разных языков в работах лингвистов Украины, России, Казахстана, США.

Для специалистов в области лингвистики, преподавателей, аспирантов и всех, кто интересуется проблемами развития русского языка в XXI веке.

Георусистика. Вызовы XXI века: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2011. – 156 с.

Верстка: *Т. Ю. Шкуренко*
Дизайн: *Е. В. Мажарова, А. Н. Александров*
Технический редактор *Е. В. Мажарова*
Подписано в печать: 14.09.2011
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$
Гарнитура Times Nem Roman.
Объем 7,21 уч.-изд. л., 40,5 усл.-печ. л.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в СПД «Барановский А. Э.»
95006, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 94

ISBN 978-617-562-003-8

© Издательство «Антиква», оригинал-макет, 2011
© КРИППО, текст, 2011
© А. Н. Рудяков, предисловие, 2011

“LET MY LANGUAGE GO”

*“Go Down Moses” is an American Negro spiritual. It describes events in the Old Testament of the Bible, specifically Exodus 7:16: “And the Lord spoke unto Moses, go unto Pharaoh, and say unto him, thus saith the Lord, **Let my people go**, that they may serve me”, in which God commands Moses to demand the release of the Israelites from bondage in Egypt. The opening verse as published by the Jubilee Singers in 1872.*

Go Down Moses (рус. Спускайся вниз, Моисей) — американский негритянский спиричуэл, в котором описываются события из ветхозаветной книги Исход 8:1: «И сказал Господь Моисею: поиди к фараону и скажи ему: так говорит Господь: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение». Этими словами Господь призывал Моисея добиться исхода израильтян из египетского плена. Текст песни был опубликован в «Jubilee Singers» в 1872 году.

Прошло менее трех лет с тех пор, как осенью 2009 года на I Международном крымском лингвистическом конгрессе впервые прозвучал термин «георусистика». В 2010 году вышел сборник статей «Георусистика. Первое приближение». Думаю, что главный итог этих лет – исчезновение спонтанных реакций **a la «что это вы там за “георусистику” выдумали!!!»**. Прекратились обвинения в заказном характере моих взглядов, в безграмотности, в мании величия и прочих смертных грехах. Я оставляю на совести тех людей, которые в науке используют любимый шариковский аргумент «ату его», их, так скажем, «научные» взгляды и высказывания.

Сформировалась группа людей, которые в принципиальных вопросах разделяют концепцию «георусистов». Именно так – в кавычках – назвала группу крымских функционалистов Т.П. Млечко в своем пленарном докладе на шанхайском МАПРЯЛе.

Протекает закономерный процесс постижения новой реалии: человек в своем непрерывном познании универсума и себя в универсуме всегда сначала именуется новую реалию, как бы замечая ее особенность в ряду иных реалий, как бы выделяя ее из универсума. После этапа номинации и начинается собственно постижение сущности того феномена, который был именован.

Предлагаемый сборник статей продолжает обсуждение основных идей георусистики как русистики 21 века. Я благодарен коллегам, согласившимся принять в нем участие.

Статьи представителей крымской школы функциональной лингвистики построены таким образом, чтобы показать производность идей георусистики от постулатов крымского функционализма. Иначе говоря, георусистика, как я ее понимаю, – закономерное следствие лингвистического функционализма, основные постулаты которого изложены в книгах «Лингвистический функционализм и функциональная семантика» и «Язык, или Почему люди говорят?». Языковой мир – это не простое множество носителей. Языковой мир представляет собой стратифицированную систему вариантов конкретного – в нашем случае русского – языка. Именно этот язык, противопоставленный другим языкам, является инвариантом для всех своих реализаций в различных исторических и социальных условиях. Вариант языка, в моем понимании, по сути своей не может быть его порчей или искажением. Вариант языка – это форма существования инварианта в различных цивилизационных «позициях». Функционалист отчетливо осознает, что, вопреки видимым субстанциональным различиям, национальные варианты русского языка, существующие в России, Украине, Казахстане, Беларуси..., равноценны и функционально тождественны как реализации в различных государственных условиях одного инварианта – русского языка, противопоставленного другим таким же инвариантам: языкам английскому, арабскому, испанскому и многим еще живым языкам нашей планеты.

Именно понимание сути феномена варьирования обуславливает неприятие ряда постулатов георусистики учеными, исповедующими субстанциональное видение языковой реальности. В этом отношении чрезвычайно показательной является глава из книги Ивана Ефремова «Лезвие бритвы», в которой главный герой объясняет функциональную природу красоты. Его тезисы замечательно отображают обсуждаемые нами противоречия.

Сегодня, на мой взгляд, остро стоит вопрос о критическом (в философском смысле) отношении к целому ряду мифов русистики. Человек, сталкиваясь в своей истории с трудновыполнимыми задачами, традиционно прибегает к помощи мифов. Особенно это справедливо по отношению к тем проблемам, которые требуют от Человека особого труда, особой самодисциплины, особой самоотдачи. Все это мы пытаемся заменить верой в чудо: чудесное исцеление с помощью таблетки, чудесное изучение английского за два дня, чудесное увеличение тех или иных частей тела или расширение тех или иных функций организма и так далее, и тому подобное... Чем хорош миф, чем он полезен для нас? Он успокаивает, он формирует иллюзию упорядоченности, осознанности, управляемости ситуацией. Есть бог дождя, нужно усердно молиться, и дождь будет вовремя... Есть таблетка от всего, чем я могу заболеть: нет необходимости следить за своим здоровьем, заболеть – выпить таблетку... У каждого мифа есть апологеты. Есть защитники, есть те, кому этот миф выгоден: жрецы, продавцы лекарств и т.п. Чем вреден миф? Он не дает результата. Он не «работает». Поэтому, преодолевая успокоенность красивым и бесполезным мифом, человек строит ирригационные сооружения и орошает свои посевы тогда, когда этого требует дело, а не тогда, когда «бог пошлет»... Одно плохо, это сказать легко: «преодолеваем успокоенность мифом». Сделать это далеко не просто. Едва ли не наиболее сложно преодолеваемый миф – это миф об инвариантности русского литературного языка, по отношению к другим вариантам русского языка.

Мифы консервируют то объективно существующее свойство всякого субъекта познания, которое психологи именуют «частичностью» личности. «Частичность» производна от невозможности овладеть всеми знаниями об Универсуме. «Картина мира» социальных, территориальных и профессиональных групп также «частична».

«Частичность» современной нам русистики обусловлена, на мой взгляд, прежде всего тем, что видение нашего мира как «глобальной деревни» не вошло в плоть и кровь нашей науки, оставаясь некоей отвлеченной идеей, не имеющей непосредственного отношения к тому, чем мы занимаемся. Более того, те проявления глобализации, которые нельзя не заметить, на которые нельзя не обратить внимания, воспринимаются как досадные помехи, нарушающие цельность нашего уютного языковедческого мира. Ну и что, что мы продуцируем знания только для внутринаучного потребления. Ну и что, что мы остаемся для социума наукой о запятых и безударных гласных...

Важно осознавать, что когда мы говорим о георусистике как русистике глобального мира, речь, по сути дела, идет о научной реакции на объективно существующий процесс, который можно отрицать, можно не замечать, но нельзя остановить. Чем быстрее русистика осознает новую реальность, тем лучше для русистики, для русистов, для Русофонии и русофонов.

Русский язык – планетарный язык глобального мира. Он прекрасно справляется со своей главной задачей: обеспечивать социальное взаимодействие русофонов в новых – изменившихся и продолжающихся меняться – исторических условиях. Вопрос в том, способна ли помочь ему современная русистика? Вопрос в том, возможно ли решить актуальнейшую задачу разработки внешней языковой политики русскоязычного пространства на основе мифа об инвариантности русского литературного языка?

Вопрос в том, наконец, не сдерживают ли, не ограничивают ли устаревшие представления о новой реальности возможности и шансы великого русского языка в его конкурентном соревновании с иными планетарными языками? **“Let my language go”**.

А. Н. Рудяков

РАЗДЕЛ 1

ГЕОРУСИСТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

А. Н. Рудяков

Георусистика, функциональная лингвистика и... мифы русистики

Прошло уже более двух лет с тех пор, как в 2009 году на I Международном крымском лингвистическом конгрессе я ввел в лингвистический обиход термин «георусистика». После этого вышел сборник статей «Георусистика. Первое приближение» [4], эта проблематика активно обсуждалась на II Международном крымском лингвистическом конгрессе, на других лингвистических конференциях. К сожалению, в центре внимания подавляющего большинства исследователей (например, в докладе Т. П. Млечко на пленарном заседании шанхайского конгресса МАПРЯЛ) оказалась проблема существования/несуществования национальных вариантов русского языка, а не намного более важное, с моей точки зрения, содержание понятия георусистики как нового состояния русистики в 21 веке.

Я хотел бы обратить внимание на тот факт, что возникновение идеи георусистики не является случайным. Это требование времени, с одной стороны. И закономерное продолжение теоретических представлений крымского функционализма, с другой.

Содержание термина «георусистика» прямо производно от тех философских, общенаучных и общезыковедческих постулатов, на которые я и мои ученики опираемся в своей научной деятельности.

В системе понятий крымского функционализма современное состояние русистики следует определить как переходное между субстанционализмом и функционализмом, коренное различие между которыми производно от примата субстанции в первом случае и примата функции – во втором.

Наглядным примером разницы в восприятии естественного языка субстанционализмом и функционализмом может стать определение слова. В зависимости от того, в какой научной лингвистической парадигме – субстанциональной или функциональной – существует воспринимающий языковую реальность субъект, он увидит в слове или знак, способный выполнять номинативную функцию, или единицу номинации, знаковую по своей субстанции. Субстанционалист никогда не согласится с тем – очевидным для функционалиста – постулатом, что слово и словосочетание функционально тождественны и не должны по этой причине относиться к разным языковым ярусам – соответственно, лексическому и синтаксическому. Для функционалиста функциональное тождество вариантов фонемы или семантемы так же очевидно, как и функциональное тождество субстанционально нетождественных гусиного пера, перьевой ручки, мелка, шариковой ручки, чернильной ручки, аэрозольного баллончика, стилуса, принтера и многих других инструментов и приспособлений, с помощью которых человек графически изображает звучащую речь.

Георусистика как способ восприятия глобального планетарного языкового мира является проекцией в эту область знаний принципиального последовательного функционального видения. К сожалению, некоторые аспекты споров вокруг георусистики обусловлены именно межпарадигмальным непониманием...

Дело еще и в том, что когда та или иная система представлений оказывается неспособной давать адекватное знание о мире, многие из ее уходящих в прошлое и не в полной мере соответствующих реальности постулатов начинают выступать как мифы.

Человек часто прибегает к помощи мифов. Чаще всего в тех ситуациях, когда мы сталкиваемся с трудновыполнимыми задачами, требующими от человека особо упорного труда, строжайшей самодисциплины, полной самоотдачи. Все это мы пытаемся заменить верой в чудо: чудесное исцеление с помощью таблетки, чудесное изучение английского за два дня, чудесное увеличение тех или иных частей тела, и так далее, и тому подобное...

Чем хорош миф, чем он полезен для нас? Он успокаивает, он формирует иллюзию упорядоченности, осознанности, управляемости ситуаций. Есть бог дождя, нужно усердно молиться, и дождь будет вовремя... Есть таблетка от всего, чем я могу заболеть: нет необходимости следить за своим здоровьем, заболел – выпью таблетку – и все ОК...

У каждого мифа есть апологеты. Есть защитники, есть те, кому этот миф выгоден: жрецы, продавцы панacea и многие другие, для которых мифологизация мира есть средство защиты своих интересов.

Чем вреден миф? Он не дает результата. Он не работает так, как нужно. Поэтому, преодолевая успокоенность мифом, человек строит ирригационные сооружения и поливает свои посевы тогда, когда это нужно, а не тогда, когда бог пошлет дождь...

Существует миф о том, что любое варьирование русского языка в разных странах обусловлено региональными причинами.

Мы должны наконец-то обратить внимание на случаи, которые не укладываются в региональность, потому что они производны не от местности, а от страны, от государства, социальное взаимодействие граждан которого обслуживает язык. Они чаще всего – в семантике, их непросто заметить, но если настроить свое восприятие соответствующим образом, то нельзя не оценить лавинообразный характер их умножения в нероссийских русских (мне думается, что выражение «зарубежный русский», используемое В. И. Беликовым, которое мы обсудим позже, слишком антропоцентрично, чтобы быть нейтральным термином).

Приведу наиболее показательный и «берущий за живое» пример, который я для себя называю «случай Вильгельма». В июне 2011 года Ш. К. Жаркынбекова и Е. А. Журавлева пригласили меня принять участие в летней школе в Евразийском национальном университете им. Л. Гумилева в Астане.

Наша лекторская группа состояла из жителя Украины, двух россиян и жителя Латвии (именно так, а не украинца, двух русских и латвийца, хотя я не исключаю, что у моих коллег, как и у меня, гражданство совпадало с национальной принадлежностью). В течение недели возил нас на работу и на экскурсии яркий и самобытный водитель Вильгельм. В один прекрасный день кто-то из нас сел на переднее сидение и не закрепил ремень безопасности. Вильгельм сказал: «Нет проблем. Приготовьте штуку на штраф и не пристегивайтесь»...

Слово *штука* в разговорном русском имеет значение ‘тысяча денежных единиц’. Я осознанно не говорю тысяча рублей, потому что такое значение это слово имеет только в российском русском.

В этот момент в этом автобусе мне и пришло в голову, что у нас стихийно сложилась весьма и весьма поучительная ситуация, потому что слово *штука* имело для всех присутствующих разное значение и разную «финансовую» катастрофичность. Я автоматически подумал: «тысяча гривен», российские коллеги – «тысяча рублей», коллеге из Прибалтики было, наверное, страшнее всего, потому что «штука» для него это не сто, как для меня, не двадцать пять, как для москвичей, и не пять, как для казахстанца, а тысяча евро...

Но Вильгельм-то имел в виду тысячу казахстанских тенге!

Конечно же, можно посоветовать людям, употребляющим слово «штука» (как и множество других подобных слов) не в значении ‘тысяча рублей’, лучше учить русский

язык. Вот только нужно добавить «российский русский», потому что русский язык люди, подобные мне и Вильгельму, знают, вот только русский у нас уже (так сложилась судьба) не российский, а украинский и казахстанский.

Что показывает «случай Вильгельма»?

Прежде всего то, что в данном случае ни один здравомыслящий лингвист не станет говорить о «региональных вариантах». Эти отличия обусловлены не разницей в регионе проживания, а различиями в социальной жизни государств, потребности которых в социальном взаимодействии обслуживает русский язык, существующий как совокупность национальных вариантов.

Во-вторых, и это самое главное, что существующая языковая реальность кардинальным образом отличается от мифологических представлений, все еще существующих в русистике. Миф гласит, что есть единственно правильное значение слова штука в русском литературном языке, и есть неправильные, испорченные значения в нероссийских русских.

На самом деле в системе русского языка как инварианта всех современных вариантов русского языка, функционирующих в пределах Русофонии, существует языковое понятие о тысяче денежных единиц. В разных странах, использующих русский язык в качестве средства социального взаимодействия, это языковое понятие (сигнификат, концепт) реализуется различными номинативными средствами: *тысяча + (название денежной единицы)*, *тысяча, одна тысяча... штука...*

До тех пор, пока существовала одна страна, в этот ряд номинативных средств не входили словосочетания, предназначенные для выражения данного сигнификата в таких позициях номинации, которые определяются страной пребывания говорящего на русском языке. В условиях распада СССР, в условиях глобального мира микрополе вариантов семантемы [7] расширилось за счет таких элементов, как *тысяча российских рублей, тысяча советских рублей, тысяча гривен в Украине, тысяча белорусских рублей, тысяча тенге в Казахстане, тысяча евро, тысяча долларов, тысяча баксов...*

Таким же образом умножалось число значений слова *штука*.

Если бы сегодня мы делали словарь, базирующийся на идеях георусистики, то словарная статья слова *штука* выглядела бы примерно так:

Штука, разг. – одна тысяча денежных единиц той или иной страны. В *России*: одна тысяча российских рублей. В *СССР*: одна тысяча советских рублей. В *Украине*: одна тысяча гривен. В *Казахстане*: одна тысяча тенге. В *США*: одна тысяча долларов...».

Да, это будет обширная словарная статья. Но это будет словарная статья, адекватно отражающая реальность.

Приведу здесь рассуждения В. И. Беликова, в определенной степени перекликающиеся со сказанным: «На едином русском языковом пространстве всегда существовала региональная специфика в области словаря. Но если пятьдесят или двадцать лет назад были хоть какие-то основания закрывать глаза на лексические особенности в речи русских жителей Риги, Киева, Баку и Ташкента, и всё, что не соответствовало ленинградскому узусу, считать ошибкой, неграмотностью и т. п., то в последние полтора десятилетия такое отношение к языку зарубежных соотечественников выглядит менее естественно» [1, с. 413].

Включение в словарь именованных основных денежных единиц постсоветских государств, вроде бы, представляется неизбежным. Они таковы: *гривна*, наиболее используемый вариант написания, и *гривня*, вариант, фигурирующий в основном в официальных контекстах (Украина), *драм* (Армения), *крона* (Эстония), *лари* (Грузия, с 1995), *лат* (Латвия), *лей* (Молдавия), *лит* (Литва), *манат* (Азербайджан и Туркмения), *сом* (Киргизия), *сомони* (Таджикистан, с 2000), *сум* (Узбекистан), *тенге* (Казахстан; также разменная денежная единица Туркмении).

По времени выпуска во многие словари не могли попасть слова *лари* и *сомони*. Но из остальных десяти единиц современная академическая лексикография отмечает лишь *драм* и (косвенно) *крона*; *гривне* и *лею* даны неполные и, тем самым, ошибочные толкования:

гривна: 1. В Древней Руси — денежная единица и единица веса (...). 2. В Русском государстве с XVI в. — счетно-денежная единица, равная 10 копейкам; гривенник (БАС);

драм: Денежная единица Армении (БАС);

крона: Денежная единица некоторых западноевропейских стран (БТС);

лей: Денежная единица Румынии (БТС).

Может создаться впечатление, что академические толковые словари предназначаются исключительно для населения России. Но ведь и в России достаточно часто упоминаются реалии государств-соседей, совсем нередко в варианте, не соответствующем практике зарубежных русскоязычных текстов.

В этом конкретном случае может помочь «Русский орфографический словарь», однако и это издание представляет нормативную лексику зарубежных вариантов русского языка достаточно фрагментарно. Например, в нем отсутствуют именованья разменных денежных единиц. Некоторые из этих единиц паронимичны; так, в орфографии государственных языков Узбекистана, Казахстана и Киргизии они выглядят как *tüyün*, *тиын*, *тыйын*, а по-русски передаются в этих странах наиболее близким способом: *тийин*, *тиын*, *тыйын*. Те же написания преобладают и в России, но в целом наблюдается достаточно серьезной разницей, киргизская денежная единица, например, встречается не менее чем в четырех вариантах:

Нацвалюта Кыргызстана — сом — будет состоять из 100 тыйынов (Независимая газета, 12.05.1993);

Особенно больно нововведение ударит по многодетным семьям, где и так приходится считать каждый тийин (кыргызская копейка) (Сельская жизнь, 27.01.1994);

Однако в реальной жизни в бюджет Киргизии не попало ни тыйина (Правда, 25.10.1996);

Киргизский сом — 100 тыйын, введен в обращение в 1993 году и стоил тогда 184,53 российского рубля (Российская газета, 26.07.2003)» [1, с. 416-418].

Интересно и следующее замечание В. И. Беликова: «Какие же общие выводы можно сделать? Отечественная языковая политика в отношении русского языка за рубежом имеет две стороны. Есть теория, почти не выходящая за декларации... Есть практика, сводящаяся к полному безразличию к лексическому составу зарубежных вариантов русского языка. Иногда это безразличие переходит рамки политкорректности (ср. цитированные выше статьи **гривна** и **громада** в БАСе)» [1, с. 418].

«Россияцентризм» в русистике, разумеется, имеет прочные и вполне объяснимые корни. Вопрос в другом: насколько разумна его абсолютизация в коренным образом изменившихся планетарных условиях. Может быть, стоит подобно британцам «let my language go»: отпустить русский язык на волю и позволить ему завоевать мир, как это сделал уже далеко не британский английский?

Не стоит думать, что «случай Вильгельма» единичен. Нет, они подобны лавине. Их нельзя не заметить, если только... не закрывать на них глаза.

Варьирование русского языка в современном мире привело к возникновению значительного числа слов и словосочетаний, которые должны быть классифицированы как «россиизмы», «украинизмы», «казахстанизмы»...

Может быть, стоит различать лексические и семантические россиизмы и украинизмы, хотя, на мой взгляд, это лишено особого смысла: очевидно, что основные изменения возникают в семантике, особенно в сфере, назовем ее здесь, антропоцентрической семантики.

Мне доводилось писать о том, что «субъективность в языке» существует и проявляется не только по отношению к говорящему «я», но и по отношению к «мы». Этот вид

антропоцентризма я предложил именовать «коллективоцентризмом», а его проявление в семантике слова – коллективоцентристскими семами [7; 8]. Сегодня мне кажутся более удачными термины «мы-центризм» и «мы-семь».

Количество интегральных «мы-сем» невелико. Их четыре: ‘у нас’, ‘не у нас’, ‘сейчас’, ‘не сейчас’, но их комбинации члняют словарь интереснейшим для нашей темы способом. Старая добрая комбинаторика дает нам следующие сочетания:

- у нас + сейчас,
- у нас + не сейчас,
- не у нас + сейчас,
- не у нас + не сейчас.

В эти четыре группы носитель языка упаковывает огромное количество реалий, именуемых им с помощью имен существительных с конкретной семантикой, которая характеризуется так называемым «культурным компонентом». Всякий раз когда мы видим в словарных толкованиях такие компоненты, как *в Киевской Руси, в царской России, в некоторых европейских странах, в советской армии* и многие подобные, мы, по сути дела, сталкиваемся с манифестацией одной из «мы-сем». Важно осознать, что если значение денотатива характеризуется семами ‘у нас + сейчас’, то в словарных формулировках они, как правило, не получают эксплицитного выражения. Они подразумеваются как «самособойразумеющееся».

Мощным стимулом к развитию национальных вариантов русского языка является множественность «мы» носителей русского языка. Оказывается, что языковое (бытовое, обыденное) «мы» обусловлено не национальностью, не этносом, не языком общения, а страной и государством. «У нас» для россиянина означает в России, для казахстанца – в Казахстане, для украинца – в Украине.

В этом отношении показательна моя оговорка на первых порах постижения феномена национальных вариантов русского языка, когда я назвал казахстанский вариант русского языка казахским вариантом русского языка. Я благодарен Е. А. Журавлевой, которая обратила мое внимание на то, что именно первая номинация адекватно отражает суть явления. Подчеркну еще раз: национальный вариант в решающей степени обусловлен страной, а не местностью или национальностью.

Русский язык вынужден отражать вариантность, множественность «мы» своих носителей, которые оказались жителями разных стран, сохранив, однако, свою русскоязычность.

Если слово *штука* всюду будет означать ‘тысячу рублей’, оно просто перестанет «работать», равно как и множество подобных слов.

Очевидно, что лексика русского языка осталась в основном прежней, а вот картина мира, ею отображаемая, изменилась. И это изменение достаточно заметно в разных странах. Слова *деньги, праздники, время* оказались в какой мере словами с «местоименной» семантикой, то есть ориентированной на «здесь-сейчас» находящегося «мы»-субъекта. Где это «здесь»? Там, где мы сейчас обитаем. Когда это «сейчас»? Тогда, когда мы здесь существуем.

Язык предельно субъективен. Он ориентирован на говорящего субъекта и на творящий языковую картину мира языковый коллектив – некое интегральное «мы», организующее Универсум прежде всего по принципу «наше» – «не наше».

Я лечу в самолете из Москвы в Анталию. Вылетели мы в 11.55 по московскому времени. Мои соседки говорят: у нас 12, а в Анталии сколько? И я сразу понимаю, что они – россиянки. Потому что, у моего «мы» – в Украине – время совпадает с турецким. У нас с этими женщинами разное время!

У нас разное пространство. Когда по НТВ диктор, говорящий о погоде, говорит о «нашем севере», я знаю, что это север другой страны – «не нашей».

И праздники у нас другие.

Это – реальность. Наши общие русские слова отражают наши уже достаточно заметно отличающиеся картины мира. Отличающиеся не кардинально, не напрочь. Но российское «наше» уже не совсем наше «наше». Уже не совсем.

Хорошо это или плохо? Это – реальность. И русисты обязаны ее учитывать, не умножая бесплодные мифы. Русистика должна стать георусистикой и должна обратить внимание на насущную необходимость внимательнейшего исследования национальных вариантов русского языка.

Мне кажется, что настороженное отношение многих русистов к термину «национальный вариант русского языка», который, может быть, несовершенен, но тем не менее имеет долгую традицию использования в германистике, обусловлено тем, что термин «вариант» в лингвистической парадигме, которую я называю субстанциональной [7; 8], имеет прочную негативную коннотацию.

«Норма и варианты»: норма – это хорошо; варианты – то, что негативно влияет на норму. Русский литературный язык – хорошо; национальные варианты русского литературного языка – плохо. Не раз высказываемая мною мысль о возникновении национальных вариантов русской литературной нормы вызывает не просто возражения – священный ужас. Литературная норма стала одним из самых стойких мифов современной русистики [5]. Между тем, степень нормированности системы русского (как и любого другого) языка невелика, что убедительно показывает В. И. Беликов [2].

В функциональной лингвистике функциональный вариант понимается как реализация инварианта в той или иной специфической позиции.

Отношения функционального инварианта-варианта изоморфны для всех подсистем языка и, что принципиально, мира. И языковое подчиняется всеобщему, языковые инварианты функциональны.

Мое превращение в функционалиста началось с учебника по фонетике М. В. Панова. Думаю, что мое непонимание определения фонемы как ряда позиционно чередующихся звукотипов не было только моим: уверен, что тьмы и тьмы филологов получали диплом о высшем образовании в полной уверенности, что фонему профессора-филологи выдумали только за тем, чтобы мучить первокурсников.

Между тем, именно феномен фонемы – ключ к пониманию тех сложнейших вещей, о которых мы будем говорить здесь.

Как оказалось, мне в пановской функциональной фонеме не хватало именно инварианта. То, что каждый вариант фонемы предназначен для определенной фонетической позиции и то, что звукотипы, манифестирующие фонему в слабых позициях, не являются испорченными, искореженными, редуцированными по своей природе, а являются просто субстанционально иными звуками постижимо достаточно легко. Хотя миф о второсортности, редуцированности звукотипов, реализующих фонему в слабой позиции, достаточно живуч.

Когда ты осознаешь, что ряд (я предпочитаю термин «микроболе») звукотипов – это ряд вариантов фонемы, вариантов функционально тождественных, потому что их функция, смысл их существования в системе языка заключается в манифестации фонемы-инварианта в конкретной позиции, ты становишься функционалистом и уже не можешь иначе воспринимать мир и язык.

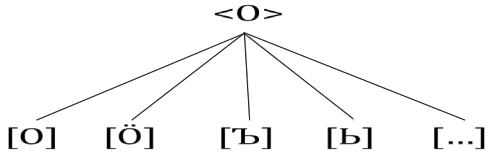
Ведь что такое фонема по своей сути, если взглянуть на нее, отбросив традиционные определения?

Каждый язык из множества звуков, которые способен произвести речевой аппарат человека, скажем из 200 гласных, выбирает несколько эталонных, идеальных, инвариантных звуков, которым он «позволяет» участвовать в создании своих означающих. Носитель языка «видит» только эти эталонные звуки, к ним он сводит все бесконечное множество производимых и воспринимаемых звуков как родного, так и всех неродных языков, с которыми он сталкивается. Именно эти эталонные «звуки» обозначаются буквами.

Фонемы-инварианты на уровне языковой абстракции (структуры языка) могут быть определены только одним способом – перечислением интегральных и дифференциальных признаков (фем, по Э. Бенвенисту).

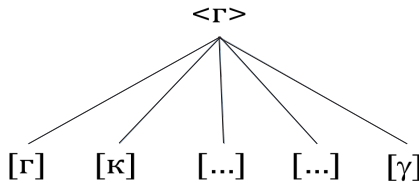
Именно эти фонемы-инварианты и реализуются на уровне типов (нормы) микрополем вариантов. Возникновение этого микрополя обусловлено тем объективно существующим обстоятельством, что в фонологической реальности существует множество фонетических позиций, в которых фонеме приходится реализоваться. Это важнейшая обязанность языка: дать носителю языка средства выражения для всех мыслимых и немыслимых «позиций»: фонетических, номинации, регуляции...

Покажем это на примере двух фонем: <о> и <г>.

Когда фонема <о> попадает в слабую позицию в слове, например, [горъд] то она – и это аксиома – реализуется в заударном слоге после твердых гласным среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованным. Этот вариант фонемы <о> отличается от основного ее варианта – звукотипа [о], но означает ли это, что [ъ] – это испорченное [о]?

Нет, конечно, это реализация соответствующей фонемы, эталонная именно для этой фонетической позиции.

Какие из этих функционально тождественных вариантов испорчены? Конечно, ценность основного варианта в системе более высока, но разные системные качества этих единиц не повод говорить об их неполноценности: это такие же звукотипы, как и те, которые существуют в основной позиции, но с другим набором артикуляторных характеристик.

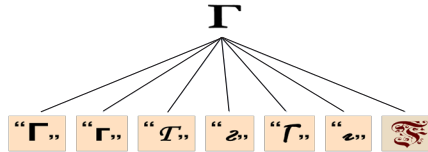
Законы построения системы номинативных единиц изоморфны. Существует функциональная единица семантема [7; 8], которая может быть на уровне языковой абстракции описана набором сем и которая реализуется микрополем слов и словосочетаний, предназначенных для манифестации инвариантного языкового понятия (концепта, сигнификата) в различных позициях номинации.

Рассмотрим в качестве примера семантему ‘*высший руководитель чего-л.*’, которая на уровне языковой абстракции представляет собой стратифицированный набор сем: «руководитель, линейный, являющийся высшим для данного объекта».

В различных позициях номинации эта семантема может быть реализована следующими вариантами (совокупностью функционально тождественных номинативных единиц): *глава, главный, голова, первое лицо, высший руководитель, главный руководитель, первый руководитель; тот, кто возглавляет что-л.* и т.д.

Языковые ярусы изоморфны. Еще одна аксиома. Поэтому отношения функциональных инварианта и вариантов одинаковы для всех языковых подсистем и для языка в целом.

Для графического обозначения русской фонемы <г> существует графема «г». Это функциональный инвариант, который реализуется множеством аллографов, среди которых:

Какой из этих субстанционально различных вариантов – испорченный? Никакой. Каждый из этих вариантов, отличаясь от других субстанционально, предназначен системой языка для манифестации графемы в конкретной графической позиции. Мы абстрагируемся здесь от бесконечного множества почерков и шрифтов.

Инвариантный русский язык как система инвариантных языковых единиц и правил их комбинирования противопоставлен другим подобным системам – инвариантному английскому, немецкому, украинскому... языкам.

Инвариантный русский язык вынужден реализоваться в различных «позициях», специфика которых традиционно определяется кодифицированностью-некодифицированностью, различными социальными и территориальными (региональными) факторами.

В этих «позициях» возникают варианты русского языка: русский литературный язык, по разному именуемые социальные и территориальные диалекты.

По сути дела, русский язык, как и любой другой, существует в виде множества вариантов, существование которых обусловлено необходимостью реализации русского языка в различных «позициях» [6, с. 181]. Русский язык сформировал Русофонию – огромный планетарный языковой мир. Изучение этого мира, его внутреннего устройства, взаимодействия с другими языковыми мирами является, на наш взгляд, объектом изучения георусистики, которая является следующим этапом развития русистики в 21 веке.

Это – один из постулатов георусистики в моем понимании.

Исторические события конца прошлого века, и прежде всего распад СССР, привели к активизации еще одного вида варьирования русского языка в связи с появлением новых «позиций»: в зависимости от того, в какой из новых независимых стран русский язык сегодня обслуживает социальное взаимодействие. Этот вид вариантов уже знаком лингвистике по опыту стран, использующих английский, французский и другие языки. В германистике этот вид вариантов именуется посредством термина «национальный вариант... языка».

Можно спорить о приемлемости или неприемлемости данного термина. Важно не это. Важно то, что феномен, который мы этим термином именуем, существует объективно.

Существуют сегодня российский, украинский, белорусский, казахстанский... национальные варианты русского языка.

Это – не разные языки. Это – единый русский язык в различных «позициях».

Проблема в том, что в качестве инварианта принимается русский литературный язык. Тогда все варианты оказываются якобы «порчей» этого якобы «идеального» языка. На самом деле инвариант – это русский язык в его противопоставлении всем «нерусским» языкам.

После выяснения того, как крымский функционализм понимает феномены инварианта и варианта, время перейти к рассмотрению того, что такое Русофония как объект георусистики.

Системообразующим фактором Русофонии как глобального языкового мира является использование русского языка как инструмента социального взаимодействия. Русо-

фония (равно как и любой иной языковой мир) представляет собой надгосударственное, надэтническое, надконфессиональное образование.

Надо признать, что именно русскоязычность (не национальность, не этничность, не расовость) формирует сегодня идентичность миллионов людей. Еще одна большая группа – лица, получающие доступ к глобальному информационному пространству с помощью русского языка. Есть и другие группы русофилов, владеющие русским языком для работы, для души, для общения.

Самая простая и самая сложная для понимания мысль заключается в том, что Русофония не является простым множеством русофилов.

Сложная и динамическая модель глобального русского языкового мира, должна, на мой взгляд, включать, во-первых, описание всех частей и компонентов структуры русского языкового мира; во-вторых, максимально подробное описание всех «собственно языковых» взаимодействий русского языка с языками-партнерами (принципиально важно, чтобы это взаимодействие рассматривалось не как источник потенциальных «порчей» и «коверканий», а как ресурс для совершенствования русского языка); в-третьих, классификация языков-партнеров с точки зрения того, является ли он языком-конкурентом, языком-союзником, языком-аутсайдером, языком-лидером, языком-попутчиком... Эти определения по необходимости и по неизбежности начального этапа постижения проблемы условны, но мне важно, чтобы мы сегодня увидели необходимость особого отношения, особой политики по отношению к каждой из названных групп (отметим, что идентичные задачи должны решать и другие частные лингвистические дисциплины, среди которых нас во вполне объяснимым причинам прежде всего интересует геоукраинистика). Ведь каждый из языков-партнеров существует по отношению к русскому языку в нескольких плоскостях. Так, украинский язык является конкурентом русского в пределах Украины и в то же самое время – союзником в сохранении места славянских языков в глобальной языковой гонке. На наш взгляд, чрезвычайно важно, чтобы в число тех языков, которые будут обслуживать социальное взаимодействие человечества далекого будущего вошел русский, взявший все самое лучшее прагматичное как из братских славянских языков, так и других языков-партнеров по глобальному межязыковому взаимодействию.

На долю геолингвистики выпадает еще более сложная задача моделирования идеальной языковой политики для всего человечества.

По сути дела, я говорю о необходимости разработки внешней языковой политики. Не берусь судить, первым ли я об этом говорю или нет. Суть в том, что до сих пор, на мой взгляд, говоря о языковой политике, лингвисты подразумевали языковую политику внутреннюю, тогда как георусистика по самой своей сути ориентирована на создание языковой политики внешней.

Структура Русофонии включает центр, ядро и обширные периферийные зоны. Граница между ядерной и периферийной частями любого языкового мира формируется, на мой взгляд, двумя параметрами: «родной/выученный», с одной стороны, и «государственный/негосударственный», с другой.

Это значит, что страны, в которых существуют обширные общности людей, для которых русский язык является основным средством социального взаимодействия (или одним из основных), принадлежат к ядру Русофонии.

Страны, в которых русский язык используется для осуществления социального взаимодействия вне своей страны, формируют обширную и разнородную периферию Русофонии.

Очевидно, что планетарная языковая политика в рамках планетарного русского языкового мира должна учитывать принципиальную разницу между центром, ядром и периферией этой глобальной системы. Необходимо учитывать и пропасть, лежащую между различными составными частями периферии Русофонии.

Центральной и главной составной частью Русофонии является российский вариант русского языка.

Ядерная часть формируется, на мой взгляд, национальными вариантами русского языка в Украине, Беларуси, Казахстане, других бывших советских республиках. При этом официальный или неофициальный статус русского языка в этих странах не имеет решающего значения.

И русский язык, и формируемая им Русофония являются бесценным ресурсом не только России, но и всего человечества: ноосфера Земли вряд ли полноценна без такого своего компонента, как русскоязычный мир.

Этот ресурс требует «хозяйского» отношения, которое в общественном лингвистическом (не сдерживаем, добавлю: ортодоксальном) сознании традиционно и прочно связано со ставшим идиоматическим выражением «беречь и охранять русский язык». Эта идея стала своего рода «необходимостью сознания» русистов многих поколений, популярной банальностью, общим местом в многочисленных высказываниях политиков, государственных деятелей, популяризаторов лингвистических знаний. В азарте этой непрекращающейся «борьбы» как-то незаметно исчезала разница между русским языком и литературным русским языком.

Стремление «беречь и охранять» русский литературный язык от многочисленных, воспринимаемых как «порча» и (по правде говоря) непреодолимых влияний языков, народов, стран, территорий, социальных групп в условиях глобального мира, в условиях предельно интенсивного социального взаимодействия, вооруженного разнообразными средствами связи, Интернет, СМИ, столь же своевременно и продуктивно, как широко известное из классической литературы сражения славного и благородного Дон-Кихота, ставшего символом трогательно-героического, отрешенного от реальной жизни романтика, путающего мечту и реальность. «Рыцари печального образа» от культуры речи, к сожалению, не могут помочь русскому языку и русскому языковому миру. Реальность свидетельствует о том, что время требует иных подходов и иных способов помочь.

Помочь в чем? Помочь прежде всего в жесткой конкуренции с другими мировыми языками. Помочь в осознанной и управляемой работе по совершенствованию русского языка. В этом и есть основное предназначение георусистики, равно как и любой иной частной нелингвистической дисциплины: осознанное управляемое совершенствование и развитие русского языка с целью усиления его позиций в глобальной планетарной межъязыковой конкуренции. Эта цель достижима в случае адекватного описания планетарной языковой ситуации и выбора оптимальной глобальной внешней языковой политики.

С чего начать? Прежде всего с ответа на вопрос о том, что такое совершенствование языка? Что такое совершенный язык? Как можно совершенствовать язык?

На мой взгляд, эта проблема может быть адекватно решена только на основе функционального видения мира.

Степень совершенства любой реалии обусловлена прежде всего тем, насколько полно она выполняет ту функцию, которая стала причиной возникновения этой реалии в мире человека.

Топор красивой формы, но с лезвием из мягкого металла и короткой рукоятью не может быть совершенным. Мы можем строго нормировать размеры, вес, субстанции «русского исконного» топора, но наш мир устроен таким образом, что человек, которому насущно нужно что-то рубить или колоть, воспользуется тем топором, который будет у него «под рукой» не как хорошим инструментом, но как подручным средством.

Язык предназначен для обеспечения социального взаимодействия. Язык – орудие регуляции. Коммуникация, которая традиционно считается основной функцией языка, на мой взгляд, является формой осуществления регуляции.

Следовательно, чем лучше и полнее язык обеспечивает социальное взаимодействие своих носителей, тем он совершеннее.

Степень обеспеченности потребности в социальном взаимодействии обусловлена тем, насколько полно язык предоставляет своему носителю возможность добиваться своих целей в максимально широком спектре ситуаций регуляции. Благодаря книге Р. А. Будагова [3, с. 17], стало широко известно высказывание Николая Крушевского о том, что мир слов стремится к полному отражению мира понятий.

Мир меняется, меняются ситуации, которые язык обеспечивает средствами выражения. Для того, чтобы соответствовать своему назначению, язык вынужден обращаться с своим ресурсам, к своему арсеналу. Или к ресурсам и арсеналам языков, с которыми он может взаимодействовать.

Почти все сказанное выше кажется мне аксиоматичным, очевидным и не требующим доказательств.

Однако в тот момент, когда эти абстрактные рассуждения будут применены к нашей языковедческой реальности, они спровоцируют резкие, а порой и непристойно резкие возражения, обусловленные, на мой взгляд, прежде всего архаичными презумпциями, существующими в современной русистике. Мифы, мифы, мифы. Мифы, успокаивающие и... не позволяющие двигаться вперед.

И все же попытаемся взглянуть на проблему с позиций георусистики, которую я вижу как русистику 21 века.

Совершенен ли современный русский литературный язык? Несомненно – да.

Но в нашу глобальную эпоху полинациональных языков этот вопрос должен быть дополнен еще одним: совершенен для какого именно языкового коллектива? Для какого именно государства?

Учитывая вполне понятный и объяснимый «россияцентризм» русистики, вывод очевиден: современный русский литературный язык идеален (я не о культуре речи, я о соответствии «мира слов» «миру понятий») для России.

Но так ли это для других стран, граждане которых говорят на русском языке с рождения и до смерти?!

Боюсь, что вывод прост: нормы современного русского литературного языка за пределами России не «работают». И не потому, что норму не стоит идеализировать и мифологизировать (здесь снова сошлюсь на работу В. И. Беликова [2, с. 358]). Дело, конечно, в другом: слишком сильное воздействие на нероссийские варианты русского языка иной государственности, иного языкового окружения, иной интенсивности взаимодействия с языками-партнерами. Можно, конечно, не мудрствуя лукаво, порекомендовать жителям этих новых независимых государств «лучше учить русский», но, увы, как показывает жизнь, этот совет не «работает». Жизнь слишком быстро изменяется, чтобы оставаться в плену удобных мифов и стереотипов.

Совершенствовать русский язык, на мой взгляд, означает «дать ему волю». Мне все время приходит на ум слегка измененная фраза «Let my language go».

Как мне представляется, преодоление существующих мифов, переход к русистике 21 века, которую я вижу как георусистику, предполагает понимание того, что российский русский – один из возможных русских. Да – самый важный, да – исконный, да – основной. Но не единственно возможный и не единственный существующий.

И описание норм русского литературного языка в будущем будет осуществляться исходя из того неоспоримого факта, что русский язык сегодня используется многими языковыми коллективами, которые привносят в свои нормативные русские теми или иными факторами обусловленные особенности.

И эти особенности не будут восприниматься как «порча» эталонного, идеального, легендарного русского, а именно как закономерное следствие воздействия языка-партнера на изучаемый или изученный русский. Литературная норма перестанет быть неким оборонительным редутом, в крепость и действенность которого верят только те люди,

которые его обороняют и которые не видят, что «враги» давно обошли этот редут с флангов и давно орудут в тылу. Норма станет планетарной, а не хуторской.

Взаимодействие с другими языками, воздействие других на русский объективно неотвратимо. И это не порча, это – важнейший ресурс совершенствования русского и любого другого языка. Нужно отчетливо осознавать, что изучаемый русский всегда будет испытывать не до конца преодолимое влияние системы родного языка.

Об этом особенно много знают преподаватели русского как иностранного.

Мне хочется прибавить к «случаю Вильгельма» еще один случай из моей практики преподавания русского языка в иностранной аудитории. Назовем его «случай Сайтхонга».

Я рассказывал о нем своим студентам много раз, но только недавно сам осознал истинный смысл этой истории. Дело было тогда, когда я в начале своей преподавательской деятельности работал со студентами-иностранцами из Лаоса. В группе был слабый студент, который очень долго и непросто сдавал очередной экзамен по курсу русского языка. Когда я наконец-то расписался в его зачетной книжке, я понял, что Сайтхонг – именно так его звали – хочет что-то мне сказать помимо программы. «Что, Сайтхонг, – спросил я, – трудно дается русский?». «Да», – ответил Сайтхонг. «Почему?» – спросил я, чтобы поддержать разговор и заранее зная ответ. «Потому что в русском есть звуки, которых нет у нас в лао». «Какие?» – спросил я.

Сайтхонг напрягся изо всех сил и сказал: «[c¹], [c²] и [c³]».

Если раньше я рассказывал этот случай как анекдот, то сегодня я использую его в качестве демонстрации того факта, что акцент есть следствие непреодолимого воздействия системы родного языка на систему языка изучаемого. Конечно же, он был уверен, что он произнес основные варианты фонем <ц>, <ч> и <ш>. Но в его индивидуальной фонологической системе, как впрочем, и в фонологических системах его соотечественников, эти фонемы реализуются именно такими вариантами.

То, что мы привычно называем акцентом, по сути своей есть лишь для немногих избранных преодолимое влияние системы родного языка.

Сайтхонг не поверкает русский язык, он его не портит: он его олаотянивает.

В этой связи показателен вопрос, заданный мне китайским профессором на секционном заседании на шанхайском конгрессе МАПРЯЛ: «Вы согласны, что китайцы портят русский язык?». Я ответил: «Нет, не согласен, китайцы не портят русский язык, китайцы его «окитаивают».

Я уверен, что в обозримом будущем русисты обязательно включат в нормативное описание слова *штука* информацию о том, что его значение в современном русском литературном языке варьируется в зависимости от страны, использующей русский в качестве средства социального взаимодействия. Я уверен, что в будущем фонологи обязательно укажут, что в украинском русском в сильной позиции русская фонема <г> реализуется вариантами [г] и [γ]. (Если 46 000 000 человек в сегодняшней Украине говорят (или склонны говорить постоянно) [γ] в словах «гамак», «багаж» и подобных и если борьба с этим вариантом фонемы <г>, ведущаяся русистами на протяжении нескольких десятилетий, окончилась открытым поражением, у кого повернется язык сказать, что это – ошибка, и что этим 46 000 000 граждан Украины нужно лучше учить русский язык?). Конечно же, мы прекрасно понимаем, что сила влияния живого языка, на котором происходит социальное взаимодействие, настолько велика, что сопротивляться ей можно лишь в определенной степени и до определенного момента. Эти же фонологи обязательно добавят, что в речи лаотян фонемы <ц>, <ч> и <ш> в сильной позиции могут реализовываться звукотипом [c³] наряду с присущими российскому русскому вариантами [ц], [ч¹] и [ш]...

В научный обиход русистов войдут термины «россиизм», «украинизм», «казахстанизм» для обозначения явлений, присущих только российскому, украинскому или казахстанскому национальным вариантам русского языка.

В украинском общественном сознании прекратится отождествление русскости украинского варианта русского языка с его «российскостью»...

В этом обозримом будущем многие другие мифы русистики займут свое место в истории языкознания.

Источники и литература

1. Беликов В. И. Лексический узус в зарубежном русском и академические словари / В. И. Беликов // Русский язык в странах СНГ и Балтии: Международная научная конференция / Отделение историко-филологических наук РАН. – М. : Наука, 2007. – С. 412-418.
2. Беликов В. И. Стереотипы в понимании литературной нормы / В. И. Беликов // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. – М. : РГГУ, 2009. – С. 357-377.
3. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка. 2-е изд. доп. / Р. А. Будагов – М. : Добросвет, 2004. – 304с.
4. Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова. – Симферополь: Антика, 2010. – 152 с.
5. Дорощев Ю. В. О «правильности» и «неправильности» вариантных форм языка / Ю. В. Дорощев // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 1, т. 1. – Симферополь, 2010. – С. 187-191.
6. Дорощев Ю. В. Структура языкового мира: ядро и периферия / Ю. В. Дорощев // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 2, т. 1. – Симферополь, 2011. – С. 181-184.
7. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика / А. Н. Рудяков. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
8. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.

Ю. В. Дорощев

Формы существования языка и структура языкового мира

Эпоха глобализации заставляет лингвистов существенно пересмотреть взгляды на такие закономерные процессы, как взаимодействие языков, их влияние друг на друга, изменчивость и вариативность языка. В последние годы на развитие лингвистики как науки плодотворное влияние оказали и продолжают оказывать интенсивная разработка языковедами разных стран актуальных вопросов социолингвистической типологии языков и проведение сравнительно-типологических исследований в данной области [3]. Это позволило по-новому подойти к ряду перечисленных выше теоретических проблем, правильное решение которых имеет важное методологическое и практическое значение. В частности, становится ясно, что результаты всех этих процессов нельзя сводить к заимствованиям и различным типам интерференции, модификации языка демонстрируют потенциальные возможности, «все то, что является «продуктивным шаблоном», схему, с помощью которой можно реализовать то, что еще не существует как норма» [10, с. 197]. Поэтому, учитывая опыт А. Фрея, возможно исследование любого языка как опережающего норму, «понимая под этим термином все, что диссонирует с традиционным языком: ошибки, инновации, просторечия, арго, необычные или спорные случаи, грамматические неувязки и пр.» [29,

с. 27]. Соответственно, те отклонения от литературных норм, которые обнаруживаются на том или ином этапе развития языка, не должны смущать своей маргинальностью: «исследователь с равной беспристрастностью и объективностью определяет генеральную линию развития того или иного феномена и отклонения от нее, нормирующие закономерности системы и асистемные ошибки говорящих, повторяющееся, неизменно воспроизводимое и его нарушения, новации» [9, с. 261]. Такое понимание языковых явлений требует от исследователей новой концепции развития языка, в которой найдется место широкому спектру явлений, ранее не включаемых в круг интересов языковедов. Основой этой концепции должно стать положение о том, что языки следует рассматривать через призму социальных отношений, то есть как языки-партнеры, языки-соседи и т.д. [15, с. 193].

В свете данных социолингвистической типологии пересмотру и существенному уточнению подверглись многие понятия и теории, но мы далее обратим внимание на то, что с точки зрения функциональной стратификации развитые национальные языки представляют собой иерархически организованные и исторически сложившиеся системы различных форм их существования. А поскольку языки, как правило, не существуют в изоляции, то их формы существования представляют собой своеобразный континуум, постепенно переходящий сначала в некие пограничные состояния (гибридные и креолизованные языки), а затем и в другой язык. В этом случае перед нами предстает «картина активного планетарного взаимодействия языков. Взаимодействия объективного, непрерывного и неотвратимого. Взаимодействия, являющегося важнейшим ресурсом развития языка, его совершенствования, его, в конечном счете, жизнеспособности» [17, с. 10]. Это картина непрерывного образования, развития, функционирования и распада языков, протекающая в самых разнообразных формах, но имеющих между тем общие закономерности, которые лингвистике еще предстоит выявить и описать. (Тенденции к такому анализу обозначались еще в начале XX века: «С тех пор, как мы начнем рассматривать всю совокупность крупных языков как единое целое, – а судя по пути, которым идет современная цивилизация, этот подход, видимо, окажется оправданным – можно будет ожидать параллельного тяготения к неизменяемости уже на межъязыковом уровне: заимствования и кальки, столь частые в современных языках (как европейских, так и неевропейских), означают стремление к тому, чтобы создать словарь интернационального характера, состоящий из интернациональных знаков» [29, с. 215]).

Поэтому представляется оправданным в данном случае использовать термин геолингвистика, призванный сосредоточить внимание исследователей на проблеме существования и взаимодействия языковых миров, отношения между которыми рассматриваются через призму социальных отношений [15, с. 191]. Язык в этом случае становится не самостоятельным феноменом, а частью языкового мира, представляющего собой активно взаимодействующие социальные группы, для которых средством кооперации выступает один и тот же язык в разных вариантах. Это позволит рассматривать все формы существования одного языка в их единстве и взаимодействии не только между собой, но и с другими языками, а также увидеть в вариативности языковой системы проявление потребности социума. Ведь, несмотря на антропоцентризм современного языкознания, лингвисты «фактически еще не сделали нужных выводов из того обстоятельства, что человек работает, действует, думает, творит, живет, будучи погружен в содержательный (или значимый) мир языка, что язык в указанном его аспекте, по сути говоря, представляет собой питательную среду самого существования человека и что язык уже во всяком случае является непременным участником всех тех психических параметров, из которых складывается сознательное и даже бессознательное поведение человека» [8, с. 218]. Соответственно, мы будем исходить из того, что геолингвистика – это лингвистика, объектом которой являются глобальные языковые пространства, для именованя которых, вслед за А. Н. Рудяковым, мы будем использовать термин языковые миры («-фонии») [18].

Географические границы (если в данном случае вообще можно говорить о границах) «-фонии» определяются только тем, что социальное взаимодействие внутри этих границ осуществляется на определенном языке [15, с. 191]. Важно осознавать, что эти границы не являются четкими. «-Фонии» настолько причудливо переплетаются друг с другом, что единственной моделью, которая приходит на ум и может в какой-то степени отразить эту сложнейшую систему, является шар, образованный при помощи смешения нескольких кусков цветного пластилина, символизирующих языковые миры: мы одновременно видим на его поверхности разные цвета, но в то же время не можем отделить их друг от друга. Поэтому, как отмечает А. Н. Рудяков, термины Украинофония, Русофония, Англофония, Германофония, Крымтатарофония, Туркофония пока что являются рабочими и лингвистам еще предстоит подумать над тем, каким образом именовать эти феномены [15, с. 191]. Не ставя перед собой задачу разрешить все проблемы, возникающие перед геолингвистикой, мы сосредоточимся на вопросе о том, какова структура языкового мира и как с ней соотносится структура национального языка.

Как уже отмечалось выше, национальные языки рассматриваются как иерархически организованные и исторически сложившиеся системы (подсистемы), выступающие как формы существования данного языка. Состав компонентов при этом может весьма существенно варьироваться. Так, по мнению Г. В. Степанова, в национальный язык могут входить: единая форма литературного языка, поливариантная форма литературного языка, то или иное количество диалектов, наречий или говоров, ряд переходных форм речи (полу-диалекты, койне и т.д.) [26, с. 326]. Все эти формы манифестируются в более или менее сложной парадигме (иерархии) языковых состояний. Они складываются из многочисленных звеньев, среди которых М. А. Бородина предлагает различать следующие: 1) идиолект, язык одной семьи, язык одного села (коммуны), говор, бесписьменный диалект (территориальный и социальный); 2) группа диалектов, литературный территориальный диалект, который, как правило, существует более длительно, чем «просто диалект», т.е. обычный бесписьменный диалект, региональные особенности речи, совокупность которых приводит к образованию региональных говоров, национальный язык, региональный литературный язык, распадающиеся на подварианты; 3) литературный язык как национальный язык, т.е. нормированный или стандартный литературный язык, национальный, надрегиональный; 4) наднациональный язык [1, с. 32]. Подобная дифференциация опирается на исторический опыт развития языков, и полностью отражает реальную языковую ситуацию не только современной Европы, но и многих других государств мира [13, с. 21].

Часть лингвистов придерживается мнения, согласно которому диалекты не входят в национальный язык в качестве его составной части. Однако большинство языковедов все же включают (хотя нередко с оговорками) в систему национального языка наряду с наддиалектными формами также и разного рода вариантные формы, под которыми чаще всего имеются в виду территориальные диалекты. Противопоставление разных форм языка приводит к тому, что литературный язык рассматривается как своеобразный эталон для всех остальных вариантов языка, как единственная форма, обладающая такими характеристиками, как регламентированность, кодифицированность, полифункциональность, определенная степень гомогенности. Таким образом, нередко в лингвистическом сознании понятия «литературный язык» и «национальный язык» отождествляются, при этом литературный язык становится основной и главной формой реализации языка [28, с. 5]. Следует однако отметить, что при этом нередко упускается из виду тот факт, что «и в наши дни единый литературный язык продолжает «дробиться» на многообразные формы своего существования» [2, с. 53] и что любой литературный язык по аналогии с примером А. Фрея сегодня может рассматриваться как язык в большой мере искусственный, своего рода арго [29, с. 29]. И, видимо, представленные об иерархии форм национального языка, в которой главенствующее место занимает язык

литературный, требует пересмотра, поскольку все формы языка представляют возможные векторы развития языковой системы в целом. Одним из аргументов в эту пользу является тот факт, что в ряде языков (например, в норвежском) существует более чем одна форма литературного языка. В этом случае привычную «пирамиду», в основании которой находятся всевозможные диалекты, оказывается невозможным построить.

Следовательно, литературный язык также следует рассматривать через призму общих закономерностей варьирования. Отвлекаясь от специфически конкретных языков и следуя по пути создания типовой модели вариантных реализаций, А. Д. Швейцер предлагает выделять следующие направления варьирования, характерные для системы литературного языка: социальные модификации, функционально-стилистическое и жанрово-стилистическое варьирование, пространственное и временное варьирование [31, с. 99]. Отметим здесь также, что модель функционально-стилистической вариативности в одноязычном обществе аналогична моделям распределения языков по сферам коммуникативной деятельности в условиях билингвизма [31, с. 23], то есть невозможность такого варьирования значительно сузит сферу использования языка, и таким образом, вариативность выступает как составляющая защитного механизма любого языка.

Тесно связанным с понятием «литературный язык» оказывается понятие «вариант литературного языка». Для лингвистики уже не является новым факт, что язык, обслуживающий одну национальную культуру и цивилизацию, одну науку и литературу, существенно отличается от языка, распределяющего те же функции между двумя нациями. Фактически, это означает, что национально-негомогенный стандартный язык существует как абстракция и практически в письменной и устной форме реализуется в виде вариантов [14, с. 19]. Однако необходимость отграничить разные типы вариативности требует уделить данным понятиям особое внимание. Удачной для этого представляется классификация, предлагаемая А. Д. Швейцером. Исследователь устанавливает следующую иерархию таких соотносительных понятий, как «вариант национального языка», «вариант литературного языка» и «диалект»: вариант национального языка представляет собой совокупность территориально ограниченного варианта литературного языка и распространенных в пределах его ареала территориальных диалектов; вариант литературного языка понимается как региональная разновидность единого нормированного литературного языка; диалект определяется как территориальная разновидность национального языка, ограниченная сферой народно-разговорной речи и противостоящая нормированному литературному языку [30, с. 140-141]. Под диалектом понимается территориально замкнутая разновидность языка, ограниченная сферой народно-разговорной речи и противостоящая нормированному литературному языку [31, с. 56].

Приведенные рассуждения убеждают в том, что литературный язык не должен рассматриваться в качестве какого-то особого средства взаимодействия между людьми, которое следует особым образом оберегать от влияния негативных факторов. Пуристы верят в то, что с помощью нормативных словарей, грамматик, стилистических пособий и т. п. им удастся предотвратить «порчу» языка или даже законсервировать его в нынешнем виде, но, как отмечает А. Фрей, «Позиция пуристов императивна: их интересует совсем не то, что есть, но то, что должно быть, к тому же она и эмпирична: суждения о значимости направлены на мелкие частные факты, которые связываются между собою без выявления общих начал» [29, с. 13]. Однако при этом не следует и рассматривать литературный язык как препятствие для развития национального языка или средство установления правового неравенства. И становление литературного языка, и встречающиеся неодобрение пуристов языковые инновации представляют собой объективно развивающиеся процессы, остановить которые не дано никому [31, с. 96]. Поэтому мы полагаем возможным следовать позиции функционализма, которую А. Фрей формулирует следующим образом: «Я же

избрал позицию наблюдателя, которая исключает всякую корректировку действительности, и потому занялся объективным рассмотрением жизни знаков с единственной целью – исследовать, каким образом ошибки могут быть обусловлены функционированием речи и как они ее отражают» [29, с. 13], а А. Н. Рудяков конкретизирует применительно к проблеме описания вариантов языка как функциональное тождество инварианта и варианта. С этой позиции каждый язык представляет собой инвариант, реализующийся в виде социально и регионально обусловленных вариантов. Свойство инвариантности характеризует то общее, что есть у данной формы существования языка с другими ей подобными. Вариантность характеризует то особенное, что есть только у данной формы в отличие от других ей подобных, с которыми она связана через свои инвариантные свойства [24, с. 217].

Абсолютное большинство языков, как свидетельствуют справочники, обнаруживают тенденцию к образованию различных вариантных форм, среди которых особое место отводится региональным и национальным вариантам. Способность языка к образованию вариантных форм есть одно из его сущностных свойств, обеспечивающих успешную адаптацию языка к потребностям говорящих: «Подобно тому, как в биологии побуждение создает функцию, а функция – орган, в лингвистике недостаточность пробуждает потребность (правда, всегда латентную), которая и запускает способ, а он, в свою очередь, эту потребность удовлетворяет» [29, с. 20]. При этом носитель языка «не оказывает никакого «давления» на свои собственные языковые навыки, а просто модифицирует их в соответствии со своими потребностями выражения» [10, с. 162]. И в связи с этим закономерным является то, что для лингвиста варьирование языковых единиц в процессе речевой деятельности выступает как «нормальный способ существования языка и одновременно основа и микромир последующих исторических макроизменений, по которым и ведется отсчет развития языка» [9, с. 260]. Таким образом, в рамках любого национального языка, имеющего хотя бы вековую историю развития, функционируют различные подсистемы, отражающие специфику его использования в разных регионах и социальных условиях, а наличие вариантных форм языка является неоспоримым фактом. А поскольку одной из целей типологического описания языка следует считать выявление изоморфизма различных языков, то есть установление подобия или сходства не только микросистем, но также и подсистем и целых систем ряда языков, то в связи с этим возникает ряд важных и сложных для современного языкознания вопросов: можно ли рассматривать эти формы как проявления одной общей закономерности? С чем связано появление и развитие тех или иных типов вариантных форм? Какие типы экзистенциальных форм языка можно определить как продуктивные или непродуктивные? Каковы закономерности образования таких форм, одинаковы ли условия их развития, как протекают процессы образования вариантов?

Понятие вариантности языка получило обоснование прежде всего в трудах академика Г. В. Степанова на материале испанского языка Америки. В дальнейшем проблема языкового варьирования становилась предметом исследования в трудах ведущих специалистов в области романского и германского языкознания: А. Д. Швейцера, А. И. Домашнева, Е. А. Реферовской и др. Таким образом, сложилась традиция описания английского, французского, испанского, немецкого языков как национально негомогенных [5, с. 70-71], то есть существующих в форме системы взаимосвязанных вариантов. Эта общая идея была конкретизирована многими исследователями в разных формах. Так, А. Мартине писал: «язык может не быть идентичным самому себе на всей территории своего распространения» [11, с. 393], а Э. Косериу: «испанский язык – это «архисистема», которая включает в себя несколько функциональных систем»; «эти системы могут различаться территорией распространения» [10, с. 37]. Эти мысли оказались достаточно плодотворными и наиболее полно соответствовали сложившемуся к этому времени представлению о природе и характере таких литературных языков, как

английский, немецкий и испанский, каждый из которых обслуживает в современном мире несколько самостоятельных наций и обнаруживает на этом уровне характерные различительные черты [6, с. 13]. Теоретически модель взаимодействия национально-территориальных вариантов полинациональных языков в виде пересекающихся множеств позволяет аналогичным образом представить и закономерности развития других языков, однако это требует включить в ее рамки другие варианты формы, а также учесть, что в границах отдельного национального языка в конкретную эпоху вовсе не обязательно будут представлены все возможные варианты, поскольку их возникновение зависит от ряда условий. Такие языки как английский, испанский, португальский в центрах метрополий культурно-исторически и функционально отличаются от тех же языков, развивающихся в бывших колониях, и поэтому их формы существования гораздо более разнообразны, чем, например, исландского или украинского языков.

Явление вариативности языков обусловлено двумя факторами: во-первых, существованием каждого языка в виде совокупности форм его существования, во-вторых, использованием в конкретный момент и в конкретном месте одной из форм, соответствующих ситуации речевого взаимодействия. При этом обособленность вариантов языка далеко не всегда представляется говорящему реальной, поскольку в его речевой деятельности переключение с одной формы (субкода) на другую, как правило, происходит бессознательно и определяется внеязыковыми факторами. Соответственно, вариантность как категория отражает функционально обусловленное состояние любого развитого языка. И подход к описанию форм языка как единой системы требует установления отношений между разными типами варьирования: территориальным, социальным, региональным, национальным. Для адекватного описания системы языка в отмеченном аспекте необходимо также определить, являются ли эти типы варьирования специфичными (уникальными) или могут рассматриваться как универсалии и на каком этапе развития языка исчезают и появляются те или иные типы вариантных форм. В этой связи представляется необходимой дальнейшая разработка модели языкового варьирования, позволяющей изучать разнообразные национальные, территориальные, региональные, социальные варианты современных языков как инструменты передачи и хранения культурной информации. В основу этой модели, несомненно, должны быть положены принципы, выявленные и сформулированные исследователями полинациональных языков.

Дальнейшая разработка вопросов вариативности требует, на наш взгляд, преобразования иерархической модели форм существования языка, строящейся на традиционном противопоставлении литературной формы языка всем остальным, в предложенную А. Н. Рудяковым функциональную модель, отражающую структуру языкового мира, образуемого тем или иным национальным языком [15, с. 191]. Эта модель включает центр, ядро и периферийную зону языкового мира. При этом следует обратить внимание на то, что «термины центр и периферия мы употребляем не в значении столица и провинция, главное и второстепенное, лучшее и третьесортное. Центр, ядро и периферия – это равноправные части системы, выполняющие различные функции. Если ядро – это носитель качественной определенности системы, то периферия выполняет не менее важную функцию – она обеспечивает взаимодействие с другими «фониями» – с другими языковыми мирами), формируемые – и это принципиально важно осознавать – национальными вариантами соответствующего (в нашем случае, русского языка) [17, с. 8]. Отношения между ядром и периферией не являются раз и навсегда неизменными. Число входящих в них функциональных элементов может изменяться: одни классы языковых подсистем (например, диалекты или национальные варианты) превращаются в другие (например, в разные языки), а некоторые функции могут передаваться от одной подсистемы другой (например, обиходно-разговорная функция может перейти от диалекта к устной форме литературного языка) [27, с. 142].

Для понимания специфики структуры языкового мира как системного явления необходимой методологической основой становится, во-первых, положение о тесной взаимосвязи развития общества и языка при определяющей роли первого; во-вторых, представление о языке как инвариантной системе, реализующейся в виде многообразных вариантов, которые также обозначаются как формы существования языка, уровни языка, экзистенциальные формы языка. Варианты возникают в результате воздействия различных экстралингвистических факторов, поэтому правомерным является выделение национальных вариантов языка, этнических, территориальных, социальных [22, с. 35], отношения между которыми можно истолковать в терминах вариант – инвариант. В этом случае под вариантами понимаются разные проявления одной и той же языковой сущности, закономерно чередующиеся в речевой деятельности [23, с. 80]. Инвариант реализуется в речи позиционно чередующимися вариантами, среди которых одни рассматриваются как типичные, а другие как менее типичные. И процесс варьирования в языке связан с тем, что некоторые формы выражения инвариантных единиц, считавшиеся периферийными или вовсе не учитываемыми, смещаются на позицию типичных представителей инварианта (механизм варьирования в языковой системе достаточно подробно изложен в работе А. Н. Рудякова «Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка»). То есть изменения проявляются в синхронии («спорадических» формах, в так называемых «типичных ошибках» по отношению к установленной норме и в иносистемных особенностях, наблюдаемых в речи, а с функциональной точки зрения они проявляются в наличии внутри одного и того же типа речи факультативных вариантов и изофункциональных элементов» [10, с. 82]. Поэтому фундамент данного исследования составляет также лингвистический функционализм, в частности, функциональная семантика, исходящая из представления о том, что единицей номинации является семантема, представляющая собой инвариантную единицу языка, реализующуюся в речи рядом позиционно чередующихся вариантов, а для анализа лексико-семантической вариативности в работе использованы основные положения, содержащиеся в трудах Ж. П. Соколовской, А. Н. Рудякова и его учеников.

Структура языкового мира, его основные характеристики предопределяются многими факторами: собственно лингвистическими, культурными, историческими, демографическими, географическими, экономическими и политическими. Описание языкового мира базируется на социальном статусе данного языка и его форм (вариантов, диалектов), т.е. его положения относительно других языковых систем и подсистем, функционирующих в данном обществе. Не менее важен для описания языковых миров учет объема и характера социальных функций, выполняемых его компонентами. Для этого необходимо определить степень использования отдельных форм реализации языка в различных сферах человеческой деятельности (образование, официальное делопроизводство, обиходно-бытовое общение, литература и др.), а также их социальную значимость и закономерности использования в рамках данного языкового коллектива как средства локальной, региональной, внутрисубстративной, международной коммуникации. Поэтому понятие языкового мира оказывается сопряжено с понятием языковой ситуации, под которой понимается «Совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [22, с. 266]. Основное отличие языкового мира заключается в том, что в его основе лежит один язык, границы распространения которого связаны с социумом, использующим его как средство взаимодействия.

При характеристике языкового мира необходимо: 1) учитывать длительность функционирования и существования региональных и социальных вариантов (так, для территориальных диалектов русского, английского, французского, испанского языков этот срок будет

значительно дольше, чем для региональных вариантов тех же языков); 2) выяснить, составляют ли варианты языка достаточно определенное территориальное единство и каковы особенности этого единства; 3) сформировать принципы описания специфики разных типов вариантов (особенно в тех случаях, когда варьирование распространяется не на все ярусы языка, а затрагивает только один из них, как, например, происходит с социальными вариантами); 4) установить соотношение между ядром и периферией языкового мира, поскольку разные типы варьирования предполагают разную степень расхождения между ними (так, территориальные диалекты, социолекты, региолекты и варианты литературного языка по-разному соотносятся друг с другом: достаточно явная оппозиция наблюдается между территориальным диалектом и литературной формой, однако между региональными и ядерными формами значительно больше точек соприкосновения, таким образом, образуется непрерывный континуум форм существования языка, переходящий в формы существования другого языка); 5) рассматривать возможность существования письменной формы у того или иного варианта языка (традиционно считается, что территориальные диалекты, а также региолекты являются бесписьменными, они характеризуют только устную речь, однако известно, что в некоторых странах существует литература на диалектах, и поэтому возможность существования письменной формы диалектов не отрицается, о чем говорила О. Г. Ровнова в своем докладе «Георусистика и вопрос о письменной форме диалектного языка» на II Международном крымском лингвистическом конгрессе, и они получают в разных ситуациях большую возможность их письменной фиксации; что же касается вариантов литературного языка и национальных вариантов, то все они имеют литературную форму); 6) учитывать, что разные типы вариантов изучены неравномерно, в течение длительного времени литературный язык противопоставлялся только диалектному, поэтому эти две формы были изучены достаточно полно, а остальные компоненты языкового мира попали в круг интересов лингвистов относительно недавно (ведь еще в середине XX века отрицалось наличие национальных вариантов английского, испанского и других языков).

Соответственно, структура языкового мира гораздо сложнее и многообразнее и в большей степени отражает языковую действительность, чем обычное противопоставление литературного языка диалекту. Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно обогатили представления о зависимости языковых структур от региона их распространения. Они показали, что региональный фактор неотделим от социального [13, с. 23], и если говорить о функционально адекватных единицах, то, очевидно, следует учитывать, что сегодня противопоставление литературного языка диалектам утратило актуальность. Как отмечает М. А. Бородина, обсуждая эту проблему, литературный язык в большей степени противопоставляется формирующимся региональным языкам (или региональным говорам, т.е. региолектам), в том числе и региональным литературным языкам [1, с. 37]. Полагаем, что на самом деле в это соотношение включается целый ряд вариантных форм, система которых характеризует состояние каждого конкретного языка.

Описание этих вариантов в рамках определенного языкового мира выступает как характеристика, отражающая отношения между ядром и периферией. Большинство вариантов языка относятся к периферии языкового мира и находятся в своеобразной оппозиции к литературной форме (ядру языкового мира), а положение и использование этих форм обусловлены прежде всего субъективными потребностями носителей языка. Социальные установки говорящих, их ценностная ориентация приводит к тому, что разные варианты языка ассоциируются с определенным социальным престижем. Структура языковых миров изоморфна: «Несомненно, что устройство Англофонии (равно как и любой другой «-фонии») изоморфно устройству Русофонии: основным вариантам является британский английский, ядро формируется американским, австралийским, южноафриканским и другими национальными вариантами. Для георусистики очевиден тот факт, что,

глядя на австралийский национальный вариант английского языка или на украинский национальный вариант русского языка, мы видим перед собой не испорченный английский или русский, а именно, национальные варианты соответствующих языков-инвариантов (говоря о русском языке или английском языке в этом смысле, мы имеем в виду литературный язык)» [17, с. 9]. Языки в такой ситуации становятся языками-партнерами, а не источником «кинородных» и «чужеродных» элементов. Рассмотрим с этой точки зрения формы национального языка в их единстве как составляющие одного языкового мира.

Итак, наша работа базируется на положении, что территориальные, региональные, социальные, национальные, культурные формы существования языка реализуют единый инвариант и характеризуются рядом различий. Эти различия наиболее ярко проявляются в лексике, поэтому далее будут рассматриваться вопросы о путях развития лексической системы тех форм языка, которые характеризуются разной степенью региональной обособленности.

Языковая вариативность лексико-семантической системы языка рассматривается в рамках социолингвистики как одна из основных форм проявления адаптации языка к территориальным, социальным и культурным условиям, в которых протекает речевая деятельность его носителей. Вопросы вариативности языка в таком аспекте поднимались в работах многих исследователей: Р. А. Будагова, Ю. Д. Дешериева, В. К. Журавлева, В. А. Звезгинцева, Н. Б. Мечковской, Г. В. Степанова, А. Д. Швейцера, Т. Р. Белла, В. Лабова и др. Анализ работ перечисленных авторов убеждает в том, что описание различных форм языка (подъязыков, вариантов, экзистенциальных форм) является одним из важнейших и малоизученных вопросов взаимодействия общества и языка.

Своеобразие различных форм языка наиболее ярко проявляется в лексике, поскольку она непосредственно отражает социальную, профессиональную, этнокультурную дифференциацию общества в структурных и семантических новообразованиях. Это особенно справедливо для региональных социальных процессов, влияющих на ареальную дифференциацию языков, получивших широкое распространение на территории нескольких стран. Изучение данной проблемы требует детального описания лексической вариативности каждой формы языка, но вместе с тем необходима разработка методики описания этих идиомов, исходящей из единого основания и представляющей все формы языка не как разрозненные элементы, а как систему.

Развитие вариативности в лексике связано с расширением словаря, который пополняется рядом регионально значимых номинативных единиц. При этом могут использоваться все возможные способы создания новообразований, которые можно, в целом, разделить на две группы: новообразования, возникшие внутри данного языка, и новообразования, заимствованные из других языков, которые в данном ареале активно взаимодействуют друг с другом. Причем это взаимодействие обусловлено необходимостью различных контактов между носителями разных языков, и в результате оба языка стремятся отразить некую общую для их носителей когнитивную базу, картину мира, которая тоже возникает на стыке культур и наций, вследствие чего и возникают регионально обособленные идиомы.

Взаимное проникновение иноязычных элементов в структурных моделях, по традиции называемое в литературе «заимствованием», представляет собой важнейший процесс при взаимодействии языков, поскольку пополнение словарного состава языка тесно связано с функционированием языка в обществе. В основном именно общественные потребности приводят к появлению новых слов. Свое функционирование на новой языковой почве слова чужого языка, как правило, начинают не с проникновения в тексты, отражающих нормативное использование языковых средств, а распространяются первоначально в узусе говорящих, поэтому те формы языка, которые не обладают кодифицированной нормой, в первую очередь подвергаются такому влиянию. При этом использование лексических заимствований обусловлено рядом факторов: социально-исторических, социально-психологических, социокультурных и прагматических. Лексическое заим-

ствование никогда не осуществляется одновременно на всех участках языковой системы, а происходит в рамках конкретных языковых подсистем. Более того, можно выделить и отдельные лексико-семантические группы, которые характеризуются высокой степенью вариативности. Например, такой группой является гастрономическая лексика: ср. исп. в Испании *patata* и исп. в Южной Америке *papa* 'картофель', *alubia* и *frijol*, *chaucha* 'фасоль' [25, с. 189]; англ. Великобритании *biscuit* и англ. США *cookie* 'печенье', *whisky* и *scotch* 'виски', *maize* и *corn* 'кукуруза', русс. в России *окорок*, *кефир*, *водка*, *арбуз* и русс. в Казахстане *жанбас*, *айран* [7, с. 26] и в Украине *горилка*, *кавун*.

Развитие вариантных форм языка во многом обусловлено взаимодействием двух языков. Исследования в этой области убеждают, что случаи заимствований на региональном уровне носят системный характер. Сравним, например, развитие русских диалектов (территориальных вариантов) в разных регионах, когда слова заимствовались из языков коренных народов (в севернорусских говорах из западнофинских языков заимствованы слова *курья* 'залив реки', *сахта* 'поросшая кустарником болотистая местность', *рада* 'моховое болото', *кибас* 'грузило на неводе', *лах* 'семга после метания икры'; из коми языка пришли слова *виска* 'ручей, проток', *кулёма* 'западня на пушных зверей', *лузан* 'охотничья накидка', *орда* 'бурундук'; в южнорусских и особенно юго-восточных говорах функционируют многочисленные заимствования из языков тюркских народов: *казан* 'ведро', *бирюк* 'волк', *учуг* 'проволочная сетка, которой перегораживают реку', *арьян* 'кислое молоко, разведенное водой', *махан* 'вареное мясо', *сурпа* 'мясной бульон', *турсук* 'кожаный мешок) [21, с. 178-179], заимствования в диалекте английского языка Восточной Пенсильвании из немецкого (Pennsylvania Dutch): *paper toot* 'пакет' (ср. нем. *Tüte*), *spook* 'привидение' (нем. *Spuk*), *clook* 'наседка' (нем. *Glucke*), *thick milk* 'кислое молоко' (нем. *dicke Milch*), *the oranges are all* 'апельсины кончились' (нем. *Die Apfelsinen sind alle*), *get awake* 'проснуться' (нем. *Wach werden*) [31, с. 149] и развитие национальных вариантов английского языка (например, в английском языке Австралии *dingo* кроме значения 'дикая собака' имеет значение 'предатель', *galah* помимо названия попугая разновидности какаду имеет значение 'глупый человек') и испанского языка (например, в странах Южной Америки: *caiman* 'крокодил', *xaguey* 'водоем', *gaubin* 'форель', *hicoteas* 'черепахи' [25, с. 233-240]. Такие заимствования используются в соответствующем варианте языка не как отдельные элементы, а в качестве полноправных языковых единиц, обладающих всеми свойствами системы данного языка за исключением своего происхождения.

Изучение масштабов лексического варьирования подобного рода в разные исторические периоды и установление роли определенных языков как источников пополнения словаря привели к появлению ряда терминов «иноязычные вкрапления», «варваризмы», «экзотизмы», «регионализм», «единицы, отражающие инонациональную специфику». Данные термины, по-видимому, отражают тенденцию недооценивать роль и место такого взаимодействия языков, поскольку подчеркивается их нерегулярный характер. Однако нельзя не учитывать, что поскольку в условиях постоянного и массового двуязычия такие явления приобретают вполне системный и закономерный характер, и поэтому их лингвистическое исследование становится особенно актуальным по мере накопления таких отличий в разных формах отдельного языка.

Систематические исследования территориальных диалектов начались давно, и, пожалуй, эта форма языка является наиболее исследованной после литературной. Специфичность территориальных диалектов проявляется на всех ярусах и является результатом как междиалектных и межъязыковых контактов, так и результатом миграционных процессов и относительно обособленного развития в разные периоды, которые привели к возникновению или сохранению слов, неизвестных литературному языку или вышедших из широкого употребления. В русских диалектах на разных территориях сохранилось немало слов древнего происхождения, восходящих к эпохе общеславянского языкового

единства: *ведро* 'ясная погода', *багно* 'болото', *губа* 'гриб', *куропоть* 'куропатка', *ряб* 'рябчик', *ез* 'запруда в реке для ловли рыбы', *орать* 'пахать', *леха* 'грязда', *кут* 'часть избы у печи', *завор* 'проезд в изгороди, закладываемый жердями', *имать* 'ловить, хватать', *лони* 'в прошлом году' [20, с. 267]. Тем не менее, несмотря на очевидную важность территориальных диалектов как средства общения и источника материала для лингвистических исследований, они представляют собой периферийную зону языкового мира.

«Приграничную» область для каждого языкового мира составляют «гибридные» формы существования языка. Так, в США такими подсистемами являются: *Finglish* («американизированный» язык финских иммигрантов), *Spanglish* (язык испаноязычного населения), *Tex-Mex* (язык мексиканцев, проживающих в Техасе), *Wop* (язык итальянских иммигрантов) [31, с. 45]. Особое место занимают попытки осмысления специфических особенностей *Black English*. Первоначально существование этой формы языка объяснялось «биологическими свойствами» негров, их якобы врожденной неспособностью хорошо овладеть литературной английской речью. Однако диалект негритянского населения, сформировавшись под воздействием ряда социальных факторов, и в первую очередь сегрегации негритянского населения, развивался не только как система, пассивно воспринимающая инновации, исходящие извне, но и как самостоятельно функционирующее языковое образование развивающееся с известной степенью независимости и, разумеется, в соответствии с общими тенденциями развития английского языка и его диалектов [31, с. 152-167].

Сходные оценки наблюдаются в отношении такого явления, как суржик, который считается характерной чертой неграмотного человека в Украине. Однако во всех этих случаях мы, видимо, имеем дело с хорошо известным на примере многих других языков процессом, ведущим к образованию койне, занимающим промежуточное положение между социальными и территориальными диалектами и литературным языком. Подобные формы языка, по мнению А. Д. Швейцера, не получают отрицательной оценки в пределах ареала их распространения, а специфическая для них лексика широко используется в произведениях местных авторов, в том числе в авторской речи [31, с. 148].

Обратимся теперь к более сложному типу варьирования в испанском языке, при котором отношения между ядром и периферией языкового мира существенно преобразуются, результатом чего становится появление национальных вариантов языка, представляющих собой своеобразные новые «центры», вокруг которых формируется своя периферия. Как известно, испанский язык существует в форме ряда национальных вариантов, распространенных в Латинской Америке. Как и в случае с территориальными диалектами, лексический корпус каждого варианта испанского языка представляет собой совокупность общеиспанских слов и устойчивых оборотов, составляющих большинство словарного запаса любой испаноговорящей нации, и слов и оборотов, характерных для той или иной национальной общности и определенного региона.

Формирование лексического своеобразия латиноамериканских национальных вариантов проходит по сути теми же путями, что и при образовании других вариантов форм языка. Прежде всего, здесь наблюдается использование большого количества заимствованных единиц местных (индейских) языков. Например, *chuspa* в Аргентине 'кисет', в других странах 'сумка, мешочек'; *cuicyu* 'срубленное дерево, по которому переходят ручей' (Чили). На Кубе есть и заимствования из африканских наречий *mandiga* 'дьявол, злой дух', *bilongo* 'колдовство'. Далее, это переосмысление исконно испанских слов. Так, на Кубе *tumbar* ('косить, валить') стало означать 'резать, рубить тростник', *veg* ('долина') – 'табачная плантация', в Аргентине и Уругвае *tropa* ('толпа') – 'стадо, отара', *cebar* ('откармливать скот') – 'закривать маме', *fletar* ('фрахтовать') – 'приходить без приглашения'. Наконец, широко распространено создание новых слов по испанским словообразовательным моделям из испанских основ и аффиксов или основ индейского происхождения и испанских аффиксов. В кубинском варианте из испанских фор-

мантов образовались *Alfabetizador* ('учитель-доброволец в период борьбы с неграмотностью') от *alfabetizar* ('обучать грамоте'), *rezagador* ('сортировщик табачных листьев') от *rezagar* ('откладывать', получившее в латинских странах значение 'сортировать лиственной табак'), *garrotero* ('ростовщик') от *garrota* ('орудие казни, удавка'), *comefango* ('глупец') от *comer* ('есть') и *fango* ('грязь'), *caobista* ('краснодеревщик') от *caoba* ('красное дерево'), *boniatial* ('поле, засаженное маниокой') от *boniato* ('маниока') [4].

Изложенные выше рассуждения подводят к мысли о системном характере образования и развития вариантных форм языка. Поэтому далее мы попытаемся охарактеризовать механизм появления и закрепления вариантов в лексико-семантической системе языка на примере взаимодействия и образования лексико-семантических соответствий в различных вариантах конкретного языка, по отношению к которым данный язык выступает в качестве инварианта. Вслед за А. Н. Рудяковым мы рассматриваем эту систему как совокупность функциональных номинативных единиц – семантем. Семантема представляет собой сложное единство сигнификата и средств его выражения в данном языке [19, с. 163-180]. И поскольку большую роль в развитии вариантных форм языка играет пополнение словарного состава национального языка в определенный исторический период и на отдельной территории, то можно рассматривать этот процесс как появление нового способа выражения сигнификата, который является общим для картины мира соседствующих народов (или регионально обособленных народов), но не имеет общей для них или вообще никакой формы экспликации в языке.

Так, семантема 'автобус' может быть выражена в стандартном испанском словом *autobús*, в Аргентине *colectivo*, в Мексике *camion*, в Колумбии *chiva*, в Чили *gondola*, на Кубе *guagua*, на Антильских островах *micro*; в английском языке Великобритании семантема 'конфета' реализуется словом *sweet*, в США *candy*, в Австралии *lolly*; в русском языке семантема 'совет как административный орган власти' сегодня представлена разнообразными средствами выражения: в России *дума* («13 апреля под председательством главы города Георгия Колягина состоялось очередное заседание Ставропольской городской Думы»), в Украине *рада* («Верховная Рада одобрила решение президента»), в Узбекистане *кенгаш* («В 2004 году городской Кенгаш народных депутатов избрал Светлану Ивановну сенатором Олий Мажлиса»), в Казахстане *маслихат* («Программа кандидата в депутаты Актюбинского городского маслихата по избирательному округу №10»), хотя во всех случаях слово *совет* может использоваться как регионально нейтральная единица. Таким образом, «реальный говорящий всегда имеет перед собой многочисленные традиции и может свободно располагать ими для различных целей выражения» [10, с. 198].

Результатом развития вариантных форм в языке становятся межрегиональные лексические соответствия, которые обладают различной семантической емкостью, отражают различные участки общей картины мира. Ср. англ. Великобритании *faculty* и англ. США *department* 'факультет', *teachers (staff)* и *faculty* 'кафедра, преподаватели'; русс. в России *глава совета* и русс. в Украине *городской голова*. Помимо этого можно отметить, что слова, перешедшие из одного языка в другой, далеко не всегда влекут за собой полный набор значений. Так, в Южной Америке испанское слово *invierno* 'зима' имеет значение 'период дождей', в русском языке Украины слово *мова* имеет значение 'украинский язык'. Соответственно, объем семантики, лексическая сочетаемость, стилистические коннотации, являясь специфичными признаками культурного компонента, определяют необходимость системного рассмотрения проблемы языкового варьирования, которое отражает расширение картины мира и изменение когнитивной базы носителя языка на определенной территории.

В целом, представление межрегиональных соответствий в виде способов выражения единого для данного языка понятия (сигнификата), позволяет отметить, что не наруша-

ется единство языка, проследить, как такие единицы могут закрепляться в разных экзистенциальных формах языка, отличаясь прагматической оценкой, стилистическим значением и т.п. При этом они выступают не только как средство номинации, имеющее свой референт в реальности, но и отражают свойственный данной территории культурологический фон, национальный колорит, которые лежат в основе формирования образа мира или, точнее, инварианта данной местности в сознании среднего жителя определенного региона (или страны). Рассмотрение таких единиц в рамках концепции функциональной семантики позволяет утверждать, что механизм образования и развития вариантных форм языка носит универсальный характер [16].

Закреплению узуального использования подобных единиц и, как следствие, осознанию и расширению вариативности языка способствуют тексты, в которых используются номинативные единицы, отражающие функционирование языка на определенной территории. В этом отношении можно привести широко распространенные примеры влияния русского языка на украинский и наоборот: «Активисты «Громады Рыбалок України» необычным способом лоббируют принятие нового экологического законопроекта»; «Тем не менее качество украинской горилки долгое время оставалось низким; «Міністерство юстиції України відповідає на багаточисленні звернення громадян»; «Обов'язку заключати такий договір у вас немає».

Межрегиональные лексические соответствия, таким образом, являются закономерным явлением, которые объясняются рядом экстралингвистических и лингвистических причин. Как пишет Э. Косериу, «действуя в условиях языковой свободы, говорящие, которые исходят из похожих систем и сталкиваются с аналогичными проблемами выражения, могут найти также аналогичное решение (впрочем, они могут выбрать и совершенно различные решения)» [10, с. 167]. Данные единицы занимают прочное место в лексическом составе, качественно отличаясь своей способностью специфически номинировать общераспространенные реалии, а также реалии, характерные для отдельных регионов.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно преобразовали представления о функционировании и развитии языков, следствием чего стала очевидной необходимость учета вариативности как неотъемлемого свойства любого языка. Такой подход сделал возможным системное рассмотрение региональных и социальных факторов, обуславливающих возникновение и развитие вариативности. Анализ и описание вариативности языков позволяют не только фиксировать инновационные процессы, определяющие развитие и преобразование языков, но и разрешить ряд противоречий, изучением которых традиционно занимаются этнолингвистика и социолингвистика: к ним, прежде всего, относится проблема использования языка одной нации в других государствах. Описание ряда языков (английского, испанского, французского) в указанном аспекте позволяет рассматривать их не только как составляющие определенной нации, но как элемент национально-культурной специфики многих сообществ, которые используют эти языки наравне со своим родным. Поэтому такие языки, как английский, французский, русский и др. является не только языками международного общения, а культурным достоянием каждого государства, в котором они функционируют, и каждого носителя этих языков. Соответственно, выделение национальных вариантов отдельных языков связано с тем фактом, что объективно существуют формы «приспособления единого литературного языка как к традиции, так и к современным потребностям нации», которая использует данный язык [5, с. 73].

Наблюдения над полинациональными языками позволяют выделить целый ряд типичных эволюционных процессов (или изменений), которые повторяются в одной и той же форме в историях различных языков, как родственных, так и неродственных между собой, и сопоставить эти процессы с другими типами варьирования (региональным, со-

циальным). На этом основании можно заключить, что проблема языкового варьирования на современном этапе может рассматриваться не только на материале полинациональных языков, поскольку любой язык представляет собой совокупность экзистенциальных форм, распространенных в пределах некоторых ареалов (в виде территориальных диалектов, региональных и национальных вариантов) и в пределах разных групп населения (социально-этническая, социально-профессиональная и социально-корпоративная вариативность).

Исследование всех возможных вариантов языка требует разработки понятия позволяющего охватить все многообразие проявлений языка в единстве с региональными и социальными факторами. Таким понятием является языковой мир, представляющий собой единство форм существования языка и различных социальных и региональных позиций, обуславливающих функционирование языковых вариантов. Структура языкового мира, таким образом, представляет собой единство ядра и периферии, обуславливающих существование друг друга и выполняющих соответствующие функции: ядро обеспечивает определенность и относительное постоянство системы, а периферия – взаимодействие с другими языковыми мирами и «проверку» тех элементов, которые возникают в языке в результате его развития. Традиционно к ядру относят литературный язык, а к периферии различные разновидности обиходно-разговорного языка, территориальные и социальные диалекты. Однако, как показывают исторические примеры (в частности, развитие романских языков на основе латыни) и реальная языковая ситуация во многих регионах мира, существуют и другие варианты формы языка (например, гибридные), которые также должны рассматриваться как составляющие единой системы. Следовательно, описание языкового мира должно учитывать не только общепризнанные варианты языка, но и потенциальные возможности, все, что представляет собой продуктивную модель (например, варианты формы, характерные для одних языков, но не проявившиеся в силу каких-либо условий у других).

Различия между вариантами одного языка, образующего языковой мир, наиболее ярко проявляются в лексике. Варьирование лексико-семантической системы языка наиболее прослеживается не только в региональных и социальных вариантах, но даже в литературных формах. Процесс утверждения или исчезновения той или иной единицы нередко протекает в рамках вполне обозримого временного промежутка и потому оказывается доступным для всестороннего описания. Словарный запас всех вариантов отдельного языка формируется, с одной стороны, общими для всего языка номинативными средствами, а с другой, характеризуется высоким процентом заимствований из языка жителей, которые населяли и населяют данные территории до распространения, например, английского, испанского или русского языка. Помимо этого могут образовываться новые слова и путем переосмысления значения общих слов или образования новых слов из корней и аффиксов контактирующих языков. Большинство таких слов обозначают реалии новой страны или региона: местных животных, растения или погодные условия, новые социальные отношения, новые отрасли и условия труда. В подобных ситуациях язык выступает как средство объективации социокультурной оппозиции, однако некоторые из таких слов могут проникнуть и в общий язык и даже стать международными, если они представляют достаточный интерес и важность для людей, говорящих на других языках (например, это произошло со словами *кенгуру*, *коала*, *динго*, пришедшими сначала в английский язык Австралии, а затем заимствованными и в другие языки).

Функциональный подход к изучению варьирования лексико-семантической подсистемы позволяет установить соответствия между различными формами языка, выявить и классифицировать языковые реалии, передающие ценную культурологическую информацию, и последовательно сопоставить номинативные средства различных экзистенциальных форм языка с точки зрения выражения единого семантического инварианта. Соответственно, вариативность в номинативной подсистеме разных языковых состояний

может быть представлена в форме системы семантем, реализующихся в речи рядами позиционно чередующихся вариантов (семем). При этом могут быть выделены тематические микросистемы (или лексико-семантические группы), в которых наблюдается большая степень варьирования: наименования природных явлений (в том числе флоры и фауны), особенности быта (еды, одежды, предметов обихода), традиционный уклад жизни, а также ономастика (топонимы, антропонимы, мифонимы).

Источники и литература

1. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – М. : Издательство «Наука», 1982. – № 5. – С. 29-38.
2. Будагов Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – М. : Издательство Московского университета, 1974. – 264 с.
3. Виноградов В. А. Социолингвистическая типология / В. А. Виноградов, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 136 с.
4. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка: Учебник / В. С. Виноградов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2003. – 244 с.
5. Домашнев О. А. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка / О. А. Домашнев // Лингвистические исследования. 1985. Структура языка и языковые изменения. – М., 1985. – С. 70-79.
6. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / А. И. Домашнев. – Ленинград : «Наука», 1983. – 232с.
7. Журавлева Е. А. Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык: Автореф. дис. ... доктора филол. наук / Е. А. Журавлева / Казахский национальный университет им. аль-Фараби. – Алматы, 2007. – 49 с.
8. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике / Предисл. В. М. Алпатов. Изд. 2-е / В. А. Звегинцев. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 336 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. Изд. 5-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2006. – 264 с.
10. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное / Э. Косериу. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
11. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – С. 366-566.
12. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Г. П. Мельников. – М. : Наука, 2003. – 395 с.
13. Петренко Д. А. Функциональные возможности языка применительно к конкретной языковой ситуации / Д. А. Петренко // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2008. – № 138. – С. 21-25.
14. Попова Л. Г. Лексика английского языка в Канаде Учеб. пособие для вузов / Л. Г. Попова. — М. : Высш. школа, 1978. — 116 с.
15. Рудяков А. Н. Геоллингвистика и русофония / А. Н. Рудяков // Вестник Кокшетауского государственного университета имени Ш. Уалиханова – Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова, 2011. – № 3-4. – С. 190-196.
16. Рудяков А. Н. Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка / А. Н. Рудяков // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 1, т. №1. – Симферополь, 2010. – С. 5-6.
17. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т.1. – С. 7-10.

18. Рудяков А. Н. Георусистика и русофония / А. А. Рудяков // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН. – М. : Сов. писатель, 2008. – С. 115-128.
19. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.
20. Русская диалектология / Под редакцией проф. Н. А. Мещерского. – М. : Издательство «Высшая школа», 1972. – 304 с.
21. Русская диалектология / В. В. Колесов, Л. А. Ивашко, Л. В. Капорулина и др.; Под ред. В. В. Колесова. – М. : Высшая школа, 1990. – 207 с.
22. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко) / В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
23. Солнцев В. М. Вариантность / В. М. Солнцев // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 80-81.
24. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1971. – 294 с.
25. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. Изд. 2-е, стереотипное / Г. В. Степанов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с. (Языки народов мира).
26. Степанов Г. В. Национальный язык / Г. В. Степанов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – 325-326.
27. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. – М. : Издательство «Наука», 1976. – 224 с.
28. Филичева Н. И. Немецкий литературный язык: Учеб. пособие / Н. И. Филичева. – М. : Высш. шк., 1992. – 176 с.
29. Фрей А. Грамматика ошибок: Пер. с фр. / Вступ. ст. В. М. Алпатов / А. Фрей. – М. : Комнига, 2006. – 304 с. (Женевская лингвистическая школа).
30. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. Изд. 2-е / А. Д. Швейцер. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 176 с.
31. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Издательство «Наука», 1983. – 216 с.

Р. В. Забацта

Англофония современного мира: геолингвистический аспект

История языкознания демонстрирует регулярную смену так называемых «гносеологических призм», типических способов решения проблемы, или, говоря современным языком, научных парадигм. В начале XXI века многие лингвисты, культурологи и политологи стали говорить о глобализации мира, стали обращать особое внимание на ускорение и интенсификацию взаимодействия человеческих коллективов. Многие отмечают, что ведущую роль в этих процессах играет язык. Российский политолог Леонид Радзиховский в статье, имеющей название «Геолингвистика» (2008), пишет о смене цивилизационных приоритетов: «Значение языка невероятно выросло именно в конце XX – начале XXI века. Виртуальный и глобальный мир – в нем идёт не силовая (к счастью!), а виртуальная конкуренция, прежде всего конкуренция языковая. В том и великое преимущество этой конкуренции, что она идет без драки, кулаки и бомбы тут бессильны. И, кроме того,

эта конкуренция – не «игра с нулевой суммой», это – конкуренция/диалог, взаимообогащение культур. <...> Доминирует тот, чей язык доминирует» [14]. Особый интерес к закономерностям развития языковых миров обусловлен самой логикой развития социальных отношений: новое время выдвинуло для человеческих языков новые требования, соответствие которым обеспечивает жизнестойкость языков, их адаптационные свойства к новым условиям функционирования.

Развитие информационного общества, стремительный рост технологий, появление обширных зон экономического влияния... – всё это заставляет современного человека находить эффективные способы интеграции в пространство того языка, знание которого обеспечит ему желаемый уровень и качество существования. История развития и распространения английского языка – пример того, как один язык достиг уровня планетарного средства коммуникации.

Социолингвисты утверждают, что каждый третий житель нашей планеты в той или иной степени владеет английским. И здесь представляется важным выбор того научного подхода, того видения вопроса о функциональных свойствах языка, которое помогает получить адекватную картину развития и взаимодействия языков, помогает выявить причины ценности английского для современного человека. Современная лингвистика только сейчас начинает исследовать то, как влияет на функциональную сторону естественного языка географическое распределение языков и их разновидностей, то, чем обусловлены их адаптационные свойства.

Продуктивным для современных лингвистических исследований представляется следующее мнение: «Географические факторы исключительно важны для объяснения многих языковых явлений. Они влияют на характер генетических связей между языками или диалектами, помогают объяснить характер и скорость языковых изменений. Их анализ, например, показывает, что низкие широты, водные преграды и горы, – факторы, способствующие возникновению малых языковых групп и, следовательно, большому языковому разнообразию. Наряду с учётом других факторов, исследование географического распределения языкового разнообразия – необходимая предпосылка для содержательной типологии языков и реконструкции древнейшей языковой истории Земли, восстановления путей, по которым *Homo sapiens* распространялся по земному шару» [8]. Таким образом, лингвистика становится геолингвистикой – наукой о географическом распределении и географической обусловленности языковых явлений. Это закономерный шаг науки о языке к изучению своего объекта не «изнутри» системы, а «извне», поскольку только такой взгляд даёт адекватное представление о функциональности системы.

Термин «географический» не должен восприниматься как только указание на территориальную закреплённость языковых явлений, его содержание значительно шире. В русле взглядов представителей Крымской школы лингвистического функционализма (А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев, Л. А. Моря-Мицук и др.) коренным образом меняется способ видения предмета исследования: лингвиста в меньшей степени интересует вопрос о расселении носителей языка, о его «природном» бытии, но значительно более важен вопрос обусловленности устройства языка воздействиями «среды», т.е. вопрос о роли социальных факторов в совершенствовании функциональной стороны языка. Под социальными факторами мы имеем в виду прежде всего потребности конкретного языкового коллектива, его, возможно, неосознанное, но ни в коем случае не стихийное желание улучшить «старый» инструмент, приспособив его к другим условиям пользования. Именно данное понимание предмета исследования, с нашей точки зрения, позволяет адекватно описывать структуру, закономерности развития и функциональность англоязычного мира.

В названии настоящей статьи мы использовали термин «англофония», который является рабочим, не общеупотребительным. Введение этого термина для именованного глобального англоязычного мира объясняется необходимостью использовать ёмкое слово,

отражающее широкий спектр явлений, имеющих прямое отношение к английскому языку и «многоголосию» английской речи в современном мире. Данный термин соотносится со словом *англофоны* – англоязычное население планеты, в первую очередь носители английского языка. Тем не менее англофония не сводится к множеству англофонов, поскольку она а) формируется не отдельными англофонами, а языковыми коллективами, каждый из которых адаптирует английский исходя из своих потребностей, б) отражает закономерности варьирования английского языка как системы, в) взаимодействует с другими языковыми мирами (другими «-фониями»).

1

Многообразие человеческих языков представляет несомненный интерес для типологических исследований. В современных условиях глобализации в поле зрения лингвистики всё чаще попадают не отдельные языки, изолированно от других функционирующие на какой-либо территории, но некоторые макроязыковые пространства – общности носителей различных форм существования одного и того же языка. Мы неслучайно использовали словосочетание *формы одного языка*, поскольку исходным тезисом наших рассуждений является положение, согласно которому все языки мира изменчивы, т.е. на них влияет целый ряд внешних по отношению к языковой системе факторов (социально-экономические, демографические, политические и др.); если естественный язык не подвергается действию указанных факторов, то он не может не только развиваться, но и не может отвечать потребностям социалемы¹. Языки, не имеющие даже минимального числа своих постоянных носителей в течение нескольких исторических эпох, отказываются «оторванными» от социальной реальности. Такие статичные языки принято называть мёртвыми (санскрит, старославянский, йола, прусский и др.).

Вместе с тем существует прямо противоположное мёртвому языку явление – феномен глобального, или мирового языка. Одним из таких языков в начале XXI века является английский язык. Его географическое распространение и набор выполняемых им функций настолько широки, что не представляется возможным дать исчерпывающее описание образуемого им языкового пространства. Однако, как отмечает А. Н. Рудяков, «геолингвистику <...> интересует не столько взаиморасположение языков, сколько взаимопроникновение и взаимодействие существующих на планете языковых миров» [15, с. 10], следовательно, геолингвистическая ценность английского языка, равно как и любого другого языка, должна определяться не только территорией распространения и численностью носителей языка как родного, но и способностью языка контактировать с другими языками, отражать совершенно иную социальную реальность, отличную от той, которая характерна для территории метрополии. Примечательны в этом отношении слова В. А. Виноградова о том, что «коммуникативная мощьность идиома в целом определяется скорее численностью людей, для которых данный идиом – «этнически чужой» язык, чем количеством тех, для кого он является этнически родным» [4, с. 48]. Таким образом, для того, чтобы выявить и описать системообразующие компоненты англофонии – глобального англоговорящего мира – нужно обратиться к рассмотрению, во-первых, характера и степени взаимодействия английского языка с другими языками и, во-вторых, специфики экстралингвистических условий, влияющих на формирование отличающихся от английского языка Британии его геолингвистических форм.

Английский далеко не всегда признавался лингвистами в качестве языка, способного оказывать значительное влияние на структуры других языков. В 1921 г. Эдвард Сепир в работе «Язык. Введение в изучение речи» писал: «Можно насчитать пять языков, игравших

¹ Языковой коллектив, существующий в определённых социальных условиях.

преобладающую роль в истории в качестве проводников культуры. Это языки классический китайский, санскрит, арабский, греческий и латинский. В сравнении с ними даже такие культурно важные языки, как древнееврейский и французский отходят на второй план. Нас может несколько огорчить тот факт, что общекультурное влияние английского языка в этом отношении представляется почти что ничтожным. Английский широко распространился в результате колонизации англичанами огромнейших территорий, но нет никаких данных, которые бы свидетельствовали о том, чтобы он проник в лексическое нутро каких-либо иных языков, наподобие того как французский окрасил своей лексикой английский или как арабский наводнил своими словами персидский и турецкий. Этот факт сам по себе показатель для суждения о силе национализма, как политического, так и культурного, в течение последнего столетия» [18, с. 174-175]. В начале XXI века мы, возможно, не были бы так категоричны хотя бы потому, что английский язык в современном мире за последние 90 лет качественно изменил не только европейские, но и другие языки, распространение которых относится к разным континентам. Такое стремительное развитие, проявляющееся в способности языка активно контактировать с другими языками и изменять их подсистемы, связано с действием общего закона ускорения исторического процесса. Вся человеческая история представляет собой прогрессивно ускоряющийся процесс: «В долгих эпохах, на которые делят мировую историю, акселерация всегда выражена наглядно. Каменный век длиннее века металла, который в свою очередь длиннее века машин. В каменном веке верхний палеолит длиннее мезолита, мезолит длиннее неолита. Бронзовый век длиннее железного. Древняя история длиннее средневековой, средневековая длиннее новой, новая длиннее новейшей» [12, с. 12]. Обновление исторической среды, точнее скорость этого обновления, по-видимому, обусловлена быстрым усвоением достижений прошлых эпох и выработкой на этой основе новых способов более совершенного подчинения объективных закономерностей природного Универсума человеческим целям. Развитие технологий в значительной степени влияет на темпы и качество взаимодействия языков: если в средние века коммуникация ограничивалась особенностью расселения этносов и несовершенством способов почтовой доставки, то сегодня благодаря системе Интернет и другим новшествам старые барьеры исчезают. Конечно, коммуникация здесь понимается не как самоцель деятельности человеческих общностей, но как форма осуществления регуляции – прагматически ориентированного социального взаимодействия.

На английском языке говорит значительная часть населения нашей планеты, и носителей английского как неродного несоизмеримо больше, нежели носителей английского как родного. Последние, по данным «Атласа языков мира» [1], составляют не более 350 миллионов человек. В то же время порядка 900 миллионов человек является носителем английского как второго языка (билингвы), а также в это число входят те, кто в определенной степени регулярно использует данный язык в качестве языка межэтнического общения или бизнеса (усвоение языка как иностранного). Разумеется, тем больше возникает модификаций в языковой системе, чем больше распространение этого языка в мире. Поэтому современный английский постоянно изменяется, варьируется теми этническими, государственнымными и пр. общностями, которые используют данный язык. В этой связи возникает социолингвистическая проблема определения объекта исследования.

В современном языкознании «до сих пор нет общепринятого термина для обозначения частных структурно-функциональных систем; их называют: форма существования языка, лингвема, компонент языка, разновидность языка, вариант языка, идиом и др.» [2, с. 61]. В результате в ряде социолингвистических работ объект рассмотрения подменяется изучением качеств совершенно иного предметного поля: этнографии, социологии, демографии и пр. Назовём лишь некоторые из существующих объектов социолингвистического рассмотрения: социальная группа, этническая группа, речевая общность, коммуникативная среда, языковая ситуация, языковое образование, языковой мир и др. Аспект исследования объекта при самостоятельном использовании каждого

из названных терминов в качестве основополагающего существенно влияет на результаты изучения ойкумены. Вместе с тем первоочередное значение имеет всё же языковое пространство, а другие факторы, влияющие на речь носителя языка (социально-политические, административно-территориальные и др.), должны восприниматься как дополнительная информация, способствующая адекватной интерпретации социолингвистических явлений.

В современных условиях глобализации нередко старые идентичности переосмысливаются, уходят на периферию ценностной структуры как общественного, так и индивидуального сознания; актуализируются те качества человека, которые играют ведущую онтологическую роль в его деятельности. А. М. Столяров по этому поводу отмечает: «Началась какая-то глубинная перестройка основ современной цивилизации, происходят фундаментальные сдвиги в структурах, образующих базис нынешнего мироустройства – форматы мировоззренческих и социальных систем принципиально меняются. Обычно это связывают с <...> явлением глобализации, унификации мира, исчезновением национальных государств, распадом парадигмальной реальности, плавлением идентичностей и т.д.» [20, с. 118]. Понятие «этническая принадлежность», «социальное происхождение» и некоторые другие утрачивают своё значение в ряде новых условий взаимодействия людей. Ведущим признаком самоидентификации человека становится языковой признак. Целостная характеристика англофонии не может быть проведена на каком-либо другом основании, нежели собственно лингвистическом, поскольку геолингвистическое описание макроязыковой ситуации (на планетарном уровне) рассматривает взаимоотношения языковых миров («фоний»), выявляет ценностную структуру этих миров, тем самым раскрывает специфику взаимодействия форм разных языков в определённых исторических условиях. Здесь представляется важным упомянуть о традиционном разделении социолингвистики на макро- и микрокомпоненты. Микросоциолингвистика концентрирует своё внимание на исследовании частных языковых ситуаций (ориентация на соссоровский *parole*), макросоциолингвистика, учитывая данные частных языковых ситуаций, исследует соотношение языков на более крупных географических участках (регионах, континентах) (ориентация на *langage*). Недостаток подобного рассмотрения объясняется тем, что по сути дела учёные, оставаясь «внутри» своего объекта, стремятся описать именно взаимодействие языковых систем, а не взаимодействие языковых общностей, что зачастую приводит к идеализации языковых процессов и игнорированию объективных закономерностей развития языков². В современном мире люди используют стандартизированные формы языков (литературные и кодифицированные) лишь в ограниченном количестве ситуаций. Ещё Л. В. Щерба говорил о том, что литературный язык для его носителя всегда немного иностранный. В этом нетрудно убедиться, полагает Ю. Е. Прохоров: нужно всего лишь попытаться «за ужином в семье поговорить на сугубо литературном <...> языке. В лучшем случае вас попросят говорить нормально» [13]. Совершенно очевидно, что ситуация может значительно усложниться, если за столом будут сидеть англофоны из Британии, США, Нигерии, Австралии и языком общения для них будет неуловимый для каждого присутствующего «современный английский литературный язык». Другой пример: человеку, изучающему английский как иностранный язык, в Лондоне будет с трудом даваться понимание речи его жителей. Все дело в том, что коренные лондонцы говорят на

² До недавнего времени изучение процессов взаимодействия автохтонных языков с европейскими языками не являлось предметом лингвистического описания. В большей степени это относилось к проблеме определения статуса некоей формы языка, точнее вообще определению того, о каком языке следует говорить. Например, инглиш-пиджины в англистике долгое время считали не языками, а «гемучими смесями языков», довольно часто «испорченным английским». Только в конце XX века лингвисты подошли к осознанию того, что процессы становления языков – необратимы, значительное влияние на возвращение учёных оказали результаты исследования креолизированных языков (например, африкаанс, ток-писина и некоторых др.).

«кокни» (Cockney) – лондонском диалекте, который значительно отличается от классического британского английского языка.

Разные социальные условия, в которых функционирует английский язык, являются его системообразующим фактором. Здесь мы подходим к выяснению краеугольного камня в системе факторов, влияющих на развитие и геолингвистическую мощь англофонии.

2

А. Д. Швейцер в работе «Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике» (1971), комментируя методологические взгляды американских социолингвистов, писал: «<...> усиление внимания к вопросам социальной обусловленности языка в значительной мере определяется логикой развития самой науки о языке, преодолевающей ограниченность и изоляционизм «внутрилингвистического» направления, отказывающейся от упрощённых схем и стремящейся к глубокому и всестороннему анализу во всей его сложности и многообразии. <...> Если структурно обусловленная вариативность получала известное объяснение, то от вариативности, обусловленной экстралингвистическими, в том числе социальными факторами, дескриптивная теория фактически отмахивалась, подменяя анализ и интерпретацию этого явления наклеиванием ярлыка «свободного варианта» [23, с. 3, 13-14]. Экстралингвистические, или внешние по отношению к языковой системе факторы способны создавать целые комплексы условий, влияющих на свойства системы. Остановимся на одном из данных факторов, а именно на социальных условиях, образующих в результате существования государственности на территории распространения языка.

В макросоциолингвистике существует два типа соотношений: «одно государство: множество языков», «один язык: множество государств» [4, с. 93]. Фактическое соотношение «один язык: одно государство» встречается значительно реже. Достаточно вспомнить распространение языков на политической карте в Евразии: Россия – русский, удмуртский, чеченский, нанайский, лезгинский и др.; Испания – испанский, каталонский; Финляндия: финский, шведский; Швейцария – немецкий, французский, итальянский, ретороманский; Украина – украинский, русский, крымскотатарский и др.; Индия – хинди, английский, урду, сантали, бенгали, манипури и др.; Турция – турецкий, персидский, абхазо-абазинский, лазский и др.; Папуа – Новая Гвинея – ток-писин, хири-моту, итери, папуасские языки и др. Даже если мы возьмём в качестве примера такую моноязычную с первого взгляда страну, как Германия, то нужно будет учесть, что в Германии существует огромное количество смешанных говоров, а также общепризнанные языки национальных меньшинств (датский, фризский, лужицкий) и региональные языки, каким, например, является нижнесаксонский; к тому же в Германии больше половины населения владеет английским языком, а более 3 миллионов человек говорит по-русски.

Таким образом, официальный статус какого-либо одного языка не даёт полного представления о том, каково языковое разнообразие населения страны, какова специфика межязыкового взаимодействия. Разумеется, статус де-юре какого-либо языка в стране предполагает особую поддержку со стороны государства, что является дополнительным немаловажным фактором, влияющим на языковую ситуацию.

Новые социальные условия в пределах государства, территория которого не является основной ойкуменой распространения языка, неизбежно влияют на речевое поведение людей, проживающих на этой территории. Как отмечал Ф. П. Филин, «язык, общий для двух или нескольких наций, постепенно приобретает в пределах каждой нации «локальные» особенности. На базе общего языка возникают отдельные варианты, свойственные каждой нации. Североамериканский вариант английского языка некоторые американцы склонны даже считать особым «американским языком» [22, с. 149]. Здесь следует прояснить два момента.

Во-первых, сегодня термин *нация* употребляется в несколько ином значении, чем в первой половине XX века: главным признаком образования нации не является этнический фактор, поскольку нация формируется на основе социально-исторической общности нескольких народов, государственности и, условно говоря, общей системы базовых ценностей; закреплённые на законодательном уровне права коренного этноса (или так называемой «титულიной нации») – скорее учёт результатов исторического процесса, но никак не утверждение первостепенной роли в развитии государства одной общности людей. Следовательно, все этнические общности взаимодействуют на равных правах (это не иерархия коллективов, но их «сетевое» взаимодействие) в системе общих для них основополагающих ценностей и принципов, взаимодействуют как партнёры общегосударственного строительства.

Во-вторых, критериями определения самостоятельности языка (его «отдельность»), противопоставленность другим языкам) выступают социально-историческая динамика условий эволюции идиомов и политический критерий. То явление, которое мы сегодня называем языком X, в условиях иной, предшествовавшей исторической эпохи могло быть не языком X, а L диалектом языка Y (как, например, старославянский язык раннего средневековья был одним из диалектов древнеболгарского языка, использовавшимся позднее в религиозной сфере, но никак не самостоятельным языком). Что касается второго критерия, его содержание состоит в официальном выражении оценки правящей властью какого-либо идиома³ в качестве языка государства. Например, украинский и белорусский языки обрели лингвоним «язык» в том числе и благодаря становлению отдельных, независимых государств Украина и Беларусь. Это означает, что некоторый идиом может официально объявляться властью политико-территориального образования в качестве «своего языка», а не языка другого государства. Например, до сих пор существует ряд точек зрения относительно системно-диахронического соотношения румынского и молдавского языков. Первая точка зрения на этот счёт такова: на современном этапе это два разных языка, имеющие общее романское происхождение; вторая: один из этих языков является «исконным», самостоятельным, а второй – лишь его разновидность; третья – оба эти языка есть варианты одного языка. В Молдове употребляют как наименование «молдавский», так и наименование «румынский». В подобных случаях нередко имеет место не лингвистический принцип образования лингвонима, а чисто политический.

Англофония современного мира является следствием соотношения «один язык: множество государств». Обратимся к краткому рассмотрению основных этапов развития англоязычного мира, тем самым определим закономерности формирования идиомов англофонии (прежде всего национальных вариантов английского языка).

Общезвестно, что образование английского языка началось в V в. нашей эры. Именно в этот период на острова, которые сегодня образуют территорию Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, мигрировали племена англов, саксов и ютов. С течением времени на островах образовалось четыре самостоятельных королевства – Нортумбрия, Мерсия, Кент, Уэссекс. Королевство Уэссекс в разные периоды подчиняло себе остальные королевства. Именно поэтому в основу английского языка лег уэссекский диалект. Конечно, на формирование английского языка оказал большое влияние скандинавский язык. Набеги скандинавов просто не могли не оставить своего следа, и даже сегодня в английском языке достаточно много скандинавских слов (имена существительные, местоимения, грамматические элементы): в древнеанглийский язык проникает скандинавская общеупотребительная лексика: son, husband, fellow, happy, ugly, ill, low, take, die, she, same и др. С вторжением феодалов-норманнов в Британию в 1066 г. начинается новый период в истории развития английского языка. Английский язык от-

³ Исторически обусловленная территориальная (говор), социальная (жаргон) или территориально-социальная (койне, пиджин, региональный или национальный вариант) форма существования конкретного языка.

ходит на второй план, на нем говорят только простые люди. Языком же высших слоев, представителей аристократии и церкви, становится родной язык норманнов, а именно норманно-французский диалект старофранцузского языка. На нем ведется преподавание в школах вплоть до 1385 г. Однако завоевателям не удается навязать англичанам свой язык в неизменном виде. Со временем значение средних и мелких землевладельцев, составлявших большую часть коренного населения страны, усиливается. В результате этого норманно-французский язык начинает постепенно «сливаться» с английским, превращаясь в нечто, напоминающее современный английский язык. Английский язык возвращался очень медленно. В 1362 г. его ввели в судопроизводство, отменив французский, а в 1483 г. на английском языке стали издавать парламентские законы. Хотя основа английского языка осталась германской, он настолько сильно пополнился норманизмами, что с этого момента может считаться смешанным языком. Процесс проникновения новых слов продолжается примерно до 1400 г. В состав английского языка вошло огромное количество старофранцузских слов, имеющих отношение к управлению государством (исключение составляют исконно германские ‘king’, ‘queen’, ‘lady’, ‘lord’, ‘earl’), военному делу, судопроизводству, номинации титулов власти, церковных понятий: state – государство, parliament – парламент, government – правительство, reign – царствовать, crown – корона, army – армия, general – генерал, captain – капитан, soldier – солдат, admiral – адмирал, war – война, battle – битва, peace – мир, enemy – неприятель; court – суд, judge – судья, crime – преступление; peer – пэр и многие др. [3].

Письменный английский начал развиваться примерно в середине XIV в. В то время уже было введено христианство, латиница уже вытеснила древнегерманские руны.

Важно обратить внимание на следующие особенности:

- история англофонии началась с языка, который представлял собой «гремучую смесь» элементов и единиц разного происхождения (местные кельтские диалекты, говоры латинского языка, норманно-французский диалект, скандинавская общеупотребительная лексика и пр.);
- литературный среднеанглийский язык начал развиваться из лондонского диалекта, который был устным языком черни и мелких преступников;
- активные процессы заимствования в английский продолжались в течение всего времени его развития (из испанского, голландского, португальского и др. языков), поэтому на сегодняшний день 70% лексики английского языка заимствовано из других языков.

В XVII-XVIII вв. английский язык становится языком ведущей колониальной державы – Великобритании. Именно в период XVI-XVII вв. заканчивается формирование тех дифференциальных признаков, по которым мы можем судить об английском языке как таковом: количество и качество фонем, основной фонд лексики, морфологические формы, типы синтаксических конструкций. Складывает некий эталон, общеупотребительный язык, на который ориентировались образованные люди. Исследователи обычно связывают эти процессы со становлением английского национального языка, в частности литературной его формы (Standard English). С распространением английского языка на колониальных землях начинается процесс зарождения национальных вариантов литературного языка.

Далее обратимся к рассмотрению понятия вариант языка и разновидность языка.

3

Образование вариантов языка – процесс сложный, отличающийся некоторыми особенностями в разных странах и регионах, но имеющий нечто общее: происходит становление модифицированной системы одного и того же языка, системы, способной в полной мере служить средством социального взаимодействия в конкретной ойкумене.

Варьироваться могут языковые элементы, статус которых не позволяет качественно изменить языку, и одновременно существуют такие геолингвистические формы варьирования, приводящие к образованию региональных и национальных вариантов. Отметим, что для последнего типа характерна не только разнородная этническая среда, в которой изменяется язык, но и его национально-географическая автономность, т.е. функционирование в пределах другого государства, в других социальных условиях. Национальный вариант языка – «різнovid національної мови, який використовується різними етносами в певних країнах світу, отримує усвідомлену національною спільнотою автономію, хоч не має із власне національною мовою значних системно-структурних розбіжностей» [17, с. 411-412].

Термин вариант требует пояснений, поскольку в современной лингвистической литературе данным словом обозначены нетождественные понятия.

В работах А. В. Бондарко, О. В. Лещака, А. Н. Рудякова, Ж. П. Соколовской, В. М. Солнцева и ряда др. учёных термин вариант получает своё смысловое наполнение благодаря его противопоставлению понятию инвариант, точнее – рассмотрению отношений между ними. Как отмечает В. М. Солнцев, «в понятии инварианта отображены общие свойства класса объектов, образуемого вариантами. Сам инвариант не существует как отдельный объект, это не представитель класса, не эталон, не «образцовый вариант» [19, с. 81]. Согласно представлениям представителей Крымской школы функциональной лингвистики, инвариант и вариант не есть разные объекты, они есть формы существования одного и того же объекта (так, звукотип русского языка [о] является основным вариантом фонемы <о>, однако при этом, в зависимости от позиции (условий реализации), экспликатором данной фонемы могут быть и [Λ], и [ь], и [ь], и [и(э)], и [э(ы)], и [Ø]; все эти случаи – примеры реализации одной фонетической сущности). И здесь важно чётко определить, с каким объектом мы имеем дело, поскольку, например, человеческий язык вообще можно признать инвариантом, а конкретные человеческие языки его вариантами; или признать английский язык населения Земли как инвариант, а его «использования» определённой социалемой в конкретных социально-географических условиях – его вариантами.

Очень точно о соотношении инварианта и варианта сказал О. В. Лещак: «Я думаю, многие со мной согласятся, если я соотнесу идею инварианта одновременно с двумя философскими категориями: «сущности» («общего неизменного, *essentia*) и «возможного» («потенциального», *potentia*). Первое отношение касается сущностного измерения понятия инварианта, а второе – его бытийного измерения. Чаще всего инвариант трактуется именно как стабильная и неизменная сущность разнообразного множества явлений и, вместе с тем, как чистая возможность, соотносимая с разнообразным множеством действительных фактов (вариантов)» [9, с. 135]. Таким образом, в современном мире человек не может говорить «на английском вообще»: важным становится то, где он рос (область, страна, регион), на каком идиоме говорили его родители, на каком языке он получил образование, с носителями каких идиомов он имеет постоянные языковые контакты. Например, британцы по особенности произносить звук [i] вместо [i] в ряде позиций могут без затруднений узнать в собеседнике австралийца, равно как и современный россиянин, услышав фрикативное [ɣ], может сделать предположение о том, что говорящий с ним родом из Украины.

Что означает инвариант английского языка, «английский вообще», *English essentia*? Инвариантный уровень структуры любого языка предполагает наличие универсальных свойств, которыми должны обладать все идиомы. Это значит, что какую бы разновидность английского языка мы бы ни взяли, она должна характеризоваться стабильным набором признаков, задающих качественную определённость системы. Именно по совокупности данных признаков и выявляется отнесённость идиома к конкретному языку.

Речь идёт об универсальных свойствах английского языка. Здесь позволим себе две аналогии, способствующие пониманию идеи вариативности.

Первая аналогия – атом. Атом является наименьшей частью химического элемента, носителем его свойств. Атом состоит из атомного ядра и окружающего его электронного облака (см. Схему 1).

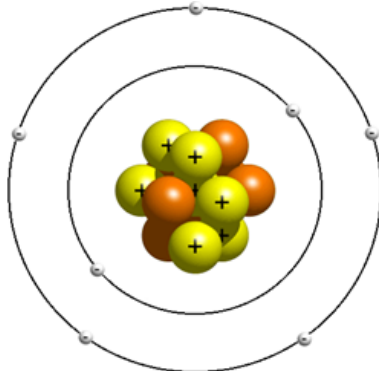

Схема 1. Структура атома.

Ядро атома состоит из положительно заряженных частиц (протонов) и незаряженных частиц (нейтронов), а окружающее его облако состоит из отрицательно заряженных электронов. Если число протонов в ядре совпадает с числом электронов, то атом в целом оказывается электрически нейтральным. В противном случае он обладает некоторым положительным или отрицательным зарядом и называется ионом. В виде самостоятельных частиц ионы встречаются во всех агрегатных состояниях вещества – в газах (в частности, в атмосфере), в жидкостях (в расплавах и растворах), в кристаллах и в плазме (в частности, в межзвёздном пространстве). Атомы классифицируются по количеству протонов и нейтронов в ядре: количество протонов определяет принадлежность атома некоторому химическому элементу, а число нейтронов – изотопу этого элемента. Изотоп – это разновидности атомов (и ядер) одного химического элемента с разным количеством нейтронов в ядре. Все изотопы одного элемента имеют одинаковый заряд ядра, отличаясь лишь числом нейтронов.

Таким образом, ионы и изотопы – разновидности одной сущности. Изменение количества элементов периферии приводит к изменению некоторых свойств целого. При этом стремление ядра к стабильности играет важнейшую роль: количество протонов постоянно и именно оно определяет сущность целого – к какому химическому элементу относится атом. Какие бы разновидности одного атома мы ни взяли (ионы и изотопы одного химического элемента), некоторые ядерные признаки остаются неизменными. Утрата хотя бы одного протона означает качественное изменение целого, то есть мену сущности. Следует думать, что лингвистический набор ядерных признаков, присущих всем разновидностям одного языка, определяет сущность самого языка, а именно: тождественность самому себе и, одновременно, противопоставленность другим языкам⁴.

Вторая аналогия – стул. Стул – предмет мебели без подлокотников, предназначенный для сидения одного человека и имеющий ножки и спинку. Однако использование стула в раз-

⁴ Подобные характеристики языковых единиц отмечались фонологами Московской школы (А. А. Реформатский, М. В. Панов и др.), выделившими две функции фонемы – различение и отождествление значимых единиц языка (морфем и слов).

ных жизненных ситуациях и в разных сферах привело к его модификации. Так, для удобного сидения за барной стойкой создан барный стул, для кормления маленьких детей – детский стульчик, для работы за компьютером – компьютерный стул, для исполнения особого приговора – электрический стул, стул из гнутой древесины – венский стул и т.д. Однако все эти предметы, обладая различными качествами, имеют всё же ряд общих свойств, которые определяют сущность явления. Так, например, в британском английском понятие ‘железная дорога’ выражается словом «railway», а в американском – «railroad», понятие ‘метро’ – «subway» и «underground»/«tube», понятие ‘почтовый индекс’ – «post code» и «zip code» соответственно. Сущность явления не меняется, меняются основные средства выражения какого-либо понятия – номинативные элементы системы.

К универсальным свойствам английского языка можно отнести следующие свойства:

- аналитические формы выражения грамматического значения;
- конверсия – идентичность слов разных частей речи;
- отсутствие последовательной корреляции между орфографией и фонологией слов;
- развитая видоременная система простых, длительных, перфектных и длительно-перфектных глагольных форм;
- почти полное отсутствие системы словоизменения;
- отсутствие категории грамматического рода;
- короткие слова и морфемы и некоторые другие.

Разумеется, к числу ядерных признаков следует отнести общепонятную лексику (активный словарь) и грамматические способы образования форм.

По поводу типичных условий образования национальных вариантов языка нет единого мнения. Главное же отличие национального варианта языка от регионального заключается в том, что степень вариативности последнего находится в зависимости от местных условий и особенностей функционирования языка в пределах одного государства, в котором существует основной вариант, т.е. не всегда использование одного языка в пределах другого, неисконного по отношению к языковому распространению государства рассматривается учёными как проявление национального варьирования. Так, например, ряд исследователей английского языка в Индии (Раджа Рам Мехротра, А. В. Терехова и др.) считает, что по отношению к этому идиому невозможно использование термина национальный вариант, но предпочтительнее употребление термина разновидность английского (variety of English), поскольку «индийский английский <...> не имеет статуса национального языка (только одного из официальных), он неоднороден и неустойчив (термин индийский английский является собирательным для всех диалектов Индостана, появившихся на основе взаимодействия английского и местных языков), он не стандартизирован и не признается большинством местных жителей» [21, с. 136]. В Конституции Индии отмечается, что хинди и английский являются двумя языками работы национального правительства, т.е. государственными языками. Кроме того, представлен официальный список из 22 языков (scheduled languages), которые могут использоваться правительствами индийских штатов для различных административных целей. Интересен тот факт, что правительством Индии было запланировано, что в 1965 г. английский язык должен будет лишён статуса государственного и будет называться «дополнительным государственным языком» до тех пор, пока не закончится полномасштабный переход на хинди. Однако в связи с протестами в некоторых штатах, в которых хинди не получил распространения, было принято решение о консервации языковой ситуации, когда два языка являются государственными. Благодаря быстрой индустриализации и многонационального влияния в экономике, английский язык продолжает оставаться популярным и влиятельным средством коммуникации в государственном управлении и бизнесе. Языковая ситуация в Индии пережила серьёзные потрясения в середине XX в. После провозглашения независимости в 1947 г. встал вопрос

о национальном языке, поскольку, по мнению многих лингвистов, историков и культурологов, национальный язык является одним из атрибутов государственности. Для такой многоязычной страны как Индия единый государственный язык должен был стать также всеобщим объединителем индийской нации. Вероятно, в условиях такой многоязычной страны, какой является Индия, подобный унификаторский подход в языковой политике не мог быть конструктивным фактором в языковом строительстве нового независимого государства.

Как отмечает Джейсон Балдридж [26], Махатма Ганди объявил 5 критериев, которым должен соответствовать будущий национальный язык:

1. Его должно быть легко учить должностным лицам;
2. Он должен быть способен служить средством религиозных, экономических и политических связей по всей Индии;
3. Это должен быть разговорный язык большинства жителей Индии;
4. Его должно быть легко учить для всей страны;
5. При выборе этого языка обстоятельства временного или преходящего характера не должны учитываться [21, с. 137].

В Конституции Индии 1950 г. в качестве национального языка Индии был утвержден хинди. Однако по той причине, что ещё не все население достаточно хорошо им владело, ведение государственных дел, а также судебных заседаний допускалось и на английском языке в течение последующих 15 лет. По истечении данного срока конституция должна была действовать так, будто слова «или на английском языке» выпущены из неё. Спустя 61 год после принятия первой индийской конституции, английский язык продолжает оставаться одним из официальных языков страны, что является, во-первых, следствием колониаторской политики и, во-вторых, результатом преобразования социальной жизни. Примечательно, что всё больше индийских студентов предпочитает получать профессиональное образование на английском языке, поскольку это даёт дополнительные возможности для получения работы, и всё чаще студентами поднимается вопрос о том, чтобы перевести процесс обучения в некоторых индийских вузах (например, Мумбайский университет) на американский вариант английского языка, что способно помочь студентам усвоить нормы этого варианта и найти высокооплачиваемую работу в США.

Итак, отметим условия образования национальных вариантов языка:

- наличие исходного, варьирующегося национального языка, образующего стандарт (литературную форму), жаргоны, просторечие и диалекты;
- государственная автономность территории, на которой существует новое языковое пространство;
- территориальное обособление носителей языка от территории исходной формы языка;
- возможность осуществления языковых контактов на новой территории;
- условие стабильного баланса с инвариантом варьирующегося языка (сохранение качественной определённости);
- осознание носителями языка своеобразия своей формы языка;
- сбалансированная языковая политика государства.

Перейдём к рассмотрению ядерно-периферийной структуры англофонии.

4

Ядерно-периферийная структура англофонии является отражением её системных качеств. При рассмотрении данного вопроса «отправной аксиомой» для нас будет следующий постулат крымского функционализма: «Функция реалии может быть адекватно определена только в том случае, если субъект познания видит эту реалию как целое, взаимодействующее

со средой, как целое, системопорождающий, системообразующий фактор которого средой обусловлен» [16, с. 42]. Следовательно, для нас будет первоочередным выяснение причинных воздействий «среды» на язык, выявление того, почему система английского языка манифестируется в разных социальных условиях (прежде всего государствах) по-разному.

Ядро языкового мира формируется национальными вариантами языка.

Американский английский – наиболее распространённый вариант английского литературного языка. Как известно, колонизация Америки привела к появлению новой языковой ситуации на завоёванной территории. Отрыв от метрополии, с одной стороны, обеспечил консервацию некоторых языковых элементов (например, американский вариант английского языка сохранил некоторое количество фонетических признаков из числа тех, которые с точки зрения современной британской литературной нормы считаются проявлением архаичности), с другой стороны, он обусловил совершенно иные реалии социального взаимодействия. Так, А. Д. Швейцер отмечает, что пополнение словарного состава английского языка в США «шло двумя путями: 1) за счёт образования новых слов и устойчивых словосочетаний и переосмысления старых и 2) методом заимствований из других языков» [24, с. 21]. Если обратиться к истокам возникновения американского варианта английского языка, то нужно прежде всего обратить внимание на результаты британской переселенческой колонизации Северной Америки. Особое влияние на язык американцев оказали существенные различия в жизни и быте колонистов в США и Великобритании. Иной климат, природа, окружение и быт привели к адаптации и возникновению в местном английском новых слов и понятий. Речь идёт о следующих номинативных единицах, возникших именно в речевой практике американцев и не получивших распространения в Англии: названия растений и животных североамериканского континента (*moose* – ‘североамериканский лось’ при английском *elk*, которое в США получило значение «изюбрь»), различных явлений, связанных с государственным и политическим строем США (*dixiecrat* – ‘демократ из южного штата’), с бытом американцев (*drugstore* – ‘аптека-закусочная’), с новыми способами ведения хозяйства (*cornododger* – ‘кукурузная лепёшка’, *back-settlement* – ‘отдалённое поселение в лесной глуши’ и др.). В процессе развития новой формы какого-либо конкретного языка в новых социокультурных условиях вариативность языка прослеживается во всех подсистемах, так, американский английский приобрёл ряд фонетических особенностей (например, частичная утрата долготы гласных), лексико-семантических (например, часть слов в Англии стали архаизмами, но по-прежнему широко распространены в США: *fall* – ‘осень’ вместо франконорманского *autumn*, *apartment* – ‘квартира’ вместо *flat*) и др.

Ещё один классический пример британской колонии – Австралия. Большинство первых поселенцев Австралии, 750 человек, были ссыльными, они являлись представителями беднейших слоев городского и сельского населения. К ним присоединялись люди, которые добровольно решили поселиться в Австралии, часто вместе с семьями. Тем не менее, значительная часть осужденных прибывала из Ирландии (не менее 25%) и из других частей Великобритании. Примечательно, что на английском языке не говорило вообще или говорило очень плохо большинство населения! В 1837 г. Питер Каннингем в своей книге «Два года в Новом Южном Уэльсе» («Two Years in New South Wales») [27] написал, что белые новорождённые австралийцы разговаривали с заметным характерным акцентом и что у них прослеживался своеобразный словарный состав, что объясняется значительным влиянием «кокни» (Cockney).

Отличия австралийского английского от британского проявляется на всех языковых ярусах, однако очень неравномерно. Так, например, буква «i» в закрытом слоге (*bit*, *tip* и т.д.) может выступать как графема звукотипа [i], а не звукотипа [i]: австралийцы говорят [bit], [tɪp] вместо [bɪt], [tɪp]. Буква «a» в закрытом слоге (*bat*, *flat* и т.д.) может выступать для обозначения звукотипа [ɛ], а не как [æ] в британском английском: [bɛt], [flɛt] вместо [bæt], [flæt]. Эта особенность сближает австралийский вариант с новозеландским

вариантом английского. Согласные традиционно подвержены меньшим изменениям, чем гласные звуки. В целом система согласных звуков австралийского английского повторяет систему согласных британского стандарта. Общая с американским вариантом черта – озвончение «t» в положении между гласными: letter произносится как [ˈletə] (British English) и как [ˈletər] (American English). Звукосочетания [nt] и [n] в положении между гласными могут реализовываться как [n] или [ŋ], в результате чего пары слов типа «winter» и «winner» иногда становятся омофонами.

Региональные различия в лексическом составе австралийского языка касаются наиболее распространённых проявлений культуры: названий блюд, учреждений, и т.п., так как в разные штаты Австралии прибывали переселенцы из разных государств: Польши, Германии, России, Бельгии. Например, варёно-копчёная свиная колбаса, называемая «fritz» в штате Южная Австралия, именуется «devon» в штате Новый Южный Уэльс, «Belgium sausage» на острове Тасмания, «Empire sausage» в городе Ньюкасл, «polony» в штате Западная Австралия, «Windsor sausage» в штате Квинсленд, и «German sausage» или «Strasbourg» в штате Виктория. Детский сад называется «kindergarten» в штате Новый Южный Уэльс, «prep class» («подготовительный класс») в штате Виктория и на острове Тасмания и «reception class» («приёмный класс») в штате Южная Австралия. Особняк из двух квартир («a semi-detached house») называется maisonnette (фр. домик) в штате Южная Австралия. Общеупотребительное слово «forest» («лес») практически не употребляется по отношению к лесам Австралии, так как это светлые эвкалиптовые леса и кустарники. Лесистую местность в Австралии называют «буш» (англ. bush). Распространённым приветствием является «g'day» (произносится [gdai]), сокращение от «good day» – «добрый день». Ещё более распространённое обращение друг к другу – «mate» («приятель»), произносится [maɪt]. В австралийском английском существуют собственные идиомы (например, «внизу под [экватором]») (англ. Down Under) – Австралия и Новая Зеландия), и отдельные слова («sheila» – женщина от ирл. «Sheila» – распространённое женское имя в Ирландии, «bloke» – мужчина). Выражение «fair dinkum» («что-л. настоящее, подлинное; подлинно австралийское») перекликается с таким же выражением, существовавшим ранее в линкольнширском диалекте, откуда оно и ведёт своё происхождение.

Ещё один пример вариативности английского языка – канадский английский. Английский язык считают родным более 17 миллионов канадцев, что составляет 58% населения. Основой англоканадской нации в конце XIX в. стали так называемые «лоялисты», иммигрировавшие из США, которые во время войны за независимость Северной Америки остались преданными британской армии, а после её поражения заселили свободные территории в оставшейся за Британской империей Канаде. Их влияние на функционирование английского языка в Канаде, по мнению некоторых учёных, оказалось первостепенным. В этот же период увеличивалось число иммигрантов из Англии, Ирландии, Шотландии, которые говорили на различных британских диалектах, что оставило отпечаток на канадском английском. Таким образом, в силу смешения двух потоков иммиграции в речь жителей Канады проникает немало различительных элементов разных диалектов английского языка, на которых говорили, с одной стороны – лоялисты – в основном, жители северных районов США, прилегающих к канадской границе, а с другой стороны, иммигранты из Великобритании. Дальнейшая история развития Канады показывает, что, несмотря на то что Канада оставалась с 1867 г. доминионом Великобритании, она находилась под политическим и экономическим влиянием США. Принимая во внимание особенности территориального расселения, а также факторы политического, экономического, социально-культурного характера, практически все исследователи канадского английского придерживаются того мнения, что по своей фонетике, лексике и орфографии канадский вариант английского языка занимает промежуточное положение между британским («оксфордским») и амери-

канским английским. Но в основном преобладает тип произношения, называемый *General American*. Территория распространения канадского английского названа лингвистами «зоной, в которой нет чёткой дифференциации, где скрещиваются особенности вариантов».

Весьма ценной для понимания сущности и степени вариативности английского языка представляется точка зрения шведского германиста С.-Г. Андерсена. Говоря о том, что далеко не всегда специфические черты национально-негомогенных языков проявляются достаточно рельефно, автор подчеркивает, что «имеется целая шкала таких возможностей, один конец которой равен почти нулю, т.е. между отдельными разновидностями одного языка почти нет никаких различий, а другой конец этой шкалы обозначает наличие вполне сформировавшихся национально специфических вариантов литературного языка» [Цит. по: 6, с. 96]. В этом случае, канадский английский с известной долей условности можно поместить в среднюю часть такой шкалы, тогда как британская и американская разновидности окажутся на противоположном конце шкалы по степени интенсивности развития в них специфических черт. Таким образом, можно сделать вывод о том, что канадский английский частично совмещает различные языковые признаки, свойственные британскому и американскому вариантам. В свете вышеизложенного, английский, которым пользуется население Канады, представляется возможным считать вариантом английского языка. Это означает, что канадскому варианту английского языка присущи свои нормы. По данному поводу примечательны слова В. Н. Ярцевой о том, что «варианты английского литературного языка являются нормой для стран, где они употребляются» [21]. Лингвисты едины во мнении относительно того, что решение вопроса о статусе современного канадского варианта английского языка возможно лишь на основе изучения его различительных признаков на всех уровнях – фонологическом, морфологическом и лексико-семантическом. Следует также учесть, что канадцы – двуязычная нация. Параллельное использование английского и французского языков создаёт особую геолингвистическую ситуацию: языки «не мешают» друг другу потому, что в стране проводится политика сохранения языкового разнообразия. Канадцы объявили двуязычие своей страны национальным достоянием. Таким образом, в данном случае англо-французское двуязычие можно охарактеризовать как сосуществование «языков-партнёров», что в значительной степени обуславливает качество их взаимодействия.

Типичной чертой канадского английского является отсутствие различия долготы и краткости гласного: в канадском варианте нет постоянной зависимости между качеством и долготой гласного, находящегося под относительно сильным ударением; традиционно краткие гласные часто удлиняются, особенно в связи с изменением высоты тона, например, падением и подъёмом высоты в конце высказывания. Долгие гласные в речи могут сокращаться, отчего теряется различие в произношении таких слов, как *cot* – *caught*, *sod* – *sawed* и др. При удлинении гласного отмечается тенденция вставлять дополнительный гласный, поэтому создаётся впечатление дополнительного слога. В словах типа *news*, *dew*, *tune*, *student*, где после альвеолярного согласного британскому [ju] отвечает американское [и:], британская норма пользуется в Канаде большим престижем, за исключением слова *suit*, в котором 83% информантов произносили [и]. У. Авис отмечает, что произношение этих слов с монофтонгом наблюдалось чаще у говорящих с «более низким культурным уровнем», в то время как престижность [ju] имела следствием распространение его на произношение даже таких слов, как *moon*, *noon*, *too*. В Онтарио произношение *duke* [duk], *news* [nuz] многими носителями расценивалось как «некрасивое» (*inelegant*). В многосложных словах типа *dictionary*, *ordinary*, *obligatory*, *reformatory* в канадском варианте обычно наблюдается секундарное ударение на суффиксе, в то время как в британском произношении эти слова имеют только одно ударение на корне и слоги сливаются, значительно упрощая структуру слова.

При изучении ценностной структуры англофонии возникает закономерный вопрос об основном варианте английского языка, о центре языкового мира. И здесь проблема мо-

жет быть решена двумя путями: 1) с точки зрения исторической изменчивости исходной разновидности языка (диахрония), 2) с точки зрения современной макроязыковой ситуации (синхрония). Первый путь предполагает выдвигание в качестве основного варианта генетически исходной, прототипической разновидности языка, которой является британский вариант. Второй путь предполагает учёт нескольких геолингвистических параметров для выяснения того, какая разновидность английского языка сегодня занимает позицию основного варианта. Среди данных параметров представляется возможным назвать следующие: количество носителей разновидности английского языка, его географическая распространённость, функциональная нагрузка, эстимационный фактор, т.е. оценка англофонами степени престижности и эффективности в усвоении именно такой разновидности английского. На определённом этапе позицию основного варианта занимал американский английский, однако современные исследователи процессов глобализации отмечают, что на основе североамериканской разновидности английского языка активно формируется так называемый глобальный английский, выступающий коммуникативным кодом всех без исключения этносов и наций. У него уже есть название – «глобиш» (globish), или «стандартный мировой разговорный английский» (World Standard Spoken English).

Вот как прокомментировал в одном из интервью вопрос о «глобише» один из его популяризаторов Жан-Поль Нерьер: «...Я был вице-президентом компании IBM/USA, ответственным за маркетинг, много ездил по разным странам, часто посещал Японию, второй по величине рынок сбыта IBM. Там я убедился, что моё общение с японскими коллегами было гораздо более успешным, чем моих американских коллег. (Вы сами, наверное, уже заметили, что английский – не мой родной язык.) Я лучше, чем мои американские сотрудники понимал японцев. Мне легче было объясняться по-английски с ними, чем с американцами. Сперва мне показалось, что тут что-то не так – ведь мы все говорили по-английски. И тогда я понял, что мы все говорили на отличном от английского английском. На настоящем английском, возможно, говорят в Великобритании, в Шотландии, Ирландии, в США, но в других странах – на Украине, в Испании, в Корее, везде на земном шаре – говорят на совершенно другом английском, которому я дал название «Глобиш», глобальный английский. <...> Это – форма английского. Так сказать, инглиш-лайт, диетический английский. Он проще, в нем гораздо меньше слов, проще грамматика. Но когда вы слышите, что говорят на «Глобише», вы понимаете, что это – все-таки английский» [5].

Истоки «глобиша» уходят помимо всего прочего в учебники по английскому языку, в которых традиционно представлялся стандартный английский язык, лишённый диалектных и национальных особенностей, присущих языку британцев, американцев, канадцев, австралийцев, новозеландцев и т.п. В нем не отражаются национальные, региональные, социальные, половые, возрастные особенности говорящих на нем людей⁵. Он представляет собой некоторый усредненный универсальный английский язык, вобравший в себя особенности разных вариантов английского языка и частично некоторые особенности самых разных языков мира. Важно отметить, что в результате образования «глобиша» как варианта английского языка признак «язык государства» теряет своё значение. Здесь мы переходим на другой уровень понимания: действие коллективистических факторов уступает место действию факторов интеграции мира; это надгосударственный уровень социального взаимодействия.

Можно назвать несколько факторов, повлиявших на становление английского как глобального языка. «Во-первых, это распад колониальной системы в конце 60-х, когда англий-

⁵ Уместно в этом контексте вспомнить о тесте TOEFL (Test of English as a Foreign Language), сдача которого обязательна для неанглоязычных иностранцев для поступления в вузы США, Канады и некоторых европейских стран. Критерием «англоязычности» становится не уровень знания британского английского, но основного варианта английского – активно формирующегося «глобиша».

ский стал официальным или полуофициальным языком многих освободившихся стран. Вотрых, новые возможности в английском появляются благодаря глобализации. Национальные экономики стали более интегрированными в глобальную экономику, деньги и рабочая сила стали значительно мобильнее. Начатый еще в XIX веке процесс сближения народов в эпоху глобализации был в тысячи раз ускорен взрывным разрастанием коммуникационных и информационных сетей, что привело практически к «аннигиляции пространства». Раньше никогда столько стран и народов не ощущали потребности общаться друг с другом и не хотели так массово путешествовать по всему миру. Увеличение технологических возможностей оказалось прямо пропорциональным потребности в мировом lingua franca. Если глобальный английский начался с доминирования двух успешных империй – Британской и Американской, то теперь он является языком еще одной империи, безоговорочное господство которой распространяется на весь земной шар, – Интернета» [10]. Мощным стимулом развития данной разновидности языка выступила необходимость в некотором языке-посреднике, наиболее распространённом в реальном и виртуальном мирах, относительно несложном для усвоения. Таким образом, следует говорить о том, что в современных условиях именно глобальный английский стремится занять позицию основного варианта.

Следующей подсистемой в ценностной структуре языкового мира выступает периферия англофонии. Географические границы англофонии определяются только одним фактором – использованием английского языка во всём многообразии его разновидностей как средства социального взаимодействия. Периферия языкового мира – это функциональная часть системы, которая обеспечивает взаимодействие английского с другими языками, т.е. это своего рода изоглосса, показывающая границы языкового пространства. А. Н. Рудяков назвал эту часть системы интерфейсом языкового мира [15, с. 15]. Английский язык, будучи привнесённым в определённую лингвокультуру, закрепляется в качестве средства социального взаимодействия и под воздействием другого языка видоизменяется, нередко довольно существенно. В результате, в силу действия эстимационного фактора, социалема может признать сформировавшийся идиом новым, «своим» языком. Здесь следует говорить о самых различных формах межязыковой интерференции, пиджинизации разговорных идиомов и т.д. Следовательно, периферийная зона англофонии не ограничивается сферой преподавания английского как иностранного; она даёт жизнь новым языкам. Например, spanglish – своеобразный пиджин испанского и английского, сформировавшийся на границе Мексики и США, greekish – смесь греческого и английского в Греции, singlish, на котором разговаривают в Сингапуре, и tanglish – язык Филиппин. Оценка таких явлений неоднозначна в социалингвистике. Так, пуристы не склонны признавать «спэнглиш» самостоятельным языковым образованием, приближающимся к языковому стандарту или вообще имеющим право на письменную форму. Основной причиной формирования «спэнглиша» является активное взаимодействие англофонии и испанофонии, в частности, языковая ситуация, при которой возникает необходимость в частом и регулярном переключении кодов. Такая ситуация порождает некоторые гибриды, тем не менее узнаваемые и используемые носителями и английским, и испанского языков. Приведём некоторые примеры: goof (англ. roof – ‘крыша’, исп. Techo), carpeta (англ. carpet – ‘ковёр’, исп. alfombra) и т.п. Несмотря на все предубеждения лингвистов и их прогнозы о недолговечности «спэнглиша», он продолжает жить и активно использоваться в различных культурных направлениях: музыка, радио, телевидение, Интернет, периодика, художественная литература и т.д. На «спэнглише» формируются даже идиоматические выражения: «Voy a get up» («I'm going to get up», «Voy a levantarme»), «It's sooolisimo» («It's so cool»), «Esto es perfecto»), «I don't feel bien» («I'm not well»), «No me siento bien»), «Hasta soon» («See you soon»), «Hasta pronto») и др.

Однако не следует думать, что периферия языкового мира – это сфера искажения, «порчи» исходного языка. Действительно, некоторые ядерные языковые признаки могут

затухать в результате взаимодействия с другими «-фониями», тем не менее это не означает прекращение действия языка, наоборот, язык участвует в образовании того идиома, в котором в данных условиях остро нуждается социалема. Приведём один показательный пример контактного языка ток-писин.

Контактные языки на английской основе – достаточно распространённое явление. Английский язык в подавляющем большинстве случаев выступает по отношению к туземным языкам в качестве суперстрата. Большинство английских пиджинов возникли в британских колониях в течение XVII-XVIII вв. Креольские языки возникали на их основе позднее, в течение XIX-XX вв.

Ток-писин (Ток Pisin), или неомеланезийский язык – один из официальных языков Папуа – Новой Гвинеи, по происхождению креольский язык. Папуа – Новая Гвинея является многонациональным государством с рекордным количеством языков – 800, причем на каждом из них говорит в среднем по 7000 человек. Объясняется это географическими особенностями государства – огромным количеством островов, на многих из которых развился свой язык, имеющий мало общего с соседними из-за многовекового отсутствия контактов. Для общения на национальном уровне нужен был какой-то общий язык, приемлемый для всех племен и сообществ. Одним из таких языков стал ток-писин. Он возник в результате контактов разноязычных выходцев с различных тихоокеанских островов во время работ на плантациях в Квинсленде и на других территориях. В процессе их общения начал формироваться пиджин, основанный преимущественно на английском языке. Лексика этого пиджина вобрала в себя элементы немецкого и португальского языков, а также различных австронезийских языков, носителями которых являлись работники плантаций. Сегодня ток-писин используется в средствах массовой информации, в качестве официального языка правительственных органов, используется в сфере начального образования.

Система ток-писина нормирована. Например, имя существительное не имеет категории числа: *wapela pik* – один поросёнок, *tupele pik* – два поросёнка. Если надо выразить значение множественности, то перед существительным прибавляется *ol* (все они): *mi lukim gok* – я вижу собаку, *mi lukim ol dok* – я вижу собак. Данное явление представляет собой действие так называемых центробежных сил языкового мира, в частности утрату некоторых ядерных признаков англофонии – восполнение значения категории числа лексическими средствами.

Английские слова, адаптированные меланезийским пиджином, утратили фонетику «языка-хозяина». Это привело к тому, что слова, которые в английском языке имели разное произношение, в пиджине превратились в омофоны: *shell* («раковина») *sel*, *sail* («парус») *sel*, *cheese* («сыр») *sis*, *hot* («горячий») *hat* и др. Возникающая омонимия устраняется путем добавления к словам дополнительных элементов: *nail* («ноготь») *nił*, *knee* («колено») *nildaun*, *ship* («корабль») *sip*, *sheep* («овца») *sipsip* и др.

Креольские языки, развиваясь на периферии англофонии, могут иметь весьма сложную грамматику. В системе местоимений ток-писина например, существует целый ряд черт, которых нет в английском языке, но которые имеют особое регулятивное значение для говорящего: например, «инклюзивные» и «эксклюзивные» формы местоимения первого лица множественного числа (в зависимости от того, включается ли в это местоимение тот, к кому обращена речь, или нет, выделяют несколько форм: *yumi* «мы» (включая тебя); *mipele* «мы» (исключая тебя).

Особое внимание заслуживает вопрос о языковой политике, направленной против ток-писина. Некоторые исследователи связывают данное явление с чисто политическим заказом ангажировать страну. Как отмечает Евгений Зарецкий, «...уже несколько десятилетий различные американские фонды вместе с австралийским правительством занимаются искоренением ток-писина и заменой его на настоящий английский. Делается это

путем постоянного введения в ток-писин новой лексики, которая вытесняет оттуда слова из местных языков и заимствования из немецкого, французского, лагыни. Неуклюжая политика англизации ток-писина привела, однако, к тому, что жители сельских регионов перестают понимать жителей городов, т.к. язык горожан постоянно меняется под давлением СМИ, в то время как селяне доступа к СМИ не имеют <...>. Чтобы обеспечить понимание законов и предписаний обеими группами населения, власти теперь вынуждены прибегать к постоянному использованию двух синонимов в текстах, сельского и городского, что значительно удлинняет формулировки и делает их неудобными для чтения. Австралийский территориальный министр высказал когда-то надежду, что жители Папуа – Новой Гвинеи с изучением английского будут перенимать и идеи, закодированные в этом языке, т.е. будут перестраивать свое мировоззрение на англосаксонский лад...» [7]. Совершенно очевидно, что стремление «очистить» ток-писин от туземных элементов или насадить «правильный» английский в Папуа – Новой Гвинее – вполне ожидаемая реакция центра англофонии, свидетельствующая о коллективоцентристской рефлексии. Однако лингвистических оснований для подобной языковой политики нет: ток-писин сформировался как языковая система именно для людей данной страны и попытки заменить его на английский не могут дать ожидаемого результата потому, что европейский или американский английский оказываются в Папуа – Новой Гвинее «чужими» языками, не способными отражать местные реалии, не соответствующими артикуляторным навыкам местного населения и т.п. Таким образом, история ток-писина – пример особенностей существования англофонии на периферии языкового мира, в условиях, когда английский и выросший на его основе ток-писин выступают по отношению друг к другу как «языки-конкуренты».

5

Подведём некоторые итоги, среди которых особое место должно быть уделено характеристике англофонии по ряду социолингвистических признаков.

Англоязычный мир как частная геолингвистическая категория может быть описан по следующим основным параметрам:

Локальный / региональный / национально-государственный / глобальный статус: исследования показывают, что к 2015 г. владеть английским языком будут свыше 3 млрд. человек, т.е. 44% населения планеты. Чтобы получить эти данные, британские ученые смоделировали на компьютере динамику роста изучающих английский. По количеству носителей и функциональной нагрузке английский следует отнести к языку глобального геолингвистического статуса.

Прерывность / непрерывность языкового мира: языковой мир может быть назван непрерывным при условии значительного распространения носителей соответствующего языка или его разновидности на всех обитаемых континентах Земли.

В данном контексте примечательна концентрическая модель Б. Качру: «Все многообразие вариантов современного английского языка Б. Качру предлагает представить в виде концентрических кругов – внутреннего, внешнего и расширяющегося (*inner, outer and expanding circles*). Основаниями для включения варианта языка в ту или иную зону являются отношение к языковой норме и набор выполняемых коммуникативных функций. Так, «внутреннюю зону» образуют варианты английского языка, на которых говорят в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Это так называемые «нормообразующие» страны (*norm-providing countries*), где английский язык является исконным языком на территории проживания нации и играет роль средства общения во всех без исключения функциональных сферах, а кодифицированное языковое употребление на различных уровнях языковой системы

принимается англоговорящим сообществом как норма, которой нужно следовать и подражать. При этом, естественно, игнорируются различия между национально-территориальными вариантами в пределах самой внутренней зоны. «Внешнюю зону» образуют такие страны, как Индия, Южноафриканская республика, Пакистан, Малайзия, Филиппины, Нигерия, Гана, Бангладеш, Сингапур и некоторые другие, где английский язык имеет статус официального или второго государственного языка, наряду с исконным национальным языком. Диапазон коммуникативных функций в этом случае несколько сужен, по сравнению со странами внутренней зоны; по отношению к языковой норме варианты английского языка в данном случае рассматриваются как «норморазвивающие» (*norm-developing countries*). Наконец, к странам наиболее динамично развивающейся «зоны расширения», именуемой «нормозависимыми странами» (*norm-dependent countries of the expanding circle*), относятся Индонезия, Тайвань, Китай, Израиль, Египет, Саудовская Аравия, страны Европейского Союза, ряд бывших республик СССР. В этих странах английский язык имеет статус вспомогательного средства общения, принятого относительно недавно и выполняющего ограниченный набор коммуникативных функций» [11]. Современный английский язык (и его разновидности) распространён на всех заселённых человеком континентах (см. Схему 2), причём он имеет официальный статус на всех без исключения континентах, следовательно, англофония относится к языковому миру с непрерывной геолингвистической структурой (примечательно, что на данной карте практически не отмечены периферийные зоны англофонии, например, большая часть Европы).

Английский язык является официальным (государственным) языком в следующих странах: Австралия (де-факто, официально государственный язык в Австралии вообще отсутствует), Багамы, Ботсвана (хотя национальным языком является сетсвана), Великобритания, Гамбия, Индия, Ирландия (наряду с ирландским языком), Камерун (наряду с французским), Канада (на федеральном уровне — наряду с французским), Кения (наряду с суахили), Кирибати, часть КНР-Гонконг (наряду с китайским языком), Нигерия, Новая Зеландия (является государственным языком согласно традиции; вторым законодательно определён маори), Пакистан, Панама (наряду с испанским), Папуа – Новая Гвинея (наряду с меланезийским пиджин-инглиш (Tok Pisin) и Motu), Сингапур (наряду с малайским, тамили и китайским), США (Конституцией США не определён государственный язык; английский является первым языком согласно традиции, а не по закону), Фиджи (наряду с фиджийским и хиндустани), Филиппины (хотя национальным языком является филиппинский), ЮАР (наряду с африкаанс, ндебеле, северным сото, сото, свази, тсонга, тсвана, венда, коса, зулу).

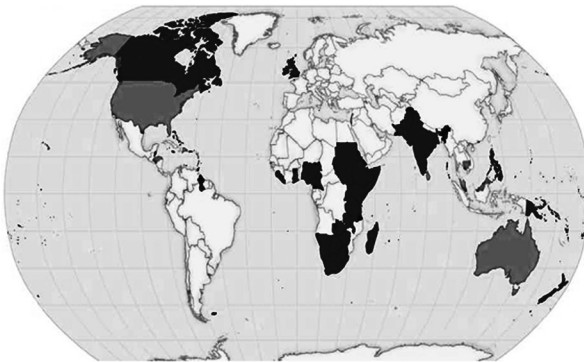

Схема 2. Распространение английского языка в странах с его официальным статусом.

Гомогенный / гетерогенный принцип существования языкового мира: параметр касается учёта *центростремительных* и *центробежных сил* как конститутивных факторов формирования языкового мира. Силы первого порядка обеспечивают статичность, монолитность языкового мира, т.е. выполняют функцию сохранения ядерных признаков. Силы второго порядка придают языковому миру гибкость, обеспечивая его адаптивные свойства к различным условиям функционирования. Англофония относится к языковым мирам с гетерогенным принципом существования, поскольку представляет собой систему, способную порождать все разновидности территориальных и социальных идиомов (диалекты, жаргоны, профессиональные подязыки, пиджины, креольские языки, региональные варианты языка, национальные варианты языка, глобальный вариант языка).

Количество и ценность языков-партнёров: для понимания процессов развития языкового мира следует учитывать характер и масштабы его взаимодействия с другими «-фониями». На этом основании можно чертить предварительный круг языковых миров, имеющих ценность для англофонии. «Партнёрами» англофонии являются следующие языковые миры: испанофония, германофония, франкофония (ядро), русофония, италофония, португалофония, индиофония, африканофония (периферия), арабофония, китайефония, ивритофония, украинофония, меланезиефония, японофония (японский пиджин-инглиш), карибофония, вьетнамофония (вьетнамский пиджин-инглиш) и др. (крайняя периферия). Детальное описание характера взаимодействия языковых миров представляет собой отдельную геолингвистическую задачу, поскольку частные языковые ситуации, в которых происходит взаимодействие двух (или более) языковых миров, могут свидетельствовать о специфических ценностных отношениях между ними: по мнению А. Н. Рудякова, языки могут быть «языками-конкурентами», «языками-союзниками», «языками-попутчиками» и т.п.

В данной статье мы затронули вопросы, касающиеся принципов организации англофонии – глобального англоязычного мира, имеющего наднациональный, надэтнический, надконфессиональный статус. Главный смысл геолингвистического изучения англофонии заключается в описании того, каким образом «среда» влияет на вариантность системы, т.е. как конкретная социалема, существуя в определённых территориальных, общественных, государственных условиях совершенствует язык для своих потребностей. Особое значение данная проблематика имеет для изучения англо-русских языковых контактов, т.е. характера взаимодействия англофонии с русофонией.

Источники и литература

1. Атлас языков мира: Происхождение и развитие языков во всём мире / [Предисловие Джина Эйтчисона]. – М. : Лик пресс, 1998. – 224 с.
2. Бондалетов В. Д. Виды современного билингвизма при контактировании разных форм существования национальных языков / В. Д. Бондалетов // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. Ежегодные международные Чтения памяти кн. Н. С. Трубецкого. – М., 2002. – С. 60-63.
3. Бруннер К. История английского языка / Карл Бруннер. [в 2-х тт.] – М. : ЛКИ, 2010. – 720 с.
4. Виноградов В. А. Социолингвистическая типология. Изд. 2-е, испр. и доп. / В. А. Виноградов, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовский. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 136 с.
5. Генис А. Язык «Глобш»: полторы тысячи слов на все мысли / А. Генис // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru/content/article/266266.html> (21.11.2011).
6. Жлуктенко Ю. А. Канадский вариант английского языка и определение канадизма / Ю. А. Жлуктенко // Исследования по романской и германской философии. – К. : Изд-во при Киевском ун-те, 1975. – с. 94-98.

7. Зарецкий Евгений. Распространение английского языка в мире как одна из форм американского мессианизма / Е. Зарецкий / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2110&level1=main&level2=articles> (20.06.2011).
8. Картографирование географии языка: по материалам статьи Ариэля Риверо с соавторами в журнале ArcUser, октябрь-декабрь 2002 // Картография [с. 9] [Электронный ресурс]: www.dataplus.ru/ARCREV/Number_28/PDF/9.pdf (19.03.2011).
9. Лещак О. В. Очерки по функциональному прагматизму: Методология – онтология – эпистемология / Олег Владимирович Лещак. – Тернополь-Кельце: Підручники & посібники, 2002. – 225 с.
10. Пелагеша Наталья. Lingua franca для глобального мира / Н. Пелагеша // «Зеркало недели» №8, 27 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zn.ua/EDUCATION/lingua_franca_dlya_globalnogo_mira-59350.html (15.10.2011).
11. Подстрахова А. В. Проблемы регионального варьирования языков в эпоху глобализации (на материале современного английского языка) / А. В. Подстрахова / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vfnglu.wladimir.ru/files/netmag/v3/ar03.doc (11.04.2011).
12. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (очерки палеопсихологии) / Б. Ф. Поршнева. – М. : Мысль, 1974. – 321 с.
13. Прохоров Ю. Е. Нормальные русские языки / Ю. Е. Прохоров / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/interview/interview0063.html> (11.02.11).
14. Радзиховский Л. Геоллингвистика / Л. Радзиховский // Российская газета. – Федеральный выпуск №4731 от 19 августа 2008 г.
15. Рудяков А. Н. Георусистика – русистика 21 века / А. Н. Рудяков // Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Н. Рудякова. – Симферополь: Антикава, 2010. – С. 8-20.
16. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К. : Грамота, 2004. – 224 с.
17. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля – К. , 2006. – 716 с.
18. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир [Под ред. А. Е. Кибрика; пер. с англ.]. – М. : «Прогресс» «Универс», 1993. – 656 с.
19. Солнцев В. М. Вариантность / В. М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1990. – С. 80-81.
20. Столяров А. М. ЕССЕ НОМО. Розовое и голубое / А. М. Столяров // Новый мир. – №11. – 2004. – С. 118-129.
21. Терехова А. В. Английский язык в Индии / А. В. Терехова // Лингвистика, методика и литературоведение в учебном процессе: материалы региональной научно-методической конференции 25 ноября 2005г. – Уфа: издательство БГПУ, 2006. – С. 135-138
22. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1982. – 335 с.
23. Швейцер А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1971. – 103 с.
24. Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М. : Высшая школа, 1963. – 215 с.
25. Ярцева В. Н. История английского литературного языка IX-XV веков / В. Н. Ярцева. – М., 1985. – 225 с.
26. Baldrige, Jason. Reconciling Linguistic Diversity: The History and the Future of Language Policy in India. University of Toledo Honors. Thesis. August, 1996. – 234 p.
27. Cunningham, Peter Miller. Two Years in New South Wales. 2 ed. – London: H. Colburn, 1827. – 241 p.

О соотношении румынского и молдавского языков

На современном этапе в связи с мировыми изменениями последних десятилетий, прогрессирующей глобализацией многие языки приобретают особый статус, что ведет к возникновению новых языковых отношений и влияет на особенности их взаимодействия с другими языками. Вместе с тем традиционно исследователи особое внимание уделяют истории развития и функционирования отдельных языков, отдельных диалектов и др. идиомов как системно-структурных образований. Другой же важнейшей стороне лингвистического описания – изучению географического распространения и особенностей взаимодействия с другими языками – часто не уделяется должного внимания. В результате современная лингвистика не имеет гносеологического инструментария для объяснения современных межъязыковых явлений и, как следствие, не может дать адекватную квалификацию многим идиомам. Примером таких трудностей может служить проблема определения статуса румынского и молдавского языков, имеющих неоднозначную интерпретацию в современной лингвистике. Проблема заключается в определении того, являются ли данные языки на современном этапе развития одним языком, или они являются национальными вариантами или другими разновидностями одного языка, или вообще разными языками. На наш взгляд, соотношение данных языковых систем становится понятнее при использовании геолингвистического подхода.

Цель предлагаемой статьи – на основе данных об особенностях развития румынского и молдавского языков дать геолингвистическую интерпретацию этим двум языкам, учитывая современную региональную языковую ситуацию в разных национально-территориальных образованиях.

Новый взгляд на изучение процессов взаимодействия и взаимопроникновения языков был предложен в работах А. Н. Рудякова. Согласно данной точке зрения, современная лингвистика становится геолингвистикой – «общей лингвистической дисциплиной о планетарном (ноосферном) языковом мире Человека, представляющим собой сложное единство частных языковых миров» [10, с. 10]. Геолингвистика тяготеет к описанию глобальной языковой ситуации. Разделами геолингвистики становятся предметные области, изучающие частными языковые миры: геоанглистика, геогерманистика, георусистика, геороманистика, геоспанистика и т. д. Румынский и молдавский языки, следовательно, должны рассматриваться геороманистикой с точки зрения того, каков характер образования этими языками локальных микроязыковых пространств или (в случае доказательства существования единого языка) какова специфика регионального полинационального языкового пространства.

Языковой мир («фония») рассматривается нами как мощный интеграционный фактор социальных общностей: «Системообразующим фактором языкового мира, являющегося надгосударственным, наднациональным, надкультурным и надэтническим образованием, выступает соответствующий язык» [11, с. 117]. Идея Русофонии «как глобального русскоязычного мира, единственным интегрирующим фактором которого является использование русского языка как средства социального взаимодействия» [10, с. 8] для нас станет отправной точкой при характеристике «румыноязычного» мира. Русскоязычный мир, согласно этой идее, представляется в виде организованного множества национальных вариантов русского языка, активно взаимодействующих с идиомами других языков.

В современной романистике существует три точки зрения относительно проблемы соотношения румынского и молдавского языков:

- 1) это один язык;
- 2) это варианты одного языка;
- 3) это разные языки.

Решение данной проблемы зависит от понимания лингвонимов «румынский язык» и «молдавский язык». Лингвоним «румынский язык» появляется в XVIII в. в том числе как следствие насаждения идеологии, способствующей единению балканороманских народов и согласно которой валахи – потомки римлян. Название валахи (или в другом произношении влахи) также имеет отношение к Риму. Первоначально германцы так называли романизированных кельтов (от *Walh* – с древнегерманского «чужой» или «иностранец»). Этими кельтами были уэльски – будущее население Уэльса, валлоны и вельши. Позднее византийцы стали называть так народы и племена Балканского полуострова, занимающихся кочевым скотоводством (по-гречески – *Βλάχος*). В настоящее время валахами называют небольшую балканскую народность, близкую к румынам, говорящую на старорумынском диалекте – арумунском.

Изначально лингвоним «румынский язык» был синонимом валашского языка (языка, распространенного в Валахии, современной Румынии). С течением времени его понимание несколько изменилось, поэтому сегодня он имеет несколько значений:

1) это совокупность всех романских идиомов, на которых в настоящее время говорят в Юго-Восточной Европе и который подразделяется на дакорумынский, исторорумынский, арумунский и мегленорумынский диалекты;

2) это совокупность романских идиомов, на которых говорят в настоящее время в Румынии и Республике Молдова и которые объединяются в дакорумынский диалект; в этом случае названия «дакорумынский диалект» и «румынский язык» становятся синонимами;

3) это литературный румынский язык как государственный язык Румынии, который окончательно сформировался как единый стандартный язык в результате взаимодействия различных региональных письменных традиций в XIX–XX вв. [8, с. 22].

Мы не будем использовать первое, наиболее широкое понимания румынского языка. Нас будет интересовать понятие дакорумынского диалекта (или языка), то есть румынского языка во втором значении. Дакорумынский диалект, которым в румынистике традиционно именуется северо-балканороманский идиом, распространенный на территории современных Румынии и Молдовы, объединяет в себе румынский и молдавский идиомы.

В. Ф. Шишмарев считает справедливой точку зрения об образовании балкано-романской народности и языка к югу от Дуная, в центральной части Балканского полуострова. В результате проникновения славян (в особенности с конца VI в.) произошло разделение этого народа на несколько групп, которые перемещались в различных направлениях. Одна из этих ветвей распространилась на север и заняла Трансильванию, Молдавию и Валахию (см. Рис. 1.) [16].

Генезис современных диалектов на территории румынского и молдавского государств из двух различных, но общих идиомов видит Э. Василиу. Он называет их общемолдавский и общемунтянский. Их параллельное развитие объясняется социальными, экономическими и политическими условиями эволюции, которая протекала при постоянном контакте этих двух диалектных групп [24].

Изложенные точки зрения позволяют говорить о появлении двух диалектов, молдавского и румынского (валашского и мунтянского), из общерумынского языка, «минус стадио общедакорумынского языка» [8, с. 27].

Рис. 1. Исторические румынские области (Трансильвания, Валахия и Молдавия).

Если сложность определения понятия румынского языка заключается в трудности выявления непротиворечивых данных об истоках формирования данного языка, то сложность определения молдавского как отдельного языка обусловлена неоднозначным отношением к нему как его носителей, так и носителей других идиомов, близких к нему. Второй вопрос связан с проблемой признания молдавского идиома языком отдельной молдавской нации. Лингвоним «молдавский язык» имеет три трактовки:

- 1) диалект дакорумынского языка;
- 2) национальный вариант румынского языка;
- 3) самостоятельный романский язык, язык молдаван.

Признание молдавского идиома отдельным языком происходит после создания в 1924 г. Молдавской республики в составе СССР. Факт существования молдавского языка в значительной степени культивировался советскими филологами.

Определение статуса языка, на котором говорят молдаване, является ключевым в исследовании соотношения молдавского и румынского идиомов, поскольку если признать молдавский отдельным языком, то рассматриваемые идиомы могут быть только различными языками, что не подтверждается ни историческим языкознанием, ни историографическими данными, ни современными сопоставительными исследованиями. Если же молдавский не является отличным в качественном отношении от румынского языком, то румынский и молдавский могут выступать на определённом этапе развития диалектами единого дакорумынского языка, а на современном этапе его вариантами.

Приверженцы признания молдавского идиома отдельным языком отмечают, что молдавская народность образовывалась обособленно от румын Валахии. Одни ученые относят разделение этих народностей к VI в., когда от всего романизированного населения на западе Балканского полуострова, которое явилось предками современных румын, начинают отделяться аромуны, будущие истрорумыны и дакорумыны. При переселении дакорумын «ни одна волна не охватывает вместе Мунтению (Валахию) и Молдавию» [22]. Именно так «образовались собственно румынская (валашская) и молдавская национальности со своими особыми языками, которые поэтому неправильно объединяются в единое понятие дакорумынского языка с позднейшим якобы распадом на диалекты валашский и молдавский» [13]. Другие относят начало распада дакорумынской народности и языка лишь к XIV в. в связи с образованием княжеств Валахии и Молдавии [16]. Значительная часть исследователей придерживается мнения о параллельном развитии двух народностей и их

языков (имеющих общее романское происхождение), которое объясняется социальными, экономическими и политическими условиями эволюции, протекающей при постоянном контакте этих двух диалектных групп [24].

Главным аргументом сторонников отрицания существования молдавского языка является единство дакорумынского ареала: «Дакорумынский никогда не имел диалектов» [20]. Это обусловлено романизацией Валахии и Молдавии только в Средние века переселенцами из карпатской и прикарпатской зон, выходящими из южнодунайских зон. Наличие же одного литературного языка, который сформировался на территории Трансильвании, Валахии и Молдавии, является доказательством единства румынского как языка-института [8, с. 27].

Существование нескольких точек зрения относительно происхождения дакорумынских диалектов является следствием того, что определить начальный этап их формирования практически невозможно. Это связано с довольно поздним возникновением письменности у румын и молдаван (ранее они пользовались письменным церковнославянским языком). Первые дакорумынские памятники известны только с XVI века. Поэтому остаётся непонятным, на каких основаниях некоторые лингвисты считают, что на всей территории Трансильвании, Валахии и Молдавии в Средние века сформировался некий общерумынский литературный язык. Наличие двух дакорумынских диалектов, валашского и молдавского, представляется более вероятным, поскольку анализ первых памятников письменности, сделанный Росетти, вскрыл две отчетливые для XVI в. диалектные группы: говоры северной Трансильвании и Молдавии, с одной стороны, и говоры южной Трансильвании, Баната и Валахии, с другой [23].

Важно обратить внимание на то, что до 1924 г. молдавский язык понимается как разновидность румынского (точнее – дакорумынского) языка и в классификациях романских языков выделяется один балканороманский язык – румынский [4, с. 102-110]. В западном языкознании это положение и далее остается общепризнанным [2; 19; 21 и др.]. В настоящее время большинство лингвистов считают молдавский язык территориальной разновидностью (региолектом) румынского языка [18]. Вопрос о молдавском национальном варианте дакорумынского языка не получил развития в работах румынистов.

Наличие разных мнений по поводу языка, на котором говорят в Молдове, в первую очередь связано с национальным самоопределением, как молдаван, так и румын. Следовательно, подходы к определению языка являются идеологизированными. Румынистика не признает существование отдельного молдавского языка, поскольку придерживается идеи о едином румынском языке, румынском народе, т.е. единого «монолитного» румынского мира. Носители всех четырех диалектов (дакорумынского, истрорумынского, арумынского и мегленорумынского) являются румынами. Поэтому речи о молдаванах как нации и о молдавском языке быть не может, согласно этой точке зрения. Вопрос о соотношении румынского и молдавского языков в румынском языкознании не поднимался. Предполагалось, что в Молдавии функционирует тот же румынский, но с кириллической графикой. Для молдаван признание существования молдавского языка является шагом к признанию их отдельной нацией, поскольку для признания определенного сообщества нацией, согласно традиционным представлениям, необходимо наличие общего языка, истории и культуры. Поэтому, обосновывая ту или иную точку зрения, исследователи приводят аргументы, касающиеся, прежде всего, истории языка.

Помимо исторического фактора на определение статуса идиома влияют социолингвистические и структурные критерии. К ним относятся политический фактор, самоидентификация носителей идиома, наличие лингвонима – названия данного идиома, распространение данного языкового ареала в одном или в нескольких государствах, количество социальных функций языка, наличие традиций перевода с одного идиома на другой, «взаимопонятность» и взаимная лингвистическая близость, структурное сходство или несходство и т. д. [7; 17].

В советское время молдавский и румынский считались разными языками, поскольку молдавский как отдельный язык был необходим в качестве национального языка советской республики. Сегодня, согласно конституции Республики Молдова, государственным является «молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики» [5]. Однако в школах и вузах Молдовы предмет «молдавский язык» не изучается, а вместо него преподается румынский. Мнения населения по поводу языка, на котором они говорят, разделились, хотя большинство (78,4 %) считают родным языком молдавский. Молдавский язык с кириллической письменностью изучается и является одним из официальных языков только в Приднестровской Молдавской Республике. В данном случае наличие только лингвонима для именованного языка не может характеризовать идиом как нечто самостоятельное и отдельное, не может являться основным проявлением языкового самосознания. Иллюстрируя данный тезис, отметим, что при позиционировании себя в качестве отдельной молдавской нации в школах и вузах Молдовы предмет по истории края изучают в рамках курса «история румын». Следовательно, страна находится на стадии национального строительства, чем частично и объясняется дискуссия вокруг статуса молдавского языка.

По структурным признакам большинство лингвистов на данный момент не выделяет отдельного молдавского языка: расхождения вариантов литературной нормы молдавского и румынского языков незначительны. Именно этот аргумент послужил одной из главных причин признания в 1989 г. молдавскими филологами и писателями тождества двух языков, а также причиной сомнений советских ученых насчет правомерности выделения молдавского языка, выразившихся в острых дискуссиях 1950-1960 гг.

Отличия молдавского и румынского идиомов минимальны. Они сводятся к некоторым фонетическим особенностям и лексическому своеобразием языков. Носители этих форм речи в большинстве ситуаций свободно понимают друг друга.

Р. А. Будагов на основе материалов молдавского и румынского словообразования и лексики, взятых в сравнении с данными других романских языков, показывает, что хотя многие специфические особенности молдавского языка оказываются общими с особенностями румынского языка, тем не менее молдавский язык обнаруживает и свои фонетические, лексические и грамматические особенности, которые отличают его от языка румынского. Он отмечает, что большое значение для выявления специфики молдавского языка имеет мощное влияние русского языка, проявляющееся не только в лексике, но и в словообразовании [9, с. 182].

Однако когда дело касается молдавских особенностей в области фонетики, исследователи обычно ссылаются на факты народно-разговорной речи, на материалы, взятые из местных говоров молдавского языка. В современном литературном языке количество специфических молдавских черт весьма незначительно [6, с. 140]. Например, «молд. лит. *сарэ*, а *ынтра* (соответственно 'вечер', 'входить, войти') и рум. *saeră*, а *intră*» [1, с. 30]. Это обусловлено тем, что в основу молдавского языка был также положен валахский диалект дакорумынского языка, но приближенный к разговорной речи именно молдаван, т.е. отличия, определяемые геолингвистическими факторами, имеют место в системах этих двух идиомов.

Основные румынский и молдавский лексические фонды совпадают. М. Сергиевский выделяет несколько напластований в молдавском языке, которые отсутствуют в румынском. Наиболее ранний слой – польский, начавший проникать в молдавскую речь с XVI в. С XVIII в. в обиход молдавской речи входит украинский элемент. Самый новый слой составляют слова русского происхождения, которые подразделяются на заимствованные во время царской России (проникновение новых предметов городской культуры приносило с собой и новые слова) и Советского Союза (появляются новые термины из сферы общественной жизни, нового экономического положения и т.д., то есть возникающие в процессе созидания социалистической культуры) [25, с. 57-62]. Следует выделить и со-

временный слой специфической молдавской лексики. Распад СССР привел к изменению социальной реальности и, как следствие, к изменению картины мира, что в первую очередь отражается в лексической системе появлением номинативных единиц, при помощи которых именуются реалии, ранее не существовавшие, или именование которых определяется национально-территориальными традициями.

Румынскому языку также свойственен относительно новый слой лексики, характеризующий культурное, политическое, экономическое состояние страны. Более ранний специфический пласт представляет собой заимствования из западных языков. С 1862 г. начинается активное внедрение в язык Румынии слов преимущественно французского происхождения, в значительной степени благодаря литературной деятельности румынских писателей (например, *шомаж* < фр. *chomage* «безработица», *гарэ* < фр. *gare* «вокзал»). Латинизация румынского языка происходит и сегодня вследствие взаимодействия с Западом [26].

Наличие специфического пласта лексики для каждого языка объясняется прежде всего его функционированием на протяжении многих столетий в различных государственных объединениях. До XIV в. они были частью владений различных племенных союзов (гето-даки, готы, анты) и государственных образований (Древнерусское государство, Галицкое княжество, Золотая Орда, Австро-Венгрия). В XIV в. входят в состав Валашского и Молдавского княжеств, в XX в. – в состав Румынии и Молдавии.

Молдавской лексике свойственно большое количество славянских заимствований, румынской – западноевропейских, поскольку Молдавия всегда имела тесные контакты со славянскими странами, в первую очередь восточнославянскими, и главными языками-партнерами были русский, украинский и польский; а Румыния – с европейскими, взаимодействие румынского языкового мира поэтому было, прежде всего, с французским, немецким и итальянским языковыми пространствами.

Таким образом, румынский и молдавский идиомы – средства манифестации одной языковой системы. Молдавский язык не имеет качественно отличную от румынского языка систему фонем, грамматики, лексики. Расхождения между румынским и молдавским идиомами носят спорадический характер и не охватывают системы языка в целом. Различия, которые они имеют, обусловлены их территориальной обособленностью, вхождением в разные государственные объединения. Все эти факторы и общее балканороманское происхождение свидетельствует о том, что данные идиомы не могут быть различными языками.

И румынский, и молдавский идиомы обладают официальным статусом, закреплённым законодательно. Каждый из них имеет собственный письменный стандарт, кодифицированный и отраженный в грамматиках и словарях, а также функционирует в разных сферах письменного и устного общения. Поэтому мнение о существовании единого румынского национального языка, общего для румын и молдаван, является, на наш взгляд, необоснованной. Следовательно, румынский и молдавский идиомы являются национальными вариантами одного языка.

Исходя из того, что данные идиомы появляются в результате «территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях» [14, с. 35], румынский и молдавский являются национальными вариантами единого языка. Под национальным вариантом понимается форма национальной речи, которая не обнаруживает резких структурных расхождений, но приобрела автономию, поддерживаемую и осознаваемую в пределах национальной общности [15, с. 110]. Румынский и молдавский идиомы имеют все характеристики, свойственные национальным вариантам: отличающиеся нормы; они обладают официальным статусом в стране распространения языка; удельный вес различительных языковых явлений минимален, не охватывает системы языка в целом, т.е. каждый из них воспроизводит структуру самостоятельного национального языка, не образуя отдельного языка.

Под термином «вариант» мы понимаем ту или иную реализацию инварианта в тех или иных условиях, форму существования единой реалии [12]. Система инвариантов данного

языка формирует качественную определённую систему, её отдельность от других языковых систем. Например, формы числа и рода существительных, прилагательных, местоимений, и особенно система спряжения глаголов сохраняют в дакорумынском языке основные морфологические черты народной латыни. Инвариантом в нашем случае является дакорумынский язык, реализующийся в различных национально-государственных условиях («позициях»), каковыми выступают социальная реальность Молдовы и Румынии. Следовательно, молдавский – национальный вариант дакорумынского языка (или румынского во втором значении), румынский как государственный язык Румынии также представляет собой национальный вариант дакорумынского языка. Лингвонимы «румынский язык» и «молдавский язык» являются синонимами «румынского национального варианта дакорумынского языка» и «молдавского национального варианта дакорумынского языка» соответственно. Они представляют собой «особую форму функционирования единого языка», форму адаптации языка, как к традициям, так и к современным потребностям нации [3].

Закономерно возникает вопрос о том, какой современный идиом является основной формой манифестации системы, основным вариантом дакорумынского языка. Поскольку большинство полинациональных мировых языков имеют общий механизм формирования национальных вариантов, обратимся к рассмотрению того, какие этапы в своём развитии проходит каждый подобный язык.

Появление и развитие полинационального языка можно описать путём выделения трёх следующих этапов развития:

1) донациональный: развитие локальных диалектов; формирование на базе одного диалекта койне – общего интердиалекта, имеющего широкий функциональный диапазон и выступающего в качестве одного из основных факторов формирования народности;

2) мононациональный: стандартизация языка, т.е. формирование его нормированности, унификация системы и кодификация в процессе национального самоопределения и государственного строительства; в результате происходит образование основной литературной формы данного языка, используемой одной нацией;

3) полинациональный: в результате развития стандартизированного языка в других национально-государственных условиях развиваются национальные варианты (или национальные разновидности) данного языка; при этом позиция основного варианта (см. на рис.: чёрный овал) может быть занята другим национальным вариантом, возникшим на более позднем историческом этапе (см. Рис. 2.).

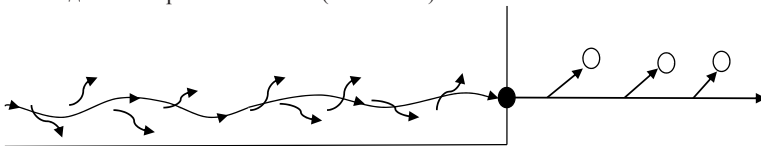

Рис. 2. Механизм формирования полинационального языка.

Проецируя данную схему на процессы развития разновидностей дакорумынского языка, можно прийти к следующим выводам:

1) на общем балканороманском ареале до XVI в. сосуществовало несколько локальных разновидностей дакорумынского языка (одного из диалектов старорумынского языка), но определить, каково качественное соотношение румынского (валашского) и молдавского идиомов, не представляется возможным, т.к. до XVI в. отсутствуют письменные памятники на старорумынском языке;

2) после XVI в. происходят сменяющие друг друга дивергентные и конвергентные языковые процессы, обусловленные как экономическими, культурными факторами, так и соб-

ственно политическими: образование в XIV в. отдельных княжеств Молдавии и Валахии; возникновение в 1859 г. Румынии как отдельного государства (сначала как вассала Османской империи) в результате объединения двух княжеств – Молдавии и Валахии. В этот период происходит сближение валашского (румынского) и молдавского идиомов. Третья этнически румынская область, Трансильвания, находилась тогда в составе Венгрии и была присоединена к Румынии в начале XX в. Молдова же входит в состав СССР, что определяет новый этап языковой дивергенции по отношению к румынскому языку;

3) в результате социально-политических процессов на территории румынского языкового ареала не сформировался общедакорумынский литературный язык, единый стандартизированный язык, общий для румын и молдаван. В истории Дакорумынофонии отсутствует этап формирования основной формы манифестации системы языка, т.е. основного варианта. Уже в Средние века происходят процессы, повлиявшие на качественные изменения Дакорумынофонии, главное из которых – локализация дакорумынского языка, что привело к образованию его двух базовых языковых ареалов, активно взаимодействующих на разных исторических этапах с разными языковыми мирами (см. Рис. 3).

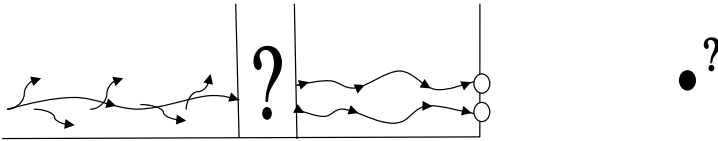

Рис. 3. Механизм формирования Дакорумынофонии.

Таким образом, румынский и молдавский варианты развивались параллельно на смежных территориях и ни один из них не является языком привнесённым, вторичным, как, например, английский язык в США, Австралии и т. д. Также ни один из них не появился в связи с изоляцией социальной группы от основной формы национального языка (например, возникновение национальных вариантов русского языка после распада СССР и появления нескольких центров развития русского языка), так как у них не было единой основной формы манифестации системы. В процессе своего развития румынский и молдавский национальные варианты формируются вокруг двух политических и культурных центров – городов Яссы (столицы Молдавского княжества – северо-восточный диалект) и Бухареста (столицы Валашского княжества – южный, мунтянский, или валашский диалект). В связи с объединением княжеств в 1859 году в единое государство и провозглашением Бухареста его столицей роль валашского диалекта возрастает, и в последующий период выработка литературной нормы происходит именно на основе этого диалекта, хотя молдавский на нее сильно повлиял. Дальнейшее их обособление усиливается после образования румынского государства и молдавской республики в составе СССР.

Отсутствие основного варианта современного дакорумынского языка, являющегося, во-первых, носителем генетического языкового кода (центр системы) и, во-вторых, наиболее типичной формой манифестации системы, определяет характер «движения» системы: с одной стороны, действие центростремительных сил (сохранение, «консервация» системы) выражается в распространении румынами доктрины об однородности дакорумынского мира (единство румынского языка, румынского народа, его культуры и истории), с другой стороны, действие центробежных сил (регионализация идиомов одного языка, их варьирование в новых социально-территориальных условиях) выражается в современной Молдове в устойчивых процессах национальной самоидентификации и в государственном строительстве. Позиция же основного варианта дакорумынского языка

(центра системы), благодаря данному нетипическому геолингвистическому балансу, возникающему в результате особенностей формирования румынского и молдавского идиомов и действию центростремительных и центробежных сил, остаётся незаполненной. Так, в истории XX в. румынский вариант дважды влиял на молдавский. Во-первых, в 1940 г. после образования МССР, когда приднестровские диалекты, положенные в основу языка, оказались малопонятны основной массе молдаван, и в 1951 г. была проведена реформа, согласно которой языковая норма стала основываться на говорах центральной части Молдавии и стала значительно ближе к румынскому литературному языку. Во-вторых, в 1989 г., когда новое правительство МССР отменило на своей территории кириллический алфавит и ввело румынское правописание на латинице для молдавского языка.

Принимая за основу определение молдавского и румынского языков как национальных вариантов дакорумынского языка, языковой мир, объединяющий людей, знающих и использующих дакорумынский язык, представляется удачнее назвать Дакорумынофонией. Его центральная зона представляется трудноопределимой, поскольку дакорумынский язык, минув стадию общедакорумынского литературного языка, формировался вокруг двух центров. Именно это отличает устройство Дакорумынофонии от Русофонии, Испонофонии и т.д., имеющих основной вариант (российский национальный вариант русского языка, испанский национальный вариант испанского языка и т.п.). Ядерная зона Дакорумынофонии представлена двумя национальными вариантами: румынским вариантом и молдавским вариантом. Периферийную зону составляют локальные участки лингвистической карты, обозначающие территории активного взаимодействия национальных вариантов дакорумынского языка с другими языками (на востоке – с русским, украинским, на западе – с венгерским, французским, немецким и т.д.). Периферия Дакорумынофонии обеспечивает ее взаимодействие с другими языковыми мирами, прежде всего, с русским, украинским, польским, германским, французским, итальянским. Так, например, после падения режима Н. Чаушеску возникла новая волна экономико-трудоу миграции носителей дакорумынского языка из сельских районов, особенно усилившаяся после вступления Румынии в Евросоюз в 2007 г. и направленная преимущественно в Италию, Испанию, Португалию, Квебек и Аргентину.

Итак, румынский и молдавский идиомы соотносятся как варианты одного языка, а именно – национальные варианты дакорумынского языка, не имеющего на современном этапе основного варианта манифестации системы. Румынский и молдавский языки могут быть названы национальными вариантами одного языка на основании следующих геолингвистических критериев:

- 1) румынский и молдавский идиомы являются абсолютно идентичными по языковому строю и имеют общее балканороманское происхождение (качественная определённость системы);
- 2) расхождения между этими идиомами носят спорадический и функционально обусловленный характер, не охватывают системы языка в целом;
- 3) румынский и молдавский идиомы обладают официальным статусом, закреплённым законодательно в Румынии и Молдавии;
- 4) различия в идиомах обусловлены их территориальной обособленностью, сферой коммуникативного обеспечения социальных процессов, протекающих в разных государствах;
- 5) румынский и молдавский идиомы имеют собственный письменный стандарт и функционируют в разных сферах письменного и устного общения;
- 6) носители молдавского варианта дакорумынского языка осознают специфику своей речи, отличающуюся от речи носителей румынского варианта.

Инвариантом в нашем случае является дакорумынский язык, реализующийся в различных «позициях», каковыми выступают социальная реальность современных Молдовы и Румынии. Исходя из этого, «румынский язык» и «молдавский язык» являются синони-

мами «румынского национального варианта дакорумынского языка» и «молдавского национального варианта дакорумынского языка» соответственно, они составляют ядро Дакорумынофонии. В свою очередь они также имеют более дробное деление. Румынский национальный вариант дакорумынского языка имеет банатский, кришанский, мунтянский, молдавский и др. диалекты. При этом молдавский диалект функционирует на северо-востоке Румынии в отличие от молдавского национального варианта дакорумынского языка, подразделяющегося на северо-западные, северо-восточные, центральные и юго-западные диалекты. Вероятно, Дакорумынофония имеет региональный масштаб распространения.

Более подробное описание структуры и функций Дакорумынофонии требует от романистов комплексных геолингвистических исследований, способствующих пониманию истории развития румынского/молдавского языка и актуальных процессов его взаимодействия с другими языковыми мирами.

Источники и литература

1. Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, В. А. Таривердиева. – М. : Высш. шк., 1982. – 343 с.
2. Бурсье Э. Основы романского языкознания. Под редакцией, с предисловием и примечаниями Д. Е. Михальчи / Э. Бурсье. – М. : Издательство иностранной литературы, 1952. – 672 с.
3. Домашнев О. А. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка / О. А. Домашнев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvotech.com/domashnev-85> (14.03.2011).
4. Зубова Т. Е. Введение в романскую филологию / Т. Е. Зубова, Л. Ф. Кистанова, Л. И. Чапия. – М. : Высш. шк., 1983. – 163 с.
5. Конституции Республики Молдова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=311496>. (10.03.2011).
6. Лисицкий В. А. Насущные вопросы исторической фонетики молдавского языка / В. А. Лисицкий // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 84-97.
7. Мусорин А. Ю. Что такое отдельный язык? / А. Ю. Мусорин // Сибирский лингвистический семинар. – Новосибирск, 2001. – № 1. – С. 12-16.
8. Наумов Б. П. Лингвоним «румынский язык» в аспекте исторической социолингвистики / Б. П. Наумов // Вопросы филологии. – 2005. – № 3 (21). – С. 22-29.
9. Пиотровский Р. Г. Совместная научная сессия Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, посвященная вопросам молдавского языкознания / Р. Г. Пиотровский // Вопросы языкознания. – 1952. – № 1. – С. 177-185.
10. Рудяков А. Н. Георусистика – русистика 21 века / А. Н. Рудяков // Георусистика. Первое приближение. – Симферополь, 2010. – С. 8-21.
11. Рудяков А. Н. Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук, Институт языкознания РАН. – М. : Сов. писатель, 2008. – С. 115-128.
12. Рудяков А. Н. Украинский вариант русского языка: мифы и реальность / А. Н. Рудяков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161490.htm> (10.01.2011).
13. Сергиевский М. В. Румынский язык / М. В. Сергиевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/lea/lea-0831.htm>. (12.04.2011).
14. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко) / В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

15. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романии и Америки / Г. В. Степанов. – М., 1976. – 327 с.
16. Шишмарев В. Ф. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР / В. Ф. Шишмарев // Вопросы языкознания. – 1952. – №1. – С. 80-107.
17. Эдельман Д. И. К проблеме «язык и диалект» в условиях отсутствия письменности / Д. И. Эдельман // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127-147.
18. Языки мира. Романские языки. – М.: Academia, Институт языкознания РАН, 2001. – 720 с.
19. Bartoli M. G. Introduzione alla Neolinguistica / M. G. Bartoli. – Firenze, 1937. – 162 p.
20. Iordan I. Quelques problèmes de la langue littéraire / I. Iordan // Studii de linguistique, 1956. – Anul I.
21. Jordan J. Introducere în lingvistică romanică / J. Jordan, M. Manoliu. – București, 1965. – 548 p.
22. Philippide A. Originea românilor / A. Philippide. – Iași, 1925-1928. – Т. 1-2.
23. Rossetti A. Recherches de la phonétique roumaine au XVI siècle / A. Rossetti. – Paris, 1928. – 179 p.
24. Vasiliu E. Fonologia istorică a dialectelor dacoromâne / E. Vasiliu. – București, 1968. – 265 p.
25. Сергиевский М. В. Молдавские этюды / М. В. Сергиевский. – М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. – 80 с.
26. Шевченко П. Происхождение и развитие молдавского языка и государства / П. Шевченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baza.md/index.php?newsid=456> (12.04.2011).

М. Г. Маркина-Гурджи, Л. С. Москаленко

Взаимодействие и взаимовлияние языковых миров: следствия и результаты (на материале русского и украинского языков)

Язык – система, которая в своем развитии и совершенствовании всецело подчиняется выполнению своей функции, тем прагматическим задачам, которые стоят перед всеми его носителями и пользователями. Осознание функции как системообразующего фактора, обуславливающего не только возникновение языка, но и все необходимые изменения в языке, лежит в основе функциональной лингвистической парадигмы. Функциональное видение языка в таком понимании сформировалось в рамках Крымской функциональной школы, взгляды которой мы разделяем и развиваем. Функционализм позволяет не только сформировать адекватное представление о языковой системе и описать все ее подсистемы, но и предложить способы объяснения многих традиционных социолингвистических вопросов.

Так, А. Н. Рудяков отмечает, что следует говорить об интегративном потенциале, которым обладает каждый язык и который позволяет объединить всех его пользователей в единую языковую общность, существующую на глобальном языковом пространстве – мире, творимым данным языком. Согласно концепции А. Н. Рудякова, особым свойством этого языкового пространства, для именованного которого предлагается использовать обозначение «-фония», выступает его «надгосударственность и наднациональность», то есть существование в качестве феномена, границы которого не определяются территорией, государством, национальной и этнической принадлежностью и т.п. Частные языковые

миры, согласно такой концепции, формируют сложное единство – «планетарный языковой мир» и находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. При этом «языковое взаимодействие зависит не только и не столько от факторов экстралингвистических, сколько от коммуникативных контактов между носителями отдельных языков» [12]. Важно в данном случае осознавать, что всякое взаимодействие языковых миров приводит к обогащению и эволюции соответствующих языков, усиливая их адаптационные возможности и функциональные способности.

Особый тип взаимодействия характерен для языковых миров, представители языковых общностей которых находятся в постоянном контакте, особенно если эти языки являются близкородственными. Взаимные контакты наций и народностей являются одним из важнейших «внелингвистических факторов, влияющих на развитие и взаимодействие их языков» [3, с. 76].

Во взаимодействии языковых миров, как правило, выделяется несколько этапов, каждому из которых характерны определенные закономерности. В настоящей работе ставится цель выявить и описать результаты межязыкового взаимодействия на отдельных этапах этого процесса на материале русского и украинского языковых миров (в работах А. Н. Рудякова для данных феноменов используются обозначения «Русофония» и «Украинофония»).

Взаимодействие этих языковых миров происходит главным образом в Украине. Долгое время часть территории Украины входила в состав Российской империи, а затем – СССР. Украиноязычное население, а соответственно и язык, не могли не испытывать влияние со стороны основного государственного языка – русского. В свою очередь украинский язык также воздействовал на него.

Специфика русско-украинского взаимодействия определяется, во-первых, общностью культурно-просветительских, социально-экономических, общественно-политических сфер деятельности языковых коллективов, а также общим происхождением языков и, как следствие, близостью их фонетической системы, лексического состава и грамматического строя. Во-вторых, языковые миры начинают взаимодействовать с периода своего формирования, что естественным образом отражается на их развитии. В-третьих, с момента своего становления языки долгое время развивались разными темпами, что обусловлено неодинаковыми условиями, в которых языки функционировали, в результате чего формировался особый характер русско-украинского языкового взаимодействия.

Обращение к истории русского и украинского языков дает основание утверждать, что о начальном этапе их взаимодействия можно говорить с XVII в., когда происходит формирование и становления русской и украинской наций, а следовательно, и их языков. Однако на этом этапе установить границы языковых миров, проследить механизмы их взаимодействия, выявить сферы взаимовлияния довольно сложно, поскольку, во-первых, языки еще находились на стадии формирования и, во-вторых, украинский язык сильно отставал в развитии по сравнению с русским языком, так как не имел достаточных возможностей для полноценного развития в государствах, в которых функционировал. Такая ситуация наблюдается до XIX в. В связи с тем, что территория Украины была разделена между несколькими государствами, украинский язык даже к началу XX в. не был окончательно сформирован: его «диалекты различались между собой настолько, что жители разных частей Украины не понимали друг друга» [5].

Усилению взаимодействия между языками в период их формирования способствовал ряд общественно-политических событий: воссоединение Украины, а именно ее надднепринской территории, с Россией; вход в состав Российской империи Киевщины, восточной Волыни, Брацлавщины и частично западного Подолья в 1793–1795 годах в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой; присоединение в 1793 году Крыма к России и др. Т. К. Черторижская, описывая специфику взаимодействия между русским

и украинским языковыми мирами на этом этапе, отмечает особую роль в интенсификации этого процесса некоторых культурно-исторических факторов: появление на Украине книгопечатания, основателем которого был русский первопечатник Иван Федоров; основание в конце XVII – начале XVIII в. на Украине ряда новых учебных заведений, в том числе Киево-Могилянской академии, в которой было введено изучение русского языка; издание учебных пособий по различным отраслям науки и техники; проведение Петром I реформы алфавита и введение так называемой «гражданки». Также укреплению контактов, по замечанию исследовательницы, способствовали публицистические статьи классиков русской литературы и научные статьи выдающихся русских ученых, таких как М. В. Ломоносов, И. И. Срезневский и др. [3, с. 78-81].

Положительное влияние, оказанное внешнелингвистическими факторами на процесс русско-украинского взаимодействия, отмечается и в работах Г. П. Ижакевич, по словам которого, после объединения Украины с Россией, «взаимосвязь украинского и русского литературных языков переходит на новый этап, на котором их взаимообогащение происходит уже на основе живых народных языков» [21, с. 26].

Характер русско-украинского взаимодействия этого этапа во многом определялся связью русской и украинской литератур. Переписывание текстов приводило к изменению, переводу непонятных слов, то есть включению в украинский текст русских слов и наоборот, с целью сделать произведение доступным для читателя, а перевод текстов – к сохранению определенных слов [21, с. 20-33]. Особая роль в этом процессе была сыграна отдельными украинскими деятелями (Е. Славинецкий, Д. Ростовский, Ф. Прокопович и др.), которые вели свою деятельность в Москве и принимали активное участие в становлении русской литературы. Благодаря им во многие русскоязычные произведения были внесены украинские слова, например: *нехай*, *перешкоджаю* и т. п. [21, с. 26-27; 7, с. 29-34].

Результаты взаимодействия языковых миров нашло отражение в творчестве и украинских, и русских писателей. Украинские авторы «в связи с недостаточной нормированностью на тот момент лексического состава литературного языка, а иногда и с определенной стилистической целью достаточно широко используют в своих текстах элементы русской лексики и фразеологии» [21, с. 40-42], а также синтаксические и морфологические элементы. Например, согласно исследованиям Г. П. Ижакевич, в «Энеиде» И. П. Котляревского используются прямые лексические, морфологические и синтаксические заимствования из русского языка, большинство из которых являются нейтральными: *разній, вокруг, доводство, любезний, огоньок, обіцати, предводитель, цвітний; со всей, по вечерницям, о Юноні; чепухи нагородили, но діло краситься кінцем* и др. [21, с. 42, 34-35]. При этом наблюдается и обратный процесс, когда многие русскоязычные авторы вводят в текст об украинской жизни заимствованные лексические элементы из украинского языка – украинизмы, которые используются с целью создания местного колорита и значительная часть которых фиксируется русскими словарями. Например, в «Гайдамаке» О. Сомова, «Войнаровском», «Богдане Хмельницком» К. Рыльева, «Полтаве» А. С. Пушкина и др. произведениях употребляются наименования, характеризующие военно-политическую обстановку в Украине: *рада, гетман, бунчук, булава, громада, кат, гайдамака, курень* и т. п. [21, с. 42, 48; 24, с. 28-29]. Более всего взаимодействие русского и украинского языков проявилось в творчестве Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко. В произведениях Н. В. Гоголя синтезируется народно-разговорная русская речь с украинской речью. Украинизмы в его творчестве подразделяются на прямые – «сознательные», стилизацию под украинские языковые стили (украинизмы-кальки) и «несвободные» украинизмы, появляющиеся вследствие скрещения двух, русского и украинского, языков [40, с. 16]. Так автору удавалось передавать не только украинский колорит, но и дух украинской жизни. Рядом с лексическими украинизмами (*бурсак, захар, дужий, пивкочы, наймычка,*

пошапковаться и др.) Н. В. Гоголь использует фонетические (*оддай, говорыл, ватаха, разсердылся* и др.) и грамматические (*Ивасю, молода дытына*) [42, с. 13-21; 21, с. 48-51].

В творчестве Т. Г. Шевченко русизмы встречаются чаще всего без четкой стилистической установки: *современный, яд, часы* и т. д., но могут выступать средством иронии, сарказма. Поэт объединяет украинскую разговорную речь с русским официально-деловым и канцелярским стилями [21, с. 42-43, 53-56; 27, с. 207-208].

Следовательно, связь литератур содействовала взаимному обогащению языков: украинская лексическая система пополнялась общеупотребительной лексикой, а в русский лексикон входила так называемая «безэквивалентная лексика», которая использовалась при обращении к украинским событиям и фактам или для передачи украинского колорита. Такие лексические явления традиционно в лингвистике рассматриваются как экзотизмы.

Значительная роль в формировании функциональных стилей украинского языка, а особенно публицистического и научного, принадлежит именно русскому языку. Обусловлена такая ситуация отсутствием у украинского языка возможности одинакового развития всех функциональных стилей, поскольку до 1905 года запрещалось печатать на украинском какие бы то ни было книги, кроме исторических документов и фольклорных записей, преподавать на нем в школе, говорить в официальных учреждениях и т. д. [3, с. 83]. Значительное количество лексических средств в оригинальных украинских научных и публицистических произведениях заимствуется в это время из русского языка, например: *властитель, доходи, подвиг, стремління, командировка, молодіж* и др. Многие из них в дальнейшем заменяются украинскими номинативными средствами: *командировка – відрядження, молодіж – молодь* и т. п. [21; 14]. Важно отметить, что русский язык выступал также в качестве посредника в процессе усвоения украинским языком иноязычной лексики. В результате этого взаимодействия в украинском языке появились такие слова, как *артилерія, генерал, комісар, симетрія* и др. [21, с. 29].

Таким образом, в русско-украинском взаимодействии начального этапа ведущую роль в совершенствовании и обогащении языка-партнера играет русский язык, достигнувший более высокого уровня развития. Однако и украинский язык на территории совместного функционирования сильно повлиял на русскую речь. К XIX в. в русской речи Южной Украины прослеживается интерферирующее воздействие украинского языка, отраженное на всех языковых уровнях. Явление языковой интерференции, как правило, встречается на начальных этапах взаимодействия языковых миров и традиционно рассматривается как отклонение от норм одного языка, вызванное влиянием другого языка [3, с. 115]. Результаты исследований в этой области отражены в трудах К. П. Зеленецкого [16] и В. Долопчева [9]. К. П. Зеленецкий, характеризуя местную русскую речь, фиксировал лексические (*баитан, бурак, вечерять, карбованець, млин, смыкнуть* и т. д.) и фонетико-морфологические украинизмы (*поможи, погоди, сидю, на степу, гуляться* и т. д.), а также синтаксические обороты типа *он служит у нас за кучера, я соскучился за вами, за ним* и т. д.

В своем труде В. Долопчев приводил лексические (*абы, аж, батог, бугай, ворожебыт, гречаний, дротяной, дурница, дурно, квочка, латка* и др.), синтаксические (*беспокоиться за кого, что, за кем, чем, болеть кому – не трогай, ему будет болеть, мне болит голова, быть за кого (кем), иметь две, три, четыре дочери* и др.), фразеологические (*один одного, до горы ногами* и др.), морфологические украинизмы (*собака* – мужского рода, *картофель* – женского рода и др.). Исследователь отмечал фонетико-морфологические чередования, обусловленные контактом русского и украинского языков: употребление *ж* вместо *з* в некоторых формах глаголов, например, *лазю* вместо *лажу*, *ляжу*, *ляжут* вместо *лягу*, *лягут* и т. д. [3, с. 116-118; 21, с. 223-226; 24, с. 19-20].

Таким образом, в период формирования русского и украинского национальных языков непрерывно происходит их взаимодействие и взаимовлияние друг на друга.

И если русский литературный язык, прежде всего, обогащается украинской лексикой, то в украинском языке под воздействием русского языка совершается становление функциональных стилей, лексической и структурной его сторон. Кроме этого прослеживается интерферирующее воздействие украинского языка на русский, которое выражается в изменениях на всех языковых уровнях, что свидетельствует о приспособлении языка к коммуникативным потребностям его носителей.

Качественно новым этапом во взаимодействии русского и украинского языковых миров стало их функционирование в советское время, когда магистральным направлением языковой политики был избран путь поддержки и развития всех национальных языков. Украинский язык в результате получил все условия для свободного функционирования и развития. Он стал национальным языком УССР. Русский язык меняет статус государственного языка на статус языка межнационального общения, «средства единения, взаимосвязи и сплочения людей различных наций и народностей» [28, с. 10], что, соответственно, приводит к равноправному параллельному использованию двух языков на одной территории. Следовательно, на территории Украины сформировалось двуязычие, то есть параллельное функционирование во всех сферах жизни украинского языка и русского как средства межнационального общения, которое способствует изменению процесса взаимодействия языков, его усилению.

Взаимодействию русского и других национальных языков в советском языкознании уделялось пристальное внимание, что нашло свое отражение в работах таких исследователей, как И. К. Белодед, Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко, М. А. Жовтобрюх, М. И. Исаев, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черторижская и др. Данному вопросу посвящен ряд сборников и монографий: «Русский язык – язык межнационального общения и единения народов СССР» [36], «Взаимообогащение языков и культур народов СССР в условиях развитого социализма» [6], Исаев М. И. «О языках народов СССР» [18], «Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование» [37], Жовтобрюх М. А. «Збагачення мов народів СРСР» [13], Дешериев Ю. Д. «Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе» [8] и т. д. Взаимодействие украинского и русского языков, соответственно, рассматривалось в русле национальных (подробнее см. в [3; 21; 24; 40]).

Характер взаимодействия языков связывается в первую очередь с характером взаимоотношения самих народов. Несравненно большее влияние на процесс языкового взаимодействия оказывают социальные условия, по сравнению со структурной и генетической близостью языков. Интенсивность процессов взаимодействия и взаимообогащения языков всецело зависит от интенсивности процессов обмена материальными и культурными ценностями между народами, от степени интернационализации различных сторон жизни наций и народностей [2; 18; 19]. В связи с этим в послеоктябрьский период характер взаимодействия коренным образом изменяется.

Взаимодействие языков, как правило, рассматривали как их взаимообогащение, то есть «усвоение определенных лексических элементов, усиливавших выразительные возможности языков» [2, с. 158], явившееся двусторонним процессом, при котором обогащаются все контактирующие языки, хотя объем вклада может быть неравноковым.

Несомненно, русский язык в советское время имел большее влияние на украинский язык и его воздействие как языка межнационального общения определялось особыми закономерностями. Во-первых, он становился источником усвоения интернациональной лексики, то есть «обширного терминологического пласта, охватывающего понятия из области политики, культуры, искусства и представленного в нескольких наиболее развитых языках» [2, с. 169], в нашем случае в русском и др. языках СССР. В украинский язык, следовательно, проникают единицы типа *політінформація*, *партосвіта*, *комуністичний суботник*, *успуїльнення*, *космічний корабель*, *електроємність*, *біохімія*, *кінофестиваль*, *моторолер*,

інтеграція т. п. Во-вторых, посредством русского языка в украинский, как и в другие языки народов СССР, переходят слова, обозначающие специфику быта различных народов, названия народов и местностей: *аул, джигит, бархан, кумис, кизил, бастурма, нарти, грузини, марійці, свани, Кахетія, Алтай* и др. Некоторые украинские слова вытесняются русскими по происхождению, например, *криця, кермо* заменены словами *сталь, руль*.

Согласно исследованиям И. К. Белододе, процесс обогащения украинского языка в результате взаимодействия с русским, сопровождался также активизацией творческих средств словообразования, фразеологии и синтаксиса украинского языка по моделям русского языка. Результатом этого становится появление новых слов, словосочетаний и фразеологизмов: *прилуниться – прилунитися, счетно-решающий – лічильно-розв’язуючий* и т. д. В украинском языке по этой причине частотными стали суффиксы *-к-* (*компоновка, розплавка*), *-тель* (*примиритель*), *-ник* (*вогнегасник*), *-ущ-*, *-яц-* (*ростущий*), *-ч-* (*центрующий*) и т. п. [4, с. 96].

В свою очередь результатом русско-украинского взаимодействия этого периода стало обогащение русского языка лексикой, характеризующей украинскую нацию. И несмотря на то, что в связи с укреплением норм русского языка этот процесс становится менее активным, расширяются стилистические функции украинизмов. В послевоенное время украинские заимствования охватывают также сферы социально-политических, социально-экономических, морально-эстетических и других понятий. Некоторые из них прочно входят в русский язык, воспринимаются как нейтральные слова: *житница, косовица, стерня, дивчина, доярка, ятисотница, тысячница, сечка, парубок, чувство семьи единой, партия ведет* и др. По образу украинского слова хлебобоб образованы русские названия *хлопкороб, огнероб*. Под влиянием украинского языка расширяется значение суффикса *-щин-* (*-чин-*), он употребляется в географических наименованиях типа *Орловщина, Смоленщина* и т. п. Следствием взаимодействия языков стала также активизация в русском языке употребления некоторых пластов архаической и диалектной лексики, сходной по семантике и звучанию с украинской: *селянин, жито, курень, мазанка, кузня* и т. п. [3, с. 93; 20, с. 239-243; 22, с. 40; 28, с. 22; 13, с. 34 и др.]. К синтаксическим украинизмам, достаточно распространенным в русском языке, можно отнести употребление предлогов *с* и *на* при определенных географических наименованиях: *с Украины, с Полтавщины, на Украину, на Полтавщину, но из Малороссии, из Полтавской области, в Малороссию, в Полтавскую область* [21, с. 243].

В произведениях А. Серафимовича, М. Горького, А. Фадеева, М. Шолохова и других писателей нередко встречаются украинские слова и словосочетания. Этот процесс будет продолжаться и в постсоветское время. Русские и главным образом украинские русскоязычные писатели широко используют элементы украинского языка как стилистический прием, как средство художественной выразительности. Наиболее полно влияние украинского языка проявляется на уровне лексики и фразеологии, заметно проникновение в русскую речь и грамматических украинизмов, например: *«Оксанонько, рыбонько... приготовь, детка, эту партию образцов», «...про таких на Украине говорят: «Довгий, аж гнеться», «...деды его, на pewno, были чумаками, возили «силь з Криму», «девчата», «чоботы», «борцы», «мурашки»* и др. [17]

Важнейшим результатом русско-украинского языкового взаимодействия, особенно в советский период, согласно Т. К. Черторижской, является выработка общих для контактирующих языков черт развития. К ним относятся: образование большого количества неологизмов в виде аналитических наименований (*поезд мира – поїзд миру*); «сжатых наименований понятий, явлений» (*прогрессивка – прогресивка*); расчлененных по форме, но семантически не членимых словосочетаний (*высшая школа – вища школа*); способ осново- и словосложения (*науковедение – наукознавство*) и др. [3, с. 94-97].

Таким образом, результаты русско-украинского взаимодействия и взаимообогащения сводятся к прямому усвоению русского слова, словосочетания, структурного компонента и т. п. с украинским оформлением; разнообразному калькированию; созданию неологизмов по моделям русского языка; усвоению украинским языком интернациональной лексики; развитию потенциальных возможностей слово- и формообразования взаимодействующих языков, активизации общих для взаимодействующих языков черт развития.

Однако взаимодействие русского и украинского языковых миров в советский период помимо обогащения приводило и к отрицательной интерференции, «проявляющейся главным образом в сфере спонтанной ненормированной устной речи» [3, с. 115-116].

Отклонения от норм русского литературного языка под воздействием украинского прослеживались на всех языковых уровнях: фонетическом (использование фрикативного звука [y] на месте взрывного [г] (*[y]огод, не[y]атив*); реализация фонемы ⟨в⟩ в ряде позиций губно-губным [y] вместо [ф] (*академик[оу]*); мягкое *ц, ж, ш* перед *и, е* (*[ж'и]знь, ма[ш'и]на*); произношение *бя, мя, пя, ся* как *бйа, пйа, мйа, сйа* (*[мйа]со, [пйа]ть*) и др. [3, с. 119; 21, с. 283; 36, с. 99-117; 24, с. 36-112]), акцентуационном (перенос ударения в существительных и глаголах с окончания на основу: *балы, камнями, ждала, брала*; перенос ударения с суффикса на корень в кратких страдательных причастиях: *сложён* вместо *сб́жжен*; с корня на суффикс в отдельных именах прилагательных: *ку́хонный* вместо *кухо́нный* и т. д.), морфологическом (изменение форм глагола: отсутствие исторических чередований *с/ш* (*зависю*); появление форм 1 лица мн. ч. с окончаниями *-емо, -имо* (*пользуемся, произносимо*); 3 лица ед. и мн. ч. глаголов 1 спряжения с нулевой реализацией фонемы <г> (*знае, прилашае*); формы прошедшего времени мужского рода с суффиксом *-в* (писав); неправильные формы 1 лица ед. ч. и 3 лица мн. ч. настоящего времени (*бежу, бежат*) и т. п. [24, с. 114]), лексическом и фразеологическом (*провести домой* вместо *проводить, брать участие в конкурсе* вместо *принимать участие, из этого одержуется* вместо *получается* и т. п. [3, с. 121]).

Следовательно, русская речь населения Украины отличалась от нормативной, российской, речи. Это происходит, в первую очередь, из-за постоянного взаимодействия с украинским языком.

Аналогичные процессы характеризуют и украинский язык на территории Украины, который находится в постоянном взаимодействии с русским языком, вследствие чего речь украинцев характеризуется определенными фонетическими (*ду[n], в[а]да*), лексическими и грамматическими (*робе, косе, ходе; мамини, батькови, Василеви; п'ятидесяти, інституту* вместо *інститутів, щиро вас дякую* (вместо *вам дякую*), *їздили по полям* (вместо *по полях*) русизмами [14, с. 42-43].

Русский язык способствует употреблению предложно-падежной конструкции «по + предложный падеж» параллельно с «з (за) + творительный падеж»: *по зб́йностях* и *за зб́йностями*; «в + винительный падеж» с «до + родительный падеж»: *в Петербург* и *до Петербургу* [21, с. 215].

Таким образом, в советское время наблюдалось усиление процесса взаимодействия русского и украинского языковых миров, для которого характерно было взаимообогащение контактирующих языков. Взаимодействие языковых миров на этом этапе отличалось следующим: в обоих языках наблюдалось пополнение интернациональной лексикой, вырабатывались общие черты развития, а также происходили структурные изменения в обоих языках, вызванные взаимовлиянием, которые советские исследователи рассматривали как отрицательную интерференцию.

После распада СССР и образования новых независимых государств наступает следующий этап взаимодействия русского и украинского языковых миров, которое особенным образом начинает проявляться на современном этапе, и его результаты в настоящее время становятся все

более очевидными. С этого периода наблюдается изменение языковой ситуации, вследствие чего меняется сам характер русско-украинского взаимодействия и взаимовлияния.

Украинский язык получает статус государственного языка, русский становится языком национального меньшинства, таким образом, значительно сужаются сферы его функционирования. Изменение языковой ситуации приводит к изменениям в области языковой политики, результатом чего становится процесс дерусификации. Значительная часть общей для русского и украинского языков лексики заменяется новой – украинской. Тем не менее языки продолжают использоваться параллельно, и в Украине остается ситуация двуязычия.

Наблюдаются изменения в результатах взаимовлияния языков друг на друга. В настоящее время интерференция переходит на иной уровень, поскольку «в результате неё «выкристаллизовываются» новые формы языков, как русского, так и украинского» [15, с. 77]. Таким образом, расширяются функциональные возможности обоих языков, возрастает их способность отвечать потребностям своих носителей.

Более всего это сейчас характерно для состояния развития русского языка в Украине, когда наблюдаемые в нем изменения чаще всего не являются нарушениями его нормы и не связаны с «порчей» языка, так как представляют собой неизбежное приспособление к условиям его функционирования (культуре, традициям и т. д.). Ю. Е. Прохоров, говоря о состоянии современного русского языка, выделяет его особое «внешикультурное» состояние, понимая под этим использование русского языка лицами, для которых он является родным, но в пределах совершенного другой действительности, другой культуры (не русской – авторы). И, по словам Ю. Е. Прохорова, поскольку язык должен обеспечивать наше существование, следовательно, мы должны использовать те языковые единицы, те ситуации общения, которые существуют в данной культуре, которые приняты для данной культуры. Говоря о другой действительности на русском языке, люди вынуждены использовать какие-то единицы, которые отражают эту культуру [29]. В связи с этим исследование взаимовлияния украинского и русского языков должно быть направлено не на устранение отклонений от нормы, а на определение «возможных векторов дальнейшего развития русского языка (и украинского – авторы) в современном мире» [11, с. 113].

Языковые факты, которые наблюдаются в речевой практике носителей русского языка вне России, «получили значительное распространение и поэтому их уже нельзя рассматривать только как интерференцию», что позволяет говорить о «процессах формирования национальных вариантов русского языка» в ряде стран бывшего СССР, в том числе в Украине [11, с. 110].

Согласно словарю социолингвистических терминов, «национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [39]. Это свойственно и русскому языку, развивающемуся на Украине. Вслед за А. Н. Рудяковым определяем русский язык Украины как украинский национальный вариант русского языка, который является одним из множества национальных вариантов русского языка, формирующих русскоязычный мир (Русофонию) [33]. Он возникает в первую очередь вследствие обособления русского языка, расширения когнитивной базы, взаимодействия русского и украинского языков на территории Украины. Помимо русско-украинского взаимодействия и взаимовлияния на формирование украинского национального варианта русского языка влияют и южнорусские диалекты, и суржик, и появление новой лексики, характеризующей современные потребности нации [11, с. 110]. Это влияние прослеживается на всех языковых уровнях.

Итак, взаимовлияние русского и украинского языковых миров друг на друга на современном этапе приобретает иную форму, качественно отличающуюся от всех предшествующих форм как результатов взаимодействия языков. Ее результаты в большинстве

совпадают с интерференцией, происходившей в советское время. Однако по сравнению с результатами русско-украинского взаимовлияния советского периода, современная форма имеет широкое распространение среди носителей русского языка Украины, используется как в повседневном, бытовом общении, так и в сферах социально-делового, социально-культурного общения, проникает в язык прессы и телевидения, то есть распространена среди образованных слоев русскоязычного населения. При этом активизируются не все результаты украинского влияния.

Использование фонетических и грамматических изменений, а также лексики, имеющей непосредственный вариант в общерусском фонде (например, *заможный человек* – ‘богатый’), в советское время считалось принадлежностью «народно-разговорной формы так называемого бытового общения тех украинцев, которые еще не полностью овладели русским языком» [21, с. 283]. На сегодняшний день эти факты встречаются не только в речи малограмотных украинцев, плохо знающих русский язык, но и этнических русских, причем расширяется и культурный круг их носителей. Характерно, что проявления черт русского языка Украины свойственны речи интеллигенции.

Проанализировав речь деятелей науки и культуры, журналистов, политиков, людей, занимающих руководящие должности, то есть тех, чья речь является примером для подражания, звучащую на телевидении, мы определили, что наиболее распространенной особенностью является использование фрикативного звука [ɣ] на месте взрывного [г]: *ль[ɣ]оты, по[ɣ]ашение, [ɣ]огод, не[ɣ]атив, си[ɣ]нал, техноло[ɣ]ия, морфоло[ɣ]ия, [ɣ]рыжа, [ɣ]идрофильный, микрохирур[ɣ]ический, ко[ɣ]да, дости[ɣ]ли, на[ɣ]рузка* и т. д.

На фонетическом уровне также наблюдаются такие черты, как отсутствие редукции (*в[о]ды, кузничек[о]м*); мягкое [ц'] перед *и, е* (*конферен[ц']ии, Шве[ц']ия, изоля[ц']ия*); украинский звук *щ* [шч] на месте русского *щ* [ш'] (*переосно[шч]ение, упу[шч]ение*); произношение [оу] вместо [оф] в словах, оканчивающихся на *-ов* (*академик[оу], Новик[оу]*) и др.

Менее распространенными в речи образованного населения являются изменения в грамматике. Они наблюдаются в уподоблении падежных окончаний русских имен существительных соответствующим украинским (*В настоящее время курей классифицируют по хозяйственным признакам*); в смешении предлогов *в – у, из – с*, которые в украинском языке представляют собой фонетические варианты (*Вспомните, как на ток-шоу в Шустера депутат от «регионов» на нее серьезно (и в принципе, вполне логично) напала за газовые соглашения с Путиным и потребовала ответа – почему Тимошенко их до сих пор скрывает?*); в несоблюдении правил чередования *г – ж, к – ч* в основах спряжения глаголов типа *печь, лечь, мочь* (*Чиновники Кучмы бежат из Украины, а самого Кучму и Медведчука ждет суд*) и др.

Анализ общения на форумах в Интернете позволяет говорить и о достаточно широком распространении этих изменений в разговорно-бытовой речи: *Пока всем, но я не лягу спать; Мы не хотим с вами играть; Творожные кексы у них знатные только те, которые сами печут; Мои колена все сильнее и сильнее становятся; Восьмого приехал с города в Чулуевку; Приехал брат с Москвы; С дружбы что-то вытаскивают, что-то продают; Тут надо играть с датами и авиакомпаниями; Они спотыкнулись; Да, мне болит стопа* и др.

Как видим, варьирование лексики и фонетики прослеживается в разных сферах общения, грамматические изменения в большей степени присущи бытовому общению, но видна тенденция их употребления и в социально-деловой, и в социально-культурной сферах.

Подобные факты варьирования русского языка, которые проявляются в речи образованных людей, тех, на кого ориентируются массы, в данном случае не могут расцениваться как безграмотность, плохое знание русского языка. Они «должны рассматриваться с позиции того, насколько эти результаты отвечают коммуникативным потребностям носителей языка, насколько они расширяют номинативные и грамматические возможности языковой системы

и обеспечивают успешное взаимодействие между членами данного социума» [11, с. 113]. Русскоговорящее население таким образом приспособливает русский язык к условиям его функционирования в Украине, к своим потребностям, с тем чтобы язык продолжал обеспечивать успешное существование русскоязычного населения Украины «здесь и сейчас».

Такое распространение специфических для русского языка Украины черт подтверждает концепцию формирования «особой формы функционирования единого языка», формы адаптации языка, как к традициям, так и к современным потребностям нации [10], то есть формирования украинского национального варианта русского языка как формы реализации русского языка на территории украинского государства.

Наиболее явно черты русского языка Украины проявляются в номинативной сфере как самой восприимчивой к различным воздействиям подсистеме языка. В результате взаимодействия русского языкового мира с украинским, а также функционирования языка в пределах другой действительности его номинативная система пополняется большим количеством украинских номинативных средств (слов, словосочетаний, фразеологизмов), например, *громада* ('общественность'), *держава* ('государство'), *домовина* ('гроб'), *майдан* ('площадь'), *наважиться* ('отважиться'), *подняти бучу* ('поднимать пыль') и т. д.: *Бюджетная система Украины строится на началах справедливого и непредвзятого распределения общественного богатства между гражданами и территориальными громадами* (<http://meget.kiev.ua/>). *Изядно отличаючися по устройству от любой известной нам западноевропейской средневековой державы* (Олди Г. Л. Богодельня). *Ирена упала вместе с ним; шия от боли, выползла из расколовшейся домовины, споткнулась о подвернувшуюся крышку, упала опять...* (Дяченко М. и С. Казнь). *На майдан – шоу боксеров* («Одесские известия», 12.08.2010). *Программа для тех, кто наважился изучить японский язык* (<http://my.mobile-arsenal.com.ua/content/fly/iq120/soft/office/translation/>). *Я не возьму в толк, почему вокруг этого эпизода подняли такую бучу* (<http://newsme.com.ua/sport/hockey/843387/>). При этом нередки случаи видоизменения лексического значения заимствования. Слово *буряк* используется не только как 'овощное, кормовое и техническое растение семейства маревых', то есть свекла, но и в значении 'кормовая свекла' в противоположность сахарной свекле; в значении слова *рушник* актуализируются семы 'национальный', 'расшитый' (*свадебный, пасхальный рушник*).

Подобные явления традиционно исследователи относят либо к обычным заимствованиям, в случае утраты ими регионального оттенка, либо к экзотизмам или регионализмам, по причине того что украинские элементы, проникая в единый русский язык, используются только при описании явлений украинской жизни как не свойственных русской действительности и культуре.

Современная лингвистика обладает новым методологическим аппаратом описания таких явлений. С позиции современного подхода к языку, эти явления целесообразно рассматривать с точки зрения функционально-семантической теории к номинативной системе языка, а именно, теории семантемы (А. Н. Рудяков [30, 31]). Семантема рассматривается как инвариантная единица языковой картины мира, для выражения которой существует разнообразное количество знаковых средств выражения (слов, словосочетаний и т. д.), каждый из которых призван выразить семантему в соответствующей позиции номинации. Таким образом, в качестве таких позиций могут выступать разные языковые и культурные пространства, разные государства, в которых носители русского языка себя реализуют. На основании теории семантемы представляется возможным утверждать, что для реализации единой системы языковых понятий (русской языковой картины мира) русскоязычное население России и русскоязычное население Украины оперирует не одинаковым набором номинативных средств, а использует соответствующие своей позиции номинации средства выражения одних и тех же семантем.

Так, основным вариантом экспликации семантемы ‘должностное лицо, являющееся высшим руководителем города’ в русском языке Украины выступает словосочетание «городской голова». Например: *Театр приедет на гастроли по приглашению одесского городского головы Эдуарда Гурвица*. (Вита Маркина «Одесский вестник» (<http://www.odvestnik.com.ua/>) 03.07, Суббота №105-106). В русском языке России в качестве одного из вариантов для реализации этой семантемы выступает слово «*градоначальник*»: «*Московский градоначальник Сергей Собянин подписал распоряжения о назначении трех помощников столичного мэра*» (<http://www.rosbalt.ru/moscow/2011/02/11/818279.html>). Или другой пример – для реализации понятия ‘высший представительный и законодательный орган в государствах с разделенной властью’ в русскоязычной речи Украины используется в качестве основного вариант «*Верховная Рада*», тогда как основным вариантом для русского языка России является «*Государственная Дума*». И таких различий в номинативных системах русского языка России и Украины довольно много. Появление вариативных форм в сфере номинации свидетельствует о развитии номинативной системы, ее подвижности, стремлении соответствовать своей функции в обеспечении носителей языка средствами реализации коллективного опыта в новых позициях номинации.

Взаимодействие русского и украинского языков приводит к возникновению еще одной – промежуточной – формы языка – суржика. Под суржиком понимается языковое образование, включающее элементы украинского языка в соединении с русским. Его определяют как некодифицированный разговорно-бытовой стиль языка (речи), который возник вследствие массового продолжительного контактного украинско-русского двуязычия в его диглоссной форме. Суржик возникает в результате системной интерференции на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях; он репрезентирован цельнооформленными лексемами — суржикизмами, которые накладываются на украинскую или русскую языковую основу; проявляется на базе региональных разновидностей украинского языка как языковой код в среде индивидов различных типов языковой компетенции, в разнотипных социально-корпоративных и коммуникативных сферах [41, с.77]. Первой письменной фиксацией суржика является произведение И. Котляревского «Наталка-Полтавка» (1819). В современной литературе на суржике написаны произведения таких украинских писателей, как Лесь Подеревянский, Богдан Жолдак.

Отношение к суржику является неоднозначным. Одни ученые считают его «бессистемной смесью украинского и русского языков, уродливым гибридным “диалектом”, которым обслуживается значительная часть населения Украины», и который приводит «к интеллектуально-моральной аморфности, размытости и неопределенности личности, потере ею не только языковых, но и национальных ориентиров вообще» [20, с. 97]. Поэтому «суржиковизация», согласно такой точке зрения, требует искоренения. Другие призывают переосмыслить отношение общества «к такому интереснейшему явлению как “суржик”». При этом не предлагается говорить на нем, быть безграмотным и не знать норм каждого из языков, а выдвигается мнение о необходимости изучать его, «разграничить те явления в суржике, которые обусловлены малограмотностью, и те явления, которые обусловлены возможностью для носителя двух языков выбирать самые удачные номинации, самые комфортные способы выражения грамматических значений...» [32, с. 8].

Помимо территории Украины взаимодействие русского и украинского языковых миров осуществляется в России, когда на украиноязычную речь украинцев, проживающих в России, влияет государственный русский язык. Наибольшая плотность этнических украинцев, а также россиян, самоидентифицирующих себя как «украинцы», находится в регионах Сибири, Приполярья, Дальнего Севера и Востока России: Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО, Ханты-Мансийский АО и т. д. Также украинцы проживают в Ростовской

и Белгородской областях, в областях, приграничных с Казахстаном. Речь этих украинцев, даже переселившихся несколько веков назад, сохраняет выразительный украинский языковой тип, отличается архаичностью, хотя она значительно видоизменилась под воздействием русского языка. Следствием такого взаимодействия становится формирование на территории России одного из вариантов украинского языка.

Итак, русский и украинский языковые миры с момента их возникновения и до настоящего времени находятся в тесном взаимодействии, которое обусловлено непрерывными коммуникативными контактами между носителями отдельных языков. Их взаимодействие представлено главным образом на территории Украины, но также оно свойственно и украинской диаспоре России.

Анализ интенсивности и качества взаимодействия русского и украинского языковых миров, позволяет выделить три наиболее общих периода их контактирования: период формирования национальных русского и украинского языков; советский и постсоветский периоды, современный период.

Таким образом, очевидно, что результатом русско-украинского языкового взаимодействия является укрепление и обогащение обоих языков. Языки, как русский, так и украинский, становятся могущественнее и сильнее, повышаются их адаптационные возможности в реализации своей функции обеспечивать успешное существование его носителя в любых условиях. Русско-украинское взаимодействие становится одной из причин появления вариативных форм языков (национальных вариантов), а также промежуточных явлений (суржик), что свидетельствует о мощи языков, их развитии.

Источники и литература

1. Антисуржик: Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити / За заг. ред. О. Сербенської. – Львів, 1994. – 152 с.
2. Базиев А. Т. Язык и нация / А. Т. Базиев, М. И. Исаев. – М. : Издательство «Наука», 1973. – 248 с.
3. Белодед И. К. Русский язык как источник обогащения языков народов СССР / И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черторижская. – К. : Рад. школа, 1978. – 182 с.
4. Белодед И. К. Развитие языков социалистических наций СССР / И. К. Белодед. – К. : Наук. думка, 1969. – 307 с.
5. Беляков А. Украинский язык / А. Беляков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.beliakov.net/polit/ukrain.html> (10.02.2011).
6. Взаимообогащение языков и культур народов СССР в условиях развитого социализма. – М., 1978. – 182 с.
7. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1982. – 529 с.
8. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе / Ю. Д. Дешериев. – М. : Наука, 1966. – 403 с.
9. Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России) / В. Долопчев. – Одесса, 1886
10. Домашнев О. А. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка / О. А. Домашнев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingvotech.com/domashnev-85> (12.03.2011).
11. Дорофеев Ю. В. Национальные варианты русского языка / Ю. В. Дорофеев // Лингводидактика. Социолнгвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук, Институт языкознания РАН. – М. : Сов. писатель, 2008. – С. 101-115.

12. Дорофеев Ю. В. Функциональная обусловленность процесса взаимодействия языков / Ю. В. Дорофеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nbuu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ros_fil/2008_3-4/1.html (10.04.2011).
13. Жовтобрюх М. А. Збагачення мов народів СРСР / М. А. Жовтобрюх. – К. : Знання, 1967. – 48 с.
14. Жовтобрюх М. А. Мова української періодичної преси (кінець XIX – початок XX ст.) / М. А. Жовтобрюх. – К. : Наукова думка, 1970. – 294 с.
15. Забашта Р. В. Языковая вариативность и особенности номинативной системы украинского варианта русского языка / Р. В. Забашта // Георусистика. Первое приближение. – Симферополь, 2010. – С. 75-86.
16. Зеленецкий К. П. О русском языке в Новороссийском крае / К. П. Зеленецкий. – Одесса, 1855
17. Иванишко М. П. Украинизмы как стилистический прием в произведениях русских писателей-фантастов, живущих на Украине / М. П. Иванишко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fandom.ru/convent/58/efremov_1988_t41.htm (10.02.2011).
18. Исаев М. И. О языках народов СССР / М. И. Исаев. – М. : Наука, 1978. – 224 с.
19. Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР (вопросы языковой политики и языкового строительства) / М. И. Исаев. – М. : Высш. шк., 1982. – 168 с.
20. Іванішин В. Мова і нація / В. Іванішин, Я. Радевич-Винницький. – Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження», 1994. – 218 с.
21. Їжакевич Г. П. Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу / Г. П. Їжакевич. – М. : Наукова думка, 1969. – 303 с.
22. Кононенко В. И. Язык дружбы и братства: Русский язык как средство межнационального общения и единения народов СССР / В. И. Кононенко. – К. : Общ-во «Знание» УССР, 1979. – 48 с.
23. Культура мови на щодень. – К. , 2000. – 169 с.
24. Культура русской речи на Украине. – К. : Наук. думка, 1976. – 355 с.
25. Культура української мови. – К. , 1990.
26. Курохтина Т. Н. Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. : спец. 10.02.03 «славянские языки» / Т. Н. Курохтина. – М. , 2010. – 23 с.
27. Курс історії української літературної мови / За ред. І. К. Білодіда. – К. : Видавництво Академії наук УРСР, 1958. – Т. 1. – 596 с.
28. Протченко И. Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития / И. Ф. Протченко. – М. : Педагогика, 1984. – 254 с.
29. Прохоров Ю. Е. Русский язык в поликультурном пространстве [лекция]. 14 сент. 2010.
30. Рудяков А. Н. Функциональная семантика / Александр Николаевич Рудяков. – Симферополь : Таврия, 1992. – 154 с.
31. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика / Александр Николаевич Рудяков. – Симферополь : Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
32. Рудяков А. Н. Русофония и русистика в XXI веке / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2007. – т. 1. – № 110. – с. 7-9.
33. Рудяков А. Н. Украинский вариант русского языка: мифы и реальность / А. Н. Рудяков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001c/00161490.htm> (20.04.2011).
34. Рудяков А. Н. Георусистика и русофония / А. Н. Рудяков // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН. – М. : Сов. писатель, 2008. – С. 115-128.

35. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – Симферополь, 2009. – № 168. – Т. 1. – С. 7-10.
36. Русский язык – язык межнационального общения и единения народов СССР. – К. : Наук. думка, 1976. – 255 с.
37. Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование. Под ред. М. В. Панова. – М. : Наука, 1968. – 367 с.
38. Серебенська О. Екологія українського слова. Практичний словничок-довідник / О. Серебенська, М. Білоус. – Львів : Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2003. – 68 с.
39. Словарь социолингвистических терминов (под. ред. В. Ю. Михальченко) / В. Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
40. Украинско-русское двуязычие. – К. : Наук. думка, 1988. – 176 с.
41. Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти. Зб. наукових праць. – К. : Пульсари, 2007. – 200 с.
42. Чапленко В. Українізми в мові М. Гоголя / В. Чапленко. – Авгсбург, 1948. – 26 с.

РАЗДЕЛ 2

ГЕОРУСИСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

В. А. Виноградов

Язык и общество *

§ 1. КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА

Существующие опыты социолингвистической макротипологии имеют своим объектом языковые ситуации в определенном выше смысле. Все такие типологии в западной социолингвистике (созданные в основном американскими учеными) возникли примерно в 60-е годы и не успели пройти надлежащей проверки временем, однако среди них можно выделить типологию Ч. Фергюсона как наиболее детальную и одновременно одну из наиболее популярных [3]. Эта типология, вобравшая в себя более частную типологию У. Стюарта, известна под названием «формула социолингвистического профиля стран». Она действительно имеет простое формульное выражение, что является ее несомненным практическим достоинством. В качестве индексов типологизации Фергюсон использует количественно-демографические характеристики — число языков с различием «больших» (L maj) и «малых» (L min); лингвистические разновидности языка — местный (V), литературный (S), классический (C), пиджин (P), креольский (K), с особым выделением специального языка (L spec); функциональные уровни (типы) языка — этнический (д), официальный (о), лингва франка или койне (w), религиозный (r), интернациональный (i), используемый в системе неначального образования (e), изучаемый в школе (s). С помощью этих параметров языковая ситуация, например, в Бельгии изображается следующим образом:

2 L maj (Sowi, So) + 1 L min (Sgs) + 2 L spec (Crs, Ss). Аналогичной по существу, хотя и отличающейся по форме записи, является типология Х. Клосса [11].

При всей своей внешней элегантности типология Фергюсона остается, однако, именно общим профилем, фиксируемым с высоты птичьего полета. Ей недостает материальной плоти тесных и порой причудливых переплетений разнообразных свойств и факторов, реально определяющих конкретный облик той или иной языковой ситуации. И дело здесь не в том, что выбраны именно данные признаки, — напротив, каждый из них имеет бесспорную важность, но в сумме они дают лишь набор формальных меток, вместо того чтобы быть экспланаторно значимыми параметрами. Причина кроется в том, что объект типологического описания понимается чересчур импрессионистически, тогда как на самом деле за «языковой ситуацией» стоят коллективы людей, живущих в определенных условиях и говорящих в определенных случаях на определенных языках. Тезис Дж. Фишмана «who speaks what language to whom and when» (кто говорит на каком языке с кем и когда) удачно определяет сущность социолингвистики; только один wh-вопрос — «why» — необоснованно отсутствует в этой формуле, если полагать, что «when» содержит в себе также и «where». Эти соображения вплотную подводят нас к объекту социолингвистической типологии.

Согласно распространенной практике социолингвистических описаний их объектами являются языковые ситуации отдельных стран, реже — более мелких, но также политико-административных единиц. Это упорное стремление оставаться в пределах официальных границ — отнюдь не случайная прихоть исследователей. Изучение языковой ситуации имеет ценность не столько само по себе, сколько в плане практического применения его результатов

в программах языкового строительства, а всякая политика, в том числе языковая, действует внутри государственных границ. Ориентация социолингвистических исследований на масштабы и границы государства существенно подкрепляется также традицией изучения языковых ситуаций в странах Старого и Нового Света, где это всегда казалось естественным.

Вопрос, однако, оказывается более сложным, если обратиться к таким регионам, как Западная Африка, ввиду общеизвестного факта искусственности политических границ расположенных здесь стран, сохраняющих, как правило, конфигурацию прежних колониальных территорий. При этом необходимо иметь в виду, что европейцы застали Африку не первобытной, а имеющей значительную историю собственной государственности, так что «проведение новых искусственных границ уничтожило прежние политические объединения и разъединило уже сложившиеся этнические группы» [38, с. 153]. И тем не менее эпоха колониализма не в состоянии была уничтожить начисто всего, что складывалось веками. Вновь созданные де юре административные территории оставались да факто разделенными старыми границами традиционно сложившихся и относительно замкнутых этнокультурно-хозяйственных ареалов. Это положение в значительной мере сохраняется и в наше время, и поэтому языковые ситуации практически во всех западно-африканских странах в действительности представляют собой не единое социально-языковое целое, как можно было бы заключить при знакомстве с их «социолингвистическим профилем», а мозаику более мелких этноязыковых ареалов, в границах которых и протекают реальные социолингвистические процессы.

Это важнейшее обстоятельство заставляет отказаться при разработке первого яруса африканской социолингвистической типологии от единиц политико-административного деления, и прежде всего от единицы «государство»¹. В излагаемой здесь типологической модели основным и исходным является понятие *коммуникативной среды* (КС), которая определяется как исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаяся относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью. Насколько нам известно, социолингвистика еще не пользовалась таким понятием, как коммуникативная среда, хотя идея оперирования более мелкими единицами, чем страна или общество, для нее тривиальна. Так, уже почти 20 лет назад было предложено описывать языковые ситуации с опорой не на отдельные языки в границах государств, а на всю совокупность языковых образований, функционирующих в границах особых культурных областей (ареалов), которые в предельном случае могут соответствовать отдельному государству [20, с. 2–3].

Понятие КС, однако, существенно отличается от таких внешне аналогичных понятий, как «социальная среда» [ср.: 23, с. 252], «языковая общность», причем отличается не только терминологически, хотя в данном случае и этот момент является существенным. Следует, впрочем, отметить, что среди различных определений подобных единиц наиболее удачным и глубоким представляется определение языковой общности у Дж. Гамперца, который, кстати, попытался обрисовать и некоторые ее типы: «Мы определим ее как социальную группу, одноязычную или многоязычную, единство которой поддерживается частотой различных типов социального взаимодействия и которая отграничена от окружающих областей слабостью своих связей с ними. В зависимости от уровня абстракции, которого мы хотим достичь, языковые общности могут состоять из небольших групп, члены которых связаны личными контактами, или распространяться на значительные территории» [31, с. 187]. Как легко заметить, определение коммуникативной среды отчасти перекликается с этим определением, но чем заметнее их параллелизм, тем легче показать их существенные различия.

Прежде всего, понятие КС не может быть сведено к понятию социальной группы, лежащему в основе дефиниции Гамперца. Это понятие является собственно социоло-

гическим и потому не может механически переноситься в лингвистику (именно такое критическое замечание высказывает по поводу определения Гамперца А. Д. Швейцер [43, с. 71]). При всех различиях в понимании социальной группы – как объединения людей то ли на основе общности культурных систем и моделей [22, с. 15], то ли на основе целевого взаимодействия [35, с. 82] – общим для них является акцентирование чисто социальных признаков, не имеющих обязательной соотнесенности с территориальными, этническими и языковыми характеристиками. Если обобщить различные определения социальной группы, то можно выделить следующие признаки, используемые в качестве ее дефиниционных характеристик: 1) непосредственное взаимодействие двух или более индивидуумов, 2) наличие у них относительно ясной цели, 3) наличие совместно установленных норм и 4) относительно развитые структуры.

Отдельные компоненты этого определения, соответствующим образом переосмысленные, могли бы применяться и к коммуникативной среде, однако *sensu stricto* КС не совпадает с социальной группой. КС шире социальной группы в том смысле, что она может члениться на ряд социальных групп, и одновременно КС конкретнее, чем социальная группа, в том смысле, что она не является срезом со всего общества, а имеет определенные границы и определенное этноязыковое наполнение. Если придавать терминологическую значимость разграничению «общества» и «населения», то КС представляет собой в первую очередь фрагмент населения с его базовыми этноязыковыми характеристиками, на которые могут накладываться признаки, связанные с различиями социальных группировок и стратификаций. Выражением «могут накладываться» мы не хотим сказать, что социальная дифференциация населения носит случайный или спорадический характер. Речь идет лишь о разграничении этнического и социального и о степени существенности того и другого в каждом конкретном случае. Ниже этому вопросу будет уделено особое внимание.

Здесь же отметим, что КС в равной мере несводима и к этнической общности, определяемой через признаки общности территории, единого языка или диалекта, большого сходства материальной и духовной культуры [32, с. 262]. Отметим, что при сравнении и типологизации этнических общностей целесообразно различать сходства в культуре, обусловленные взаимной культурной инфильтрацией, и сходства, обусловленные единой для данных культур экосферой. Если, например, два этноса обитают на территории, где нет ничего, кроме глины и тростника, то ясно, что их жилища будут строиться из глины и тростника. Такие общие черты материальной культуры этнологически неинформативны, но, скажем, архитектурные черты, принадлежащие к области, промежуточной между собственно технологической и собственно духовной (в частности, художественной) культурой, могут служить типологическими признаками, идентичность которых указывает либо на первичную генетическую общность культуры, либо на вторичную общность, возникшую в результате конвергентного развития двух культур. Вообще же контекст духовной этнической культуры оказывается неизмеримо более существенным при этнотипологической проекции языковых особенностей, так что, например, в плане этнолингвистики двухклассная типология культуры Р. Бенедикт с противопоставлением аполлоновского и дионисийского типов [2], предполагающих преобладание в культуре технологического или духовного компонента, малоэффективна, не говоря уже о том, что заимствованное у Ницше разграничение аполлоновского и дионисийского начал столь же применимо и в сфере только духовной культуры (где, кстати, результаты такой типологизации могут оказаться более интересными).

Возвращаясь к КС, подчеркнем, что в определение ее, в отличие от приведенного определения этнической общности, не вводится никаких ограничений относительно ее этнической гетерогенности, и тем самым отпадает презумпция ее культурного и языкового единообразия. Границами КС не являются ни границы той или иной этнической общности

сти, ни границы распространения языка; КС выделяются лишь по степени интенсивности внутренних коммуникативных связей, характерных для определенных ареалов, из которых складывается общая коммуникативная картина страны или географической области.

По изложенным соображениям в определении КС отсутствует признак «социального взаимодействия», играющий важную роль в определении языковой общности Гамперца. Этот признак является основным при выделении социальных групп, однако, как справедливо отметил А. Д. Швейцер [43, с. 71], он теряет свою определенность при экстраполяции его в лингвистический контекст. Критикуя гамперцовские «языковые общности», А. Д. Швейцер настаивает на различении, с одной стороны, языковых и речевых коллективов и, с другой стороны, языковых и речевых общностей. Полезность такого разграничения не вызывает сомнения, и в связи с этим можно указать на определенный параллелизм понятий «коммуникативная среда» и «языковой (речевой) коллектив», понимаемый А. Д. Швейцером как совокупность людей, выделяемая «на основе устойчивых социально-коммуникативных связей» [43, с. 73]². Вместе с тем и в этом случае КС не может быть отождествлена ни с языковым, ни с речевым коллективом, для которых характерно соответственно либо единство языковых признаков (инвентаря), либо единообразие употребления языковых единиц в речи. Понятие коллектива, даже в сопровождении определения «языковой», остается в значительной мере социологически ориентированным, так как оно покоится на признаке социального взаимодействия индивидуумов, «в том числе взаимодействия коммуникативного» [43, с. 70]. Для КС же степень коммуникативного взаимодействия является признаком не «в том числе», а *par excellence*.

Такое акцентирование коммуникативных связей, цементирующих КС, не означает игнорирования собственно социального взаимодействия. Само собой разумеется, что коммуникация невозможна без такого взаимодействия, поскольку она является его вербальным выражением. Однако при определении КС мы делаем упор на ее коммуникативной спаянности, полагая, что задачей лингвистики вообще, а социолингвистики в частности является описание и моделирование именно вербальных форм поведения и взаимодействия человеческих коллективов, разумеется с учетом всех сопутствующих экстралингвистических факторов.

И еще одно немаловажное отличие КС от таких единиц, как социальная группа, коллектив, общность, заслуживает упоминания, поскольку оно подтверждает правомерность выделения коммуникативного признака в качестве ведущего. КС в отличие от перечисленных единиц формируется не в рамках общества, а в рамках населения. Необходимо помнить, что понятие КС вводится не как социологическое, а как социолингвистическое. Поэтому вся проблематика, которой мы намерены заниматься, вращается не вокруг оси «личность — общество», а вокруг оси «этническая группа — язык». И если коллектив или общность не могут состоять ни из кого как из отдельных индивидуумов, то КС непосредственно состоит не из отдельных лиц, а из этнических (или, если угодно, этносоциальных) блоков, хотя, конечно, коммуникативные закономерности каждой данной КС непосредственно наблюдаемы лишь на уровне личностного контактирования. Любая КС может рассматриваться и под социологическим углом зрения, и тогда она будет представлена в виде совокупности социальных коллективов (групп, общностей); при решении определенных задач такой подход становится социолингвистически релевантным.

А. Д. Швейцер, вводя понятия языкового и речевого коллектива, подчеркивает отсутствие взаимно однозначных соответствий между ними и такими понятиями, как нация, народность, этническая группа [43, с. 75]. Вместе с тем стремление сделать эти понятия универсальными заставляет его признать, что речевой коллектив может совпадать и с этно-социологическими единицами (клан, племя, общество). С другой стороны, в качестве примеров языковых коллективов он приводит коллективы носителей языка,

диалекта, говора [43, с. 73], и в этом случае, очевидно, критерий выделения языкового коллектива оказывается чисто лингвистическим, поскольку его границы автоматически совпадают с границами того или иного идиома. В этом последнем смысле языковой коллектив может непосредственно соотноситься с КС как ее часть; в предельном случае КС может состоять из одного такого коллектива, который автоматически соответствует той или иной этнологической единице (этническая группа, племя, клан). Таким образом, понятия языкового и речевого коллектива, определяемые А. Д. Швейцером на социологической основе, могут легко интерпретироваться и в этнолингвистических терминах, а тем самым становятся факультативными при описании тех особых этноязыковых ареалов, которые мы называем коммуникативными средами. Основным и первичным для КС как социолингвистического феномена является, таким образом, не факт социального взаимодействия индивидуумов, а наличие особых норм коммуникативных отношений между блоками, составляющими КС.

Из сказанного нетрудно заметить, что понятию КС придается ареальное осмысление, поскольку в отличие от социальных группировок факт ее территориальной определенности имеет безусловно существенное значение. Такое понимание КС вызывает ассоциации с другим, хорошо известным в лингвистике, понятием – «языковой союз». Эти образования, однако, принципиально различны, несмотря на такие вроде бы общие признаки, как ареальная локализованность и наличие более тесных эндоцентрических связей. Сущностью языкового союза как особого типа группировок языков является наличие «благоприобретенных сходств в структуре двух или нескольких смежных языков, равнобежные преобразования самостоятельных языковых систем» [9, с. 145]. Понятие же КС не предполагает ни обязательного вхождения в нее того или иного языка *in toto* (как частный случай это справедливо, впрочем, и для языкового союза), ни тем более «равнобежного преобразования» структур представленных в КС языков, хотя возможность такого преобразования и не исключается. Точно так же как границы КС не совпадают одновременно с границами этнических единиц, они не совпадают и с границами языков. Эти совпадения возможны, но их наличие не входит в дефиниционную презумпцию. Границы КС, как правило, накладываются на этноязыковые границы, пересекая их, и поскольку конкретные КС выделяются не по структурно-языковым (чисто лингвистическим), а по коммуникативным (социолингвистическим) признакам, одна и та же лингвогеографическая территория не может входить в разные КС. В этом состоит коренное отличие КС от таких лингвогеографических объединений, как диалектные зоны, которые, выделяясь по комплексам структурных признаков, также могут пересекать границы первичных единиц – диалектов и наречий, но при этом допускают и взаимное пересечение [о понятии диалектной зоны см.: 40, с. 229, 242].

В связи с вопросом о границах КС необходимо сделать еще одно замечание. Когда мы говорим, что для каждой КС признак территориальной определенности имеет кардинальное значение, это не следует понимать в том смысле, что во всех случаях границы КС должны получить четкое топографическое выражение. Эти границы могут быть физически реальными (река или горный массив), но могут быть и весьма относительными, образуя не столько четкий рубеж, сколько размытую полосу затухания коммуникативного притяжения, исходящего из центра КС. Чем обширнее ареал, охватываемый данной КС, тем заметнее будет различие в степени коммуникативной спаянности между ее центром и периферией.

Кроме того, следует учитывать, что презумпция коммуникативной непрерывности, лежащая в основе определения и выделения КС, имеет в виду не абсолютную, а относительную непрерывность. Внутри любой КС могут выделяться более дробные подсреды, которые либо существуют реально (например, номадные стоянки или горские поселе-

ния), либо вычлениются нами искусственно в тех или иных исследовательских цепях (например, КС отдельного княжества, города, квартала). По мере дробления исходной КС мы можем получить микроединицы, для которых признак территориальных границ становится нерелевантным; так, можно говорить о микросреде конкретного рынка, учебного заведения и т. п. Во всех этих случаях, однако, сужение ракурса исследования переводит нас в область микросоциолингвистики, где понятие КС в определенном выше смысле оказывается избыточным и уступает место понятию социальной группы как единицы, более отвечающей данному уровню описания.

В этом случае более экономным и эффективным может оказаться понятие коммуникативной общности в том примерно его осмыслении, которое содержится в коллективном труде «Языковая коммуникация и общество» [8]. Это не означает, что КС автоматически трансформируется в коммуникативную общность: данные единицы являются результатом различных сечений и непосредственно несводимы друг к другу. Несмотря на их терминологическое сходство, они так же различны, как различны понятия КС и социальной группы (см. выше). В указанном труде коммуникативная общность трактуется как прямой социолингвистический аналог социологического понятия группы, в результате чего вполне естественно замечание авторов, что человек может одновременно принадлежать к нескольким коммуникативным общностям, подобно тому как он принадлежит к нескольким социальным группам [8, с. 72]. Применительно к КС сделать такого замечания нельзя, как нельзя сказать о человеке, что он проживает одновременно в нескольких местностях. В отличие от коммуникативной общности КС не ориентирована на ролевую стратификацию общества; последняя присутствует в ней, но не является ее абсолютной детерминантой. В каждом конкретном случае необходимо исходить из характера и степени стратифицированности КС с учетом реального соотношения ее этнических и социальных компонентов.

§2. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КС

Коммуникативная среда представляет собой полиморфное образование, находящееся в состоянии динамического равновесия. В составе КС можно выделить целый ряд компонентов – этнический, социальный, языковой, коммуникативный, экономический, культурный, политический, каждый из которых образует предмет изучения в соответствующей отрасли науки (этнографии, этнологии, социологии, лингвистике, истории, экономике). Компоненты КС представляют собой, так сказать, ее абсолютное материальное наполнение, с которым соотносится определенная структура, представляющая собой конкретную комбинацию признаков, описывающих как отдельные компоненты, так и их взаимоотношения. В этом смысле мы говорим о состоянии КС, которое складывается из конкретных ситуаций.

Однако для целей социолингвистического описания КС не все ее компоненты и, естественно, не все ситуации оказываются в равной степени существенными. Как явствует из определения КС, социолингвистически главными являются три компонента: этнический (и/или социальный), языковой и коммуникативный. Этнический компонент – это совокупность этнических коллективов со всеми их характеристиками; социальный компонент – это совокупность социальных группировок (ролевая система, или «социальная сеть»); языковой компонент – совокупность языков и диалектов; коммуникативный компонент – совокупность условий и сфер использования языков (диалектов). Непосредственным объектом социолингвистического анализа являются, однако, не сами эти компоненты³, а соответствующие ситуации, которые в совокупности образуют социолингвистическое состояние КС (рис. 1).

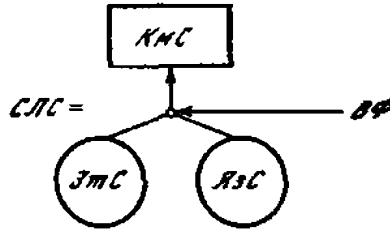

Рис. 1. СЛС – социолингвистическое состояние; ЭМС – этническая ситуация; ЯЗС – языковая ситуация; КМС – коммуникативная ситуация; ВФ – внешние факторы

В данной схеме отсутствует как отдельный компонент социальная ситуация, и это требует пояснения. Коммуникативные среды, как было сказано, представляют собой фрагменты традиционного африканского населения, а не общества в европейском осмыслении этого слова. Отличительной чертой стран Тропической Африки является сохранение вплоть до XX в. раннефеодальных форм социально-экономической организации, а местами – даже доклассовых родо-племенных форм. Поэтому категория нации с ее четкой классовой структурой до сих пор отсутствует в Африке, где, как отмечалось разными исследователями, ни одна из общественных групп не соответствует критериям марксистского определения класса и можно говорить лишь о его формировании. Этот процесс наблюдается прежде всего в городах-индустриальных центрах, где складывается рабочий класс, однако таких городов в Африке (особенно в Западной и Центральной) слишком мало, чтобы они могли определить социальный облик всего населения, которое в массе своей остается патриархально-сельским (т. е. тем, что в англоязычной этнологической литературе принято называть *folk society*).

В этой связи весьма показательны дебаты вокруг определения города, данного Л. Уэртом, как относительно обширного, плотного и постоянного поселения социально гетерогенных индивидуумов [21, с. 8]. Применение этого определения к африканскому материалу вскрывает его нечеткость, на что справедливо указал У. Бэском, имея в виду прежде всего критерий социальной гетерогенности [1, с. 456]. Бэском ссылается на исследование Х. Майнера [14], из которого явствует, что, например, Томбукту 1940 г. вполне может быть отнесен к категории города, хотя в нем нет явной социальной гетерогенности. «В сравнении с городами Запада, – пишет Майнер, – гетерогенность Томбукту представляется скорее продуктом различных культурных источников, чем результатом развитого разделения труда» [14, с. 268]. Учитывая своеобразие социального типа населения Томбукту, Майнер называет его *city folk* и отмечает, что «семья и этническая группа образуют социальные сферы громадной важности» [14, с. 272].

Можно было бы возразить, что Томбукту – это древний консервативный город (его история начинается с XI в.), чем и объясняются особенности его социальной структуры. Однако обратимся к другому примеру. Абиджан принадлежит к числу молодых городов Гвинейского побережья, он основан в 1903 г. в зоне интенсивного колониального производства и быстро прогрессировал как административный и портовый центр Берега Слоновой Кости (в 1910 г. его население составляло 1 тыс., в 1960 г. – 180 тыс., в 1968 г. – 500 тыс. [см.: 7, с. 241]). Между тем и в Абиджане, по свидетельству Ж. -М. Жиббала, структура городского населения несопоставима с социально-классовым делением в городах европейского типа, и социальная дифференциация тормозится прочностью традиционных кланово-этнических отношений [5].

Так обстоит дело в городах, а если обратиться к огромным неурбанизированным территориям, то указанные особенности социальной структуры станут еще более заметными.

Все это подтверждает тезис о том, что наличие социальной стратификации как самостоятельного феномена, т. е. основанной на отличных от этнородственных и биологических (возрастно-половых) факторах, не является универсальным [19, с. 4]. Традиционная социальная структура африканских народов покоится на этнических основаниях: «Этничность, – говоря словами Дж. Фишмана, – является первичным регулятором поведения в классических сельских (folk) обществах» [4, с. 180]. Даже социально-экономические характеристики в значительной мере связаны с этническими, что было замечено Х. Майнером: «В сельской общине, ввиду тесно спаянной функциональной организации ее культуры, религиозное и семейное поведение имеет определенные экономические импликаций» [14, с. 274]. В частности, хорошо известно, что разделение труда в традиционных африканских обществах носит характер кастово-профессиональной системы (а каста в свою очередь «может рассматриваться как модификация родовой общины» [36, с. 256]), причем каждая этническая группа выработала «типовой образец» своего представителя, которому должен отвечать каждый достойный член общности и который служит социально-экономическим символом данной этнической группы в глазах соседей (например, боро-пастухи, сорко-рыболовы и т. п.).

Конечно, применительно к современной Африке нельзя говорить о преобладании простейших и единообразных общественных форм; африканские общества многолики и многообразны, в них явственно прослеживаются сложные процессы взаимодействия и интеграции «традиционного» и «современного». Только в сфере традиционных форм сосуществуют, как отмечает Д. А. Ольдерогге, две основные и типичные структурные линии: линия родовых структур и линия общинных структур, на пересечении которых находится весьма характерная для Африки форма – домашняя община, или большая семья [37]. При всем разнообразии общинных форм (и среди них есть такой широко распространенный многофункциональный институт, как соседско-родовая община, который «далеко не исчерпал себя в условиях современной Африки» [36, с. 277]) все они характеризуются значительной ролью этнического начала («аполлоновского» по своей логичной изоэтичности и гармоничности в противоположность «дионисизму» социально-классового начала с его обезличивающей имущественно-хозяйственной стратификацией общества). Даже такие новые общинные формы, как земляческие союзы или торговые и ремесленные гильдии (порожденные колониальным экономическим укладом), представляют собой компромиссное приспособление к условиям капиталистического рынка и урбанизации, и общей их чертой является то, что они «оформляют новые отношения, интересы, институты по традиционному принципу общинно-кастовой замкнутости и исключительности» [36, с. 276].

Для целей социолингвистического исследования можно условно разграничить два структурных типа обществ – этноцентрическое и стратоцентрическое, имея в виду не абсолютное их противопоставление, а относительное преобладание (первичность) этнических либо социальных принципов дифференциации населения. В этом случае традиционные африканские общества будут принадлежать к типу этноцентрических, в соответствии с чем базисным компонентом социолингвистического состояния коммуникативной среды следует считать этническую ситуацию, понимаемую как определенный комплекс этнологических характеристик. Необходимо еще раз подчеркнуть, что выделение ЭтС как основной в сравнении с социальной не означает забвения собственно социальных отношений. Такой шаг диктуется объективным положением дел, при котором социальная структура во многих случаях оказывается преломлением этнической. Этот диалектический синкретизм этнического и социального заложен в родовой общине, которая исторически предшествует более развитым формам общины (соседско-родовым, земледельческим, сельским) и до сих пор существует как основная общественная форма

у ряда народов Западной и Центральной Африки. Сущность указанного синкретизма как отличительной черты родовой общины можно выразить так: «Общинная социальность (в чистом виде или чаще в сочетании с классовой социальностью) является содержанием, а родовые отношения – формой этого типа общины» [36, с. 263]. Именно формальная сторона единиц общественной структуры, тесно сплетаясь с такими показателями этнической культуры, как ритуал и обычай, становится релевантной в плане этно- и социолингвистического исследования. В этой связи мы можем с удовлетворением сослаться на близкое к нашему мнению Б. Хайне, который приходит к заключению, что изучение языковой ситуации в Африке требует использования в качестве основной социальной единицы этнической группы, уже в пределах которой языковое поведение специфицируется сообразно с ролевыми отношениями, условиями, сферами общения и прочими социально маркированными критериями [6, с. 55].

Наряду с этноцентрическими обществами существуют общества, организованные по стратоцентрическому принципу, причем он может сочетаться как с этнической гомогенностью (например, в ряде стран Латинской Америки), так и с этнической гетерогенностью населения, как в США. Пример США показателен в том отношении, что здесь наблюдается тенденция, противоположная африканскому трибализму: социализация личности как члена нации предполагает его безусловную дегнетизацию. Сознательная ориентация на полную ассимиляцию разноэтнических групп – отличительная черта американского уклада жизни. Это было отчетливо выражено в речи президента В. Вильсона в его обращении к иммигрантам: «Вы не сможете стать подлинными американцами, если будете осознавать себя членами групп. Америка не состоит из групп. Человек, воспринимающий себя как представителя определенной национальной группы, еще не стал американцем, а человек, спекулирующий на национальности, недостойно жить под звездно-полосатым флагом» [12, с. 61]. Эти слова служат достойным эпиграфом к тому процессу, который получил образное наименование горнила американизации. В таких случаях этнический момент в структуре СЛС вовсе нерелевантен либо играет второстепенную роль и может быть причислен к разряду факторов, варьирующих базисную социальную ситуацию. Возможен также случай, когда оба принципа социальной организации общества оказываются в равной мере социолингвистически релевантными (так, по-видимому, обстоит дело в Индии). Наконец, для доклассовых обществ с родо-племенной организацией возможно сочетание этнической гомогенности с отсутствием развитой социальной стратификации. В этом случае уже не этническая группа, а род (или родовая община) становится базисной социальной единицей, в рамках которой формируется языковое поведение человека. Такая ситуация, впрочем, характерна лишь для племен, ведущих изолированный образ жизни, подобно индейцам намбиквара в Бразилии, полуоседлых примитивных земледельцев, чья форма хозяйства зависит от сезона (сухой или дождливый) и чья общественная организация отличается крайней рыхлостью и непрочностью [24]. Ситуация будет иной в условиях крупных союзов племен, которые могут формироваться на разных этнических основах, что делает релевантным тот или иной принцип структурной организации общества. В соответствии с указанными возможностями изменяется и структура социолингвистического состояния КС: место ЭтС может занять социальная ситуация либо обе будут представлены как равнорелевантные.

В странах Африки южнее Сахары базисным компонентом СПС коммуникативных сред является ЭтС, с которой тесно связана языковая ситуация. Последняя трактуется здесь более узко, как совокупность языков и диалектов в их пространственных, генетических и некоторых других характеристиках, без учета их функционального статуса. Третий и наиболее существенный компонент СЛС образует коммуникативная ситуация, представляющая собой систему отношений между элементами ЭтС и ЯзС через посред-

ство «матрицы коммуникации» (термин Гамперца), понимаемой как пересечение ролевой системы с системой сфер и условий общения. КмС определяется комплексом характеристик, связанных с социальным функционированием языка, и тем самым определяет конкретный облик КС. Только в рамках КмС становится эксплицитной социолингвистическая значимость прочих компонентов СПС и их признаков. Структура СЛС в целом может интерпретироваться как двухуровневое образование, основанное на иерархическом принципе. Первый уровень образует единая этноязыковая (или социально-языковая) ситуация, второй и более высокий – КмС.

В соответствии с тремя названными ситуациями полезно иметь три единицы, в терминах которых эти ситуации могли бы описываться. Для ЯЗС такие единицы выбираются однозначно – это язык и диалект. Несмотря на все трудности их разграничения, данные понятия используются всеми лингвистами, не вызывая недоразумений, и нет оснований пренебрегать ими в данном конкретном случае. Что же касается ЭтС и КмС, то наиболее удобными для их описания представляются единицы этнос и идиом; в социолингвистическом контексте эти понятия были использованы Д. Брозовичем [25]. Термин «идиом» удобен своей общностью и нейтральностью, покрывая не только собственно лингвистические единицы «язык» и «диалект», но и такие социолингвистические единицы, как вариант языка, язык межэтнического общения и т. п. Иными словами, идиом – это любая вербальная кодовая система (в предельном случае равная языку), рассматриваемая с точки зрения ее коммуникативных функций и свойств.

Понятие этноса до недавнего времени также отличалось нейтральностью и общностью, однако в последнее десятилетие в советской этнографической науке предпринимаются попытки придать этому понятию более строгий однозначный смысл. Эти попытки привели к расщеплению понятия «этнос» на два: этникос (этнос в узком смысле), т. е. «исторически сложившуюся совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями культуры и некоторыми соответствующими чертами психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же совокупностей», и этносоциальный организм (эсо), т. е. этнос в широком смысле, представляющий собой результат пересечения этнических и социальных подразделений [26, с. 27–29; см. также: 27; 28; 29].

Применительно к типологическому описанию КС более релевантно понятие этноса в значении эсо, хотя в некоторых специфических случаях необходимо обращение к этникосу. Во всех случаях, однако, мы употребляем термин «этнос». В этом нет противоречия, если принять поправку К. В. Чистова к определению этноса, согласно которой этнос – объективно социальная единица, но субъективно осознаваемая его членами как внесоциальная общность, в которой экономические, социальные, религиозные, политические и т. п. связи осознаются как связи по родству, по происхождению [42, с. 73]. В системе понятий Ю. В. Бромлея это замечание следует отнести к понятию этникоса; впрочем, сам Бромлей подчеркивает, что, «хотя как в обыденном сознании, так и в теоретических построениях собственно этнические свойства отчленяются от остальных социальных явлений, в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов самых различных уровней (от семьи до государства)» [26, с. 51].

В некоторых случаях может использоваться термин «этническая группа», который следует понимать не как «совокупность этносов», а как «часть этноса». Потребность в таком термине возникает в тех случаях, когда некоторый этнос расщеплен на несколько локальных разновидностей, сохраняющих большую или меньшую самостоятельность, но сочетающих локальное самоощущение с осознанием своей более широкой этнической принадлежности. Ярким примером в этом отношении может служить этнос бамилеке в Камеруне, представленный множеством мелких и крупных княжеств, часто с весьма существенными диалектными различиями. Если в родной среде они определяют

свою этническую принадлежность по локальным признакам (бангангте, бафусам и т.п.), то, попадая, например, в чужую среду городов Дуала или Яунде, они все превращаются в бамилеке. Аналогичный, хотя и более сложный, случай — этнос фульбе, который расколот на ряд самостоятельных групп, разделенных значительными расстояниями и по существу сформировавших новые субэтноты, с различиями в культуре и языке (подробнее см. в гл. V).

В лингвистическом плане с категорией этноса соотносится категория языка; крупным этническим группам, географически разобщенным, соответствует категория диалекта; в случае же небольших этнических групп, образующих этноконтинуум, можно оперировать понятием говора. Эти разграничения носят, впрочем, относительный характер, и количественный критерий («крупные — мелкие») не является решающим. Небольшая часть этноса может оказаться в таких условиях, что выработает особый диалект, и лингвистике известны примеры такого рода в различных точках земного шара. В рамках этноязыкового континуума, охватывающего множество этнических групп, возникает нередко весьма парадоксальная ситуация, когда двум удаленным друг от друга этноязыковым центрам должны быть приписаны диалектные различия (ввиду существенности расхождений между языковыми системами), но одновременно невозможно провести четкой и лингвистически объективной границы между двумя диалектами в сплошной полосе говоров. Х. П. Рона исследовал такие случаи и предложил остроумный критерий «языкового идеала», на который ориентируются носители говоров, когда хотят говорить «грамотно» [17, с. 16-17]. Дело, однако, в том, что в примере Роны крайними точками были испанский и португальский языки, имеющие реальный идеал в виде литературного языка. А как быть с этноязыковым континуумом типа бамилеке? По мнению Роны, в роли опорных «идеалов» могут выступать и «региональные стандарты», но ведь и они далеко не всегда имеются в наличии. По-видимому, в таких ситуациях остается апеллировать к мнению самих говорящих относительно степени близости их говора к тому или иному «контрольному» идиому, что может выразиться лишь в весьма расплывчатой категории взаимопонятности. Точных диалектных границ мы при этом не получим и должны будем удовольствоваться «переходной зоной говоров».

Все эти особенности, связанные с пространственным размещением этносов и идиомов, имеют существенное влияние на КмС и должны учитываться в описании соответствующих ситуаций. Столь же существенны и процессы, ведущие к изменению этноязыковой ситуации. Хотя применительно к странам Африки южнее Сахары еще нельзя говорить об обществе в европейском смысле этого термина (т. е. о такой организации людей, когда социально-классовые связи превалируют над этническими), мы являемся свидетелями сдвигов, которые приведут к созданию нации как надэтнического социального образования. Большая роль на этом пути развития принадлежит процессам консолидации и интеграции этносов, которые соответственно понимаются здесь как стирание граней между компонентами одного этноса с его последующей социализацией и как слияние нескольких этносов в новую супраэтническую общность, которая, расширяясь, постепенно охватывает все население страны.

С социолингвистической точки зрения эти процессы интересны тем, что этническая консолидация влечет за собой конвергенцию локальных идиомов, тем самым создавая базу для унификации этнического языка и последующего развития единого литературного стандарта, а этническая интеграция сопровождается языковой интерференцией и созданием особых идиомов, служащих в качестве общих надэтнических средств общения с широким функциональным диапазоном, т. е. койне. Почва для развития койне может быть подготовлена существованием определенных средств межэтнического общения с ограниченной сферой использования, т. е. лингва франка. В функции последних могут использоваться идиомы линг-

вистически различного рода – один из местных языков (диалектов), его пиджинизированная разновидность, европейский язык или, наконец, выросший на его основе пиджин.

Указанные этноязыковые процессы естественно зарождаются в пределах коммуникативных сред, становясь одновременно их яркими отличительными признаками, по которым КС могут противопоставляться и идентифицироваться. Принимая все более широкие формы, эти процессы способны перехлестывать через границы данной КС, распространяясь на соседние КС, что может привести к переструктурированию исходной КС или смыканию ее с другой. Этот этап изменения прежних границ КС, как правило, бывает отмечен зарождением и последующим развитием института переводчиков. Расширение сфер общения через переводчиков, сопровождаемое упрочением и развитием других (экономических, политических, культурных) связей между исходными средами, может привести к возникновению устойчивого двуязычия у определенной части населения. Таким образом, появление института переводчиков служит сигналом изменения границ и структуры КС. Если новые границы КС не утвердятся, институт переводчиков в скором времени утратит свою значимость, не оставив заметного следа в коммуникативной ситуации КС. Если же вновь возникшая КС сохранится, указанный институт, вначале расширяясь, может перерасти себя и также сократить свои полномочия, однако последствием этого будет широкое распространение билингвизма. Следует заметить, что модификации КС, подобные только что описанным, обусловлены различными причинами помимо чисто этнических. КС – не умозрительное построение, а реально существующая общность людей, поэтому на коммуникативную ситуацию КС влияют так или иначе все факторы объективной действительности, которые мы объединяем под общим названием внешних и о которых речь пойдет ниже.

§ 3. ПУТИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ КС

Обсуждая различные опыты социолингвистической типологии и отдавая предпочтение профильной типологии Фергюсона, Б. Джонсон справедливо говорит о важности того, чтобы избираемые признаки типологизации были эксплицитными и эмпирическими [10, с. 162]. Одновременно он не без оснований сетует на то, что даже в лучшей из существующих моделей социолингвистической типологии, каковой он считает фергюсоновскую, возможна потеря существенных для понимания ситуации данных вследствие стремления дихотомизировать (или трихотомизировать) в виде скалярных свойств те факты, которые объективно являются континуумными (например, относительная численность носителей тех или иных идиомов или относительная генетическая и структурная близость рассматриваемых языковых образований). В предлагаемой нами типологии делается попытка учесть по возможности все характеристики, существенность которых для макросоциолингвистики может быть как очевидной, так и неочевидной, и первым шагом на этом пути был отказ от административно-территориальных и социологических единиц в пользу коммуникативной среды как основного и первичного объекта типологизации.

Социолингвистическая идентификация различных КС осуществляется по их социолингвистическим состояниям, представляющим собой, так сказать, парадигматику КС, а поскольку СЛС есть комбинация ситуаций, то именно ситуация как парадигматический компонент общего состояния КС составляет собственный объект типологического изучения КС. Идея разграничения понятий состояния и ситуации сформулирована Г. В. Степановым [41, с. 30-31], однако под другим углом зрения: в его системе данные понятия связаны с социолингвистической характеристикой языка как основного объекта типологизации. Но если понятие СЛС никак не пересекается с понятием языкового состояния

Г. В. Степанова, то в понимании ситуации имеются общие моменты. В частности, сего определением языковой ситуации как «отношения языка к другим языкам, проявляющегося в различных формах пространственных и социальных взаимодействий», сходно наше понимание коммуникативной ситуации.

Ситуация задается комплексом различительных признаков, представляющих собой значения типологических параметров, которые для различных ситуаций различны, но в целом образуют симметричные наборы, включающие три группы параметров: 1) количественные, 2) качественные, 3) оценочные. Последние связаны с субъективной оценкой (ценностной ориентацией), которая является важной характеристикой ситуации [ср.: 41, с. 188]. Оценочный параметр (степень престижности) применим ко всем трем ситуациям, меняется лишь предмет оценки (этнос, язык *per se*, язык как коммуникативное средство – идиом). Типологическая и одновременно онтологическая значимость последнего параметра подтверждается возможностью прямых корреляций между значениями этого параметра и внутренней структурой языка. Так, история испанского языка в Латинской Америке свидетельствует о весьма заметном субстратном влиянии на него местных языков, но замечательно при этом то, что «явление субстрата проявляется в тех районах, где индейцы занимали высокое социальное положение (главным образом в Парагвае) и где индейский акцент не служил символом низшего класса, тогда как в странах, где индейцы составляли низший и презираемый слой населения (например, в Перу), испанский язык не был затронут индейским влиянием» [13, с. 32].

В колониальной Африке языки метрополии всегда находились в привилегированном положении, поскольку процветавший здесь институт работорговли с самого начала исключил возможность социального равенства местного и европейского населения. В дальнейшем, после запрещения работорговли, ситуация не претерпела крупных изменений, и социальные дистанции между белыми и черными оставались достаточно значительными, чтобы сделать влияние местных языков на европейские минимальными. Это выразилось, между прочим, в широком развитии пиджинов, которые с социолингвистической точки зрения можно рассматривать как явление «антисубстрата», т. е. сознательное взаимное избегание (или невозможность) пользоваться языком партнера по общению.

Подробному описанию параметров, на которых базируется социолингвистическая типология КС, посвящена следующая глава настоящей работы. Кроме параметров, однако, в предлагаемой модели важную роль играют внешние факторы. Необходимо заметить, что разграничение параметров и факторов в значительной мере условно. Оно продиктовано лишь задачами социолингвистического исследования, как они нами понимаются, а именно описания вербального коммуникативного аспекта жизни общества. Категория внешних факторов трактуется здесь широко, с включением в нее экономических, политических, исторических, социологических, культурных моментов. В принципе можно было бы выделить в составе СЛС все соответствующие этим факторам ситуации, однако исследование последних превышает компетенцию социолингвистики и по существу не является необходимым. Точно так же как не все свойства ЭтС, которые описал бы этнолог, существенны для понимания КмС, не все свойства возможных перечисленных ситуаций имеют непосредственную связь с ее особенностями. Поэтому в модели учитываются лишь наиболее существенные из этих свойств, которые при оптимальном описании всех без исключения ситуаций также фигурировали бы в качестве значений параметров. Таким образом, мы учитываем некоторые конкретные значения внешних параметров, влияющих на характер КмС, и называем их факторами.

Внешние факторы в совокупности образуют экосистему КС, взаимодействующую с ее внутренней системой. Понятие экологии в лингвистическом контексте было впервые употреблено Э. Хаугеном: «Языковая экология может быть определена как изучение вза-

имодействий между данным языком и его средой... Подлинной средой языка является общество, использующее его как один из своих кодов» [Наидеп 1972, 325]. Перечень проблем, относимых Хаугеном к эколингвистическим, включает такие рубрики, как социолингвистическая, этнолингвистическая, психолингвистическая, диалектологическая и др., из чего можно понять, что в корреляции «язык – экология» язык трактуется как код, т. е. структурно-семиотическая сущность, по отношению к которой все внеструктурные факторы должны определяться как внешние (экологические). Такая точка зрения восходит к структуралистскому пониманию соотношения внутренних и внешних факторов, влияющих на «работу» и эволюцию механизма языка как имманентного образования. Ясно, что при такой точке зрения коммуникативные характеристики языка попадают в класс внешних факторов.

Однако язык может и должен изучаться не только как чисто структурная, но и как функциональная сущность, и в этом случае проблема разграничения внутренних и внешних факторов предстает в ином ракурсе. Если по отношению к языку как *langue* его коммуникативные характеристики выступают в качестве внешних, то по отношению к языку как *langage* они, безусловно, являются внутренними, в связи с чем целесообразно в сфере внутренних характеристик (факторов) различать внутривидовые (аспект *langue*) и внутриязыковые (аспект *langage*) и соответственно в сфере внешних — внеструктурные и внеязыковые [см. подробнее: 30]. Таким образом, вместо жесткого структуралистского деления факторов на внутренние и внешние мы получаем более гибкую трехступенчатую градацию «внутривидовые – внутриязыковые – внешние», в которой средний член трихотомии является амбивалентным (т. е. определяется либо как внешний, либо как внутренний) по отношению к собственно «внутренним» (левый член) и собственно «внешним» (правый член). Если, в соответствии со структурой СПС коммуникативной среды, обозначим посредством α некоторый комплекс коммуникативных характеристик, β – комплекс этнических характеристик и γ – собственно внешние факторы, то отношение между ними и структурой языка (*L*) представляется как однонаправленное влияние (рис. 2), причем все три группы факторов размещаются по существу в одной плоскости.

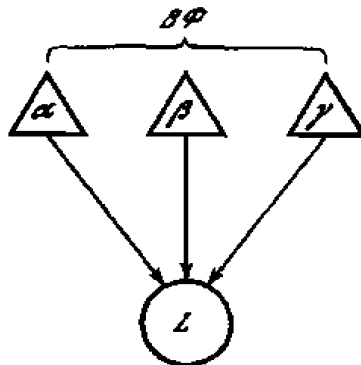

Рис. 2

Примером воздействия $\alpha \rightarrow L$ может служить эффект пиджинизации языка, обусловленной расширением его коммуникативного спектра, т. е. использование его в качестве средства межэтнического общения носителями других идиомов; именно таков путь формирования множества автохтонных для Африки пиджинов и пиджинизированных идиомов,

возникших только на базе местных языков. Примером воздействия $\beta \rightarrow L$ служит субстрат как языковое последствие этнического смешения и ассимиляции; поскольку появление в языке субстрата обычно предполагает некоторый предшествующий период двуязычия, то в этом явлении помимо основного каузального момента $\beta \rightarrow L$ присутствует также момент $\alpha \rightarrow L$. Наконец, примерами воздействия $\gamma \rightarrow L$ служат многочисленные случаи заимствований, происходящих в условиях тесных политико-экономических и культурных контактов между двумя государствами либо в условиях «метрополия – колония» (ср. проникновение арабизмов в языки банту). Сюда же относятся и факты всевозможных лексико-семантических инноваций, связанных с определенными социально-политическими взрывами в обществе, например появление у слова *égalité* нового социально-правового значения после Французской революции или введение в широкий обиход таких инноваций, как *fournie* ‘телега с людьми, приговоренными к гильотинированию’ (букв, ‘полная печь’) или *lanterne* ‘повесить на фонаре’, в связи с чем П. Лафарг иронизировал над элитарным пуризмом аббата Морелле, требовавшего исключения их из французского словаря [34, с. 26].

Но если указанные на рис. 2 соотношения рассмотреть в составе КС, их характер предстанет в значительно более сложном виде, поскольку указанные комплексы характеристик принадлежат в структуре СЛС к разным парадигматическим рангам (компонентам), связанным отношениями взаимного влияния при наличии определенной иерархии между ними (рис. 3). При этом отношения $\alpha \rightarrow L$ и $\beta \rightarrow L$ становятся внутренними дистинкциями (параметрами) конкретной КС, а тем самым и типологическими признаками социолингвистической таксономии. Что же касается отношения $\gamma \rightarrow L$, то оно оказывается частным случаем влияния внешних для КС факторов на ЯзС (ВФ ЯзС) наряду с двумя другими видами влияния (ВФ ЭтС, ВФ КМС), из которых для выявления специфики КС особенно важно отношение ВФ КМС.

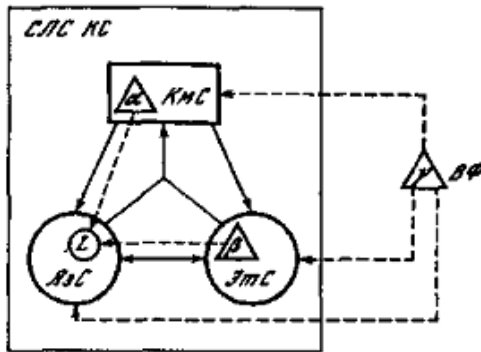

Рис. 3

Внешние факторы СЛС различны по своей природе и по-разному воздействуют на коммуникативную ситуацию – либо непосредственно, либо через посредство ЭтС и ЯзС. Так, консолидация этноса может быть вызвана какими-то экономическими (ЭкФ) или политическими факторами: ЭкФ $\rightarrow$ ЭтС (стрелка указывает направление влияния); в свою очередь процесс консолидации этноса вызывает тенденцию к унификации языка, что является фактом языковой ситуации: ЭтС $\rightarrow$ ЯзС, а процесс унификации языка может завершиться его полной койнезацией, и это уже черта коммуникативной ситуации: ЯзС $\rightarrow$ КМС. В действительности же процесс влияний и взаимовлияний между компонентами и факторами СЛС нередко образует более запутанную сеть отношений, не всегда доступную расчленению на

последовательность импликационных диад. Поскольку каждая КС – это сложный организм, живущий в определенном природном окружении, географические и климатические условия также оказывают воздействие на складывание той или иной КМС; значение этого фактора было отмечено Ю. Д. Дешериевым [33, с. 60]. Д. Р. Смок, описывая языковую ситуацию в Гане, ссылается на противопоставление юга и севера, которое маркировано экономическими, культурными и языковыми различиями [18]. Любопытно, что данное противопоставление (которое точнее было бы назвать «побережье – хинтерланд») выразимо в четких географических терминах и может быть отмечено практически во всех странах Западной Африки. Оно действительно имеет разнообразные формы, от экономических до культурных, и в том числе социалингвистические, что находит отражение в предлагаемой модели как противопоставление типологически укрупненных единиц – социалингвистических зон.

* Настоящая работа представляет собой часть коллективной монографии «Социалингвистическая типология», и автор в процессе работы над данным разделом обсуждал его содержание с В. Я. Порхомовским и А. И. Коваль. Понятие коммуникативной среды было сформулировано именно в ходе одного из таких обсуждений.

¹ Следует отметить, что несовпадение этнолингвистических и политических границ, столь очевидное в Западной Африке, наблюдается в различных частях земного шара, в связи с этим можно напомнить замечание А. Пальяро и В. Беларди о том что, например, «Европа с лингвистической и Европа с политической точек зрения совпадают лишь частично» [16, с. 227].

² Весьма близким к обсуждаемому понятием коллектива в лингвистическом контексте пользовался еще в 1929 г. Е. Д. Поливанов, говоря о необходимости изучать эволюцию языка в связи с эволюцией коллектива, причем в связи не только с его культурными характеристиками, но и «с кооперативной деятельностью этого коллектива, обуславливающей как экстенсивность [притом и в территориальном и социально-групповом направлениях], так и интенсивность языкового общения как для всего данного коллектива, так и для группировок внутри него» [39, с. 177]. Обращает на себя внимание акцентирование коммуникативной характеристики коллектива, что делает эту социологическую единицу лингвистически значимой.

³ Компоненты КС, взятые сами по себе, изучаются, как было сказано, специальными частными науками. Например, языковой компонент составляет объект изучения в «чистой» лингвистике и диалектологии.

Необходимо различать явления субстрата и интерференции, если субстрат возникает лишь в определенных условиях и предполагает этническое смешение и языковую ассимиляцию одного народа другим, то интерференция имеет место во всех случаях конфронтации двух или более языков. То, что мы наблюдаем в Африке и что обычно называют, например, африканской разновидностью английского языка, относится к области интерференции [ср.: Ktíma et al. 1976, 48 и след.]. Поэтому нельзя говорить об африканизации европейских языков в том же смысле, в каком говорят об американизации испанского языка [ср.: 15].

Источники и литература

1. Bascom W. Urbanization among Yoruba / W. Bascom // *American Journal of Sociology*. – 1955. – V. 60. – № 5. – P. 446–454.
2. Benedict R. *Patterns of culture* / R. Benedict. – London, 1961. – 260 p.
3. Ferguson C. A. National sociolinguistic profile formulas / C. A. Ferguson // *Ferguson C. A. Language change and language use*. – Stanford, 1971. – 178 p.

4. Fishman J. A. Varieties of ethnicity and varieties of language consciousness / J. A. Fishman // Fishman J. A. Language in social change. – Stanford, 1972. – 274 p.
5. Gibbal J. M. Citadins et paysans dans la ville africaine. L'exemple d'Abidjan / J. M. Gibbal. – Paris, 1974. – 234 p.
6. Heine B. Lingua franca und Familie in Africa / B. Heine // Sociologus. – 1970. – Bd. 20. – P. 84–97.
7. Hance W. A. Population, migration and urbanization in Africa / W. A. Hance. – New York; London, 1970. – 185 p.
8. Hartung W. (Hrsg.) Sprachliche Kommunikation und Gesellschaft / W. Hartung. – Berlin, 1976.
9. Jakobson R. Selected writings / R. Jakobson // The Hague. – V. 1, 1971.
10. Johnson B. C. Issues in sociolinguistic typology / B. C. Johnson // View of language. Mufreesboro (Tenn.), 1975.
11. Kloss H. Notes concerning a language-nation typology / H. Kloss // Language problems of developing nations. – New York, 1968.
12. Magner T. F. The melting pot and language maintenance in South Slavic immigrant groups / T. F. Magner // General Linguistics. – 1976. – V. 16. – № 2-3.
13. Malmberg B. Les nouvelles tendances de la linguistique / B. Malmberg. – Paris, 1968.
14. Meiner H. The primitive city of Timbuctoo / H. Meiner. – Princeton, 1953.
15. Morse R. M. L'americanisation des langues dans le Nouveau Monde / R. M. Morse // Culture. – 1976. – V. 3. № 3.
16. Pagliaro A., Belardi W. Linee di storia linguistica dell'Europa / A. Pagliaro, W. Belardi. – Roma, 1963.
17. Rona J. P. The social dimension of dialectology / J. P. Rona // International Journal of the Social Dialectology. – 1976. – V. 9.
18. Smock D. R. Language police in Ghana / D. R. Smock // The search for national integration in Africa. – New York, 1976.
19. Tuden A., Plotnicov L. (Eds) Social stratification in Africa / A. Tuden, L. Plotnicov. – New York, 1970.
20. Voegelin C. F. and F. M. Languages of the world: native America fascicle one / C. F. and F. M. Voegelin // Anthropological Linguistics. – 1964. – V. 6. – № 6.
21. Wirth L. Urbanism as a way of life / L. Wirth // American Journal of Sociology. – 1938. – V. 64. – № 1.
22. Znaniecki F. Ludzie terazniejsze a cywilizacja przyszlosci / F. Znaniecki. – Warszawa, 1974.
23. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М., 1961. – 384 с.
24. Боглар Л. Индейцы Намбиквара – маргинальная группа в Бразилии / Л. Боглар // Сов. этнография. – 1972. – № 3.
25. Брозович Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод / Д. Брозович // ВЯ. – 1967. – № 7. – С. 3–33.
26. Бромлей Ю. В. К характеристике понятия «этнос» / Ю. В. Бромлей // Расы и народы. – Т. 1. – М., 1971. – С. 139–143.
27. Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей / Ю. В. Бромлей // Сов. этнография. – 1972. – № 5. – С. 61–81.
28. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии / Ю. В. Бромлей. – М., 1981. – 390 с.
29. Бромлей Ю. В. Этнос и этносоциальный организм / Ю. В. Бромлей // Вестн. АН СССР. – 1970. – № 8. – С. 48–54.
30. Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку / В. А. Виноградов. – М., 1982. – Вып. 2. – 64 с.

31. Гамперц Дж. Типы языковых обществ / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике. – Вып. 7. – М., 1975. – С. 182–198.
32. Генинг В. Ф. К вопросу о происхождению уральской этнической (языковой) общности / В. Ф. Генинг // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4. – С. 362–270.
33. Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе / Ю. Д. Дешериев. – М., 1966. – 327 с.
34. Лафарг П. Язык и революция / П. Лафарг. – М.; Л., 1930. – 98 с.
35. Миллз Т. М. О социологии малых групп / Т. М. Миллз // Американская социология. – М., 1972. – С. 20–59.
36. Община в Африке. Проблемы типологии. – М., 1978.
37. Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин / Д. А. Ольдерогге // Социальная организация народов Азии и Африки. – М., 1975.
38. Ольдерогге Д. А. О некоторых этнолингвистических проблемах Африки / Д. А. Ольдерогге // Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969.
39. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – М., 1968. – 376 с.
40. Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. – М., 1964.
41. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. – М., 1976. – 224 с.
42. Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры / К. В. Чистов // Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы. – М., 1977.
43. Швейцер А. Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер. – М., 1977. – 176 с.

И. В. Пустовойт

На перекрестке двух мировых языков: русские в США

Центробежные процессы на постсоветском пространстве неизбежно ведут к эрозии единых стандартов, как в самом языке, так и в отражаемой им языковой картине мира. Нормы языкового употребления, лексический состав, или даже определенные концепции значительно варьируются в пределах России, не говоря уже о русскоязычном пространстве мира. Парадоксальность тезиса Ф. де Соссюра о неизменяемости и изменяемости языкового знака [1] заставляет одних поставить под сомнение даже саму идею языковой политики, как следствия марксистского требования не только изучать мир, но и преобразовывать его, а других – просто признать, что, несмотря на все человеческие усилия, «язык ускользает от нашей воли» [2]. По сути дела, современная русистика до сих пор пытается преодолеть последствия тоталитарности советского общества, при котором языкознание видело свою задачу в политически предопределенной кодификации литературного языка, с четко ограниченными рамками дозволенного. «Текущим языком общества русистика, да, и пожалуй, и лингвистика в целом, никогда по-настоящему не занималась. Больше того, обращение к нему как предмету изучения может показаться не

вполне научным делом: ведь мы всегда изучали лучшие образцы, мы привыкли ориентироваться на метров языка, на авторитеты, и старались избегать “отрицательного” языкового материала» [3]. «Благонадежным» источником был литературный язык понимаемый преимущественно как язык литературы. В настоящее время стандарт задается прежде всего средствами массовой информации, да и само понятие литературы претерпело значительную трансформацию. Литературная норма соотносится уже не с определенными форматом создания литературных текстов, а с некоей абстракцией, существующей лишь в воображении теоретиков. Попытки объективного описания настоящего и прогнозирования будущего не должны основываться на элитарном подходе, при котором подавляющее большинство носителей языка не владеет нормами литературного языка, и лишь узкий круг специалистов определяет, в чем заключается языковой стандарт.

Более того, как отмечает З. Кёстер-Тома само различие между понятиями *стандарт* – *субстандарт* – *нонстандарт* не должно идти по дихотомической оси: правильно – неправильно [4]. Если определять субстандарт как языковые элементы, обладающие своими системами, которые проявляются на всех языковых уровнях, а нестандарт как языковые формации, не представляющие систему и распространенные преимущественно на лексико-фразеологическом уровне, различие между последними двумя весьма расплывчато. Диатопическая (глобально региональная – локально региональная) и диастратическая («высокий» и «низкий» ярус речевых явлений) классификации субстандарт, проведенные Радтке [5] также не в состоянии охватить весь спектр языкового варьирования.

Оценочность в анализе событий прошлого, особенно заметная в переходный период развития общества, способна существенно повлиять на определение языковых стандартов. Аппеляции к традиции, зафиксированной в словарях и грамматиках, не учитывают, что частью этой традиции была цензура и тоталитарный идеологический контроль над литературой, искусством и самим языком. С другой стороны, вместо того, чтобы воспринимать прошлое как данность, объективно оценивать нынешнее состояние дел и пытаться моделировать будущее, предпринимаются тенденциозные попытки ревизионизма и «исправления ошибок». В первую очередь это заметно на постсоветском пространстве, где русский язык напрямую ассоциируется с советским обществом, со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, сам вопрос о языковых стандартах приобретает политическую окраску. К примеру, понятие украинский русский может восприниматься и как посягательство на «великий и могучий», и как угроза самостоятельности со стороны великодержавных шовинистов, в зависимости от политической позиции оппонентов. Американский русский также воспринимается как святотатство, с той разницей, что русскоязычное население США трудно упрекнуть в симпатиях к советской системе.

Есть смысл обратиться к опыту других мировых языков, в частности английского, как наиболее распространенного языка на планете. Несомненно, история русскоязычного мира отличается от истории англоязычного, поэтому следует сфокусировать свое внимание лишь на релевантных особенностях и тенденциях развития последнего.

Большое значение имеет разграничение понятий *мировой английский* (World English) и *английские языки мира* (World Englishes).

Мировой (международный, общий) *английский* относится не столько к конкретному варианту английского, принятому за стандарт, будь то британский, американский, или южноафриканский, а скорее к концепции английского как глобального средства общения. Данная концепция включает не только «легитимные» стандартизированные варианты, но фактически все варианты английского, которые развиваются во всем мире, зачастую независимо друг от друга. Предпринимаемые попытки унификации и выработки понятия единого *стандартного английского* служат скорее языковым снобам, чем практикам. Английский и американский варианты равноправны и признаны во всем мире (при этом

большинство англоговорящего населения проживает в Индии). Если в самой Англии и в Европе доминирует британский вариант английского, то в англоязычной Канаде и Карибском бассейне, несмотря на исторические связи с Англией, более существенной оказывается географическая и экономическая близость к США.

Даже в самих Соединенных Штатах нет единства. К примеру, сторонники мультикультурализма ратуют за признание языка афроамериканцев в качестве равноправного языка. Данное движение возникло преимущественно в либеральной университетской среде как ответная реакция на тезис, что язык афроамериканцев – не более, чем испорченный вариант «нормального американского английского». Хотя оба используемых в настоящее время термина выделяют разговорный характер диалекта: *ebonics* (от англ. *ebony* «черный» и *phonics* «фоника»), понимаемая в данном случае как метод обучения английскому написанию), равно как и AAVE (*African American Vernacular English* «афроамериканский разговорный английский»), использование эбоникс в литературе и искусстве выходит за рамки простой речевой характеристики героев. Помимо лексических и фонетических особенностей, эбоникс обладает значительными грамматическими и синтаксическими отличиями. Фактически, значительное число афроамериканцев существует в условиях диглоссии. Глобальный феномен рэп-музыки в последние десятилетия немало способствовал популяризации данного варианта английского, хотя вопрос поднимался и ранее. Большой резонанс вызвало в 1979 году решение суда в Анн Арбор, штат Мичиган о необходимости «приспособить школьную систему к обучению детей на их диалекте, а не наоборот», с последовавшим созданием двуязычных учебных пособий, включающих эбоникс. В 1996 году школьный совет Окленда, штат Калифорния уравнял эбоникс в правах с английским. Несмотря на эти прецеденты, легализация эбоникс встречает ожесточенную критику как со стороны традиционных «белых» лингвистов и политиков, так и со стороны афроамериканских активистов. Применительно к постсоветскому пространству данные примеры могут служить проверкой декларируемых демократических ценностей. К примеру, в настоящее время трудно представить, что суржик в Украине, даже при наличии соответствующих академических исследований, сможет реально рассматриваться и использоваться в педагогических целях. Между тем, суржик уже давно стал реальностью, отраженной в литературе и искусстве, и регулярно используется в повседневном общении значительным числом жителей Украины, для которых и литературный украинский, и литературный русский являются не более, чем абстракцией.

Однако, даже если суржик будет кодифицирован и признан легитимным языком, вряд ли стоит рассматривать это как проявление общей закономерности развития человеческих языков. Попытки развить концепцию *глобального суржика* [6] как пути к воссозданию существовавшего в доисторические времена общечеловеческого языка представляются наивными, поскольку принятая в отдельных религиях концепция цикличности неприменима к человеческим языкам. Даже приняв на веру библейскую легенду о изначальном едином человеческом языке, вряд ли стоит рассчитывать на то, что человечество вернется к единому языку естественным путем. Язык подобен любому живому организму, который можно разобрать на составляющие, но невозможно собрать в прежнем виде.

Вторая ключевая концепция т. н. *мирового английского* включает не только носителей языка, но всех, кто в той или иной мере пользуется данным языком. К примеру, английский используется молодыми скандинавами как *lingua franca*, хотя старшие поколения датчан, норвежцев и шведов в состоянии понимать друг друга без проблем [7]. Это может быть связано с изменениями, происходящими в каждом из перечисленных языков, с возросшим социальным престижем английского, или, что наиболее вероятно, со стремлением найти нейтральный способ общения.

Нейтральность мирового английского [8] привлекает издателей и журналистов, поскольку снимает необходимость адаптации публикуемых материалов для различных регионов. В академических кругах английский также тяготеет к нейтральности и стремится к формальной передаче информации, сводя креативность в языке к минимуму. Эти же критерии привлекают учителей английского, уставших следовать за последними трендами. Сходно с упомянутой модой на рэп, ошеломительный успех the Beatles в 60-е годы привлек многих молодых людей в мире к изучению английского, однако при этом все они хотели говорить на ливерпульском диалекте. Глобальное распространение рок-культуры, во многом ориентированной на язык социальных низов с их пренебрежением к академическим грамматикам, неизбежно оказывает влияние на изучающих язык, и осложняет работу преподавателей. Легендарная фраза «нам не нужен их английский, нам нужен наш английский», цитируемая студентами романо-германских факультетов в советское время, отражает именно это стремление педагогов к нейтральности языка, а также тенденцию к переходу на «местный материал». Необходимо признать, что дифирамбы коммунистической партии СССР на английском языке неизбежно вызывают когнитивный диссонанс, однако подобные анекдоты лишь иллюстрируют глобальную тенденцию. Рассмотрением сходных ситуаций занимается *теория присвоения* (appropriation theory) Д. Шпихтингера [9], согласно которой английский перестает напрямую ассоциироваться с западной культурой и используется по всему миру в местных целях, нередко далеких от западных ценностей. Во время недавней серии революций в арабском мире, программы новостей неоднократно показывали, как участники демонстраций протеста несут плакаты на английском языке. Таким образом, стремление быть услышанными в мире оказывалось сильнее антиамериканских настроений. Однако, для подавляющего большинства исследователей понятие мирового английского неотделимо от понятия *империализма*, будь то *колониализм* викторианской Англии, или американский *культурный империализм* XX века [10].

Сама метафора *культурный империализм* неизбежно несет негативные коннотации и присуща скорее инвективам, чем академическому дискурсу. Понимаемый как доминирование одной культуры над другой за счет экономического или технологического превосходства, культурный империализм может рассматриваться как целенаправленная политика государств, нацеленных на экспансию, но, в то же время, может означать добровольное принятие норм и ценностей другой культуры. Если электронный империализм международных корпораций представляет собой реальную экономическую угрозу, то консюмеризм вряд ли стоит считать внешним фактором, не присущим тому или иному народу. Если англоязычные новости представляют определенную политическую позицию, то диснеевская продукция, со своей образцовой политкорректностью, как правило несет общечеловеческие ценности и чаяния. Понятия свободы и демократии экспортируются так же, как чизбургер и кока-кола, и могут быть не только навязаны, но и приняты добровольно.

Так, распространенное восприятие русского языка как формы культурного империализма во многом препятствует его утверждению как полноправного средства общения на постсоветском пространстве. В то же время английский язык воспринимается как ключ к успеху, а не как орудие культурного империализма. Каждое из подобных влияний может рассматриваться не только как угроза, но и как способ обогащения культурной идентичности исконного народа.

Применительно к понятию *русский язык*, сам факт использования формы множественного числа на данном этапе будет восприниматься как угроза. Однако задача исследователя в том и состоит, чтобы объективно оценивать возможные варианты развития, а не выдавать желаемое за действительное. Понятие *английские языки мира*, введенное в научный обиход в семидесятые годы XX века, несколько уже, чем понятие *мировой английский* и охватывает в первую очередь те 75 территорий, где английский используется

как первый язык, или как законодательно закрепленный второй язык в сферах правительства, законодательства и образования. Предложенная Б. Качру концентрическая модель распределяет все относящиеся территории к одному из трех кругов. *Внутренний круг* составляют страны первой диаспоры традиционно использующие английский как основной язык: Англия, США, Австралия, Новая Зеландия, и т. д. *Внешний круг* составляют страны второй диаспоры, где английский распространился в результате колонизации: Индия, Нигерия, Филиппины, Пакистан, Малайзия, и т. д. Третий, *расходящийся круг* включает страны, где английский не имеет исторической или управленческой роли, но, тем не менее широко используется для международного общения: Россия, Китай, Египет, Индонезия, большая часть Европы и т. д. Очевидно, что связь между внутренним и внешним кругами намного теснее, чем с расходящимся кругом, и ряд исследователей не включают случаи подобного функционирования в парадигму мировых английских языков.

В противовес концентрической модели Качру, основыванной в первую очередь на географических и исторических критериях, динамическая теория постколониальных английских языков Шнайдера [11] принимает во внимание социолингвистические условия и связанные с ними акты самоидентификации [12]. Однако, как и в случае модели Качру, существует огромный разрыв между странами, где английский установился в качестве принципиального средства общения, и странами, где английский не достиг стадии нормативной стабилизации. Обе теории ориентированы в первую очередь на колониализм в традиционном понимании и не принимают во внимание тот факт, что в современных условиях возникающие англоязычные социальные группы не всегда испытывают прямое влияние стран-источников языка. Исходные английские слова превращаются в глобально распространенные термины, понимание которых не зависит от того, владеет человек английским или нет, и значение фразы «оффшорный аутсорсинг колл-центров» американцам понять немногим легче, чем русским. Один из основополагающих принципов теории Шнайдера это то, что варианты языка, возникшие в результате естественного отбора из доступных лингвистических средств, являются признаком языковой эволюции, а не дегенерации языка.

Несмотря на терминологические различия, обе модели вполне применимы к русско-му языку, где бывшие советские республики распределяются по внутреннему и внешнему кругу в зависимости от законодательно закрепленного статуса русского языка, а расходящийся круг составляют, помимо бывших стран соцлагеря, также страны входившие в круг интересов Советского Союза, и страны в которые шла значительная русскоязычная эмиграция.

Поскольку США являются одной из наиболее активных «принимающих сторон» для русскоязычных эмигрантов, необходимо в первую очередь указать на тот факт, что волнообразный и этнически-религиозно разнородный характер эмиграции не позволяет представить развитие русского языка в США в виде континуума. Немногочисленные ранние переселенцы растворились в общей массе европейских эмигрантов. Колонизация Аляски XVIII-XIX веков завершилась продажей территории в 1867 году, после чего большинство русских вернулись домой, оставив после себя несколько топонимов и православную веру, в которую обратились многие местные жители.

Эмиграция по религиозным мотивам стала одним из ведущих мотивов в начале XX века. Долгая история преследований староверов привела к их эмиграции и формированию коммун по всему миру, включая США. Староверы, воспринимая себя прежде всего как религиозную группу, тем не менее, поддерживают язык и стремятся передать его следующим поколениям. Отчасти этому способствовала продолжительность их эмиграции, в отличие от других религиозных групп, переселившихся волнообразно, в сжатые сроки. Так, эмиграция духовоборов в Канаду и США, начавшаяся в 1897 году, привела к созданию нескольких колоний, однако внутренние распри, провоцируемые группами единоличников и свободников, а также

экстремистские методы последних привели к конфликтам с властями, к последовавшей насильственной ассимиляции, и к распаду коммун. Сохранив русские духовные песнопения, духовборы в большинстве своем утратили живой русский язык. Как и старoverы, современные потомки духовоборов идентифицируют себя преимущественно в рамках вероисповедания. В то же время молокане, эмигрировавшие в США и Канаду в начале XX века, и также проживающие коммунално, считают себя отдельной этнической группой.

В то время, как одни исследователи считают всю эмиграцию начала XX века единой «первой волной», другие различают до- и послереволюционную волны. Это различие особенно заметно при анализе этнического состава эмиграции. С 1881 по 1914 из более чем 3,2 миллионов эмигрантов из Российской империи примерно половину составляли евреи. Для многих из них «русскость» вскоре перестала быть частью их самоидентификации. В то же время, хотя из-за ограничений на выезд в общей массе эмигрантов этнические русские насчитывали лишь 65 тысяч, многие представители других народов России впоследствии стали идентифицировать себя как русские. Так, из 225 тысяч карпатских русинов, переместившихся в США из Галиции до Первой Мировой войны, почти половина приняла православие, и до сих пор их потомки называют себя русскими американцами [13].

Доля этнических русских среди двух миллионов человек, покинувших Россию после революции была значительно выше. Отличался и социальный состав этой волны. На смену изолированным экономическим эмигрантам и религиозным сектам, состоявшим преимущественно из крестьян, пришли образованные люди, аристократы, и представители «официального» православия. Хотя США изначально не были приоритетным пунктом назначения, к 30 тысячам русских, прибывшим в страну после революции, впоследствии присоединились еще около 14 тысяч, бежавших из Европы от фашизма, и из Китая от японской интервенции. Поддержание культуры и языка стало для этой группы эмигрантов одним из приоритетов, поскольку многие надеялись вернуться в Россию после падения советского режима. Православные церкви стали играть роль очагов русской культуры, а церковные воскресные школы способствовали сохранению русского языка. Таким образом, следующая, послевоенная волна эмиграции прибыла не на пустое место. Однако, из 50 тысяч человек, прибывших в США с оккупированных территорий Восточной Европы, русские составляли лишь небольшой процент: в основном это были представители белой эмиграции, осевшие в Восточной Европе после революции. Именно в этот период четко обозначились национальные различия внутри «русской» эмиграции. Для восточноевропейских народов *русский* стал синонимом оккупантского советского режима. Одни боролись с этим режимом, другие боялись, что им придется разделить участь тех двух миллионов перемещенных советских граждан, которых союзники отправили обратно в СССР, где они подверглись репрессиям. В отличие от русских белоэмигрантов, восточноевропейцы представляли собой преимущественно рабочих и крестьян. К тому же, начало холодной войны и маккартизма в США заставило многих русских скрывать свою идентичность и дистанцироваться от русскоязычных коммун. По сравнению с другими организациями русскоязычной диаспоры православные церкви оказались в предпочтительном положении, что и позволило им остаться очагами русской культуры. При этом не следует считать, что принцип свободы вероисповедания в США всегда воспринимался как нечто незыблемое: достаточно вспомнить судьбу первого и единственного президента-католика Джона Кеннеди.

Эмиграция из СССР в США возобновилась в 70-е годы прошлого века, после законодательной перепалки, когда в ответ на Указ о возмещении государственных затрат на обучение гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, США приняли поправку Джексона-Вэника к Федеральному закону о торговле, ограничивающую торговлю со странами, препятствующими эмиграции своих граждан. Эта волна была представлена прежде всего евреями, и отчасти армянами, однако коренным образом отлича-

лась от еврейской эмиграции начала двадцатого века. Во-первых данное поколение в плане языка и культуры было значительно «русифицировано», а во-вторых, дискурс этого поколения диктовался наднациональной диссидентской культурой. Это облегчало задачу дискредитации данного движения и для советских идеологов, и для пришедших им на смену национал-шовинистов. После перестройки и развала СССР этнический состав эмиграции значительно расширился, однако еврейский вопрос продолжает фигурировать в полемике.

Фактически с четвертой волны эмиграции начинается новая ступень в истории русского языка в Америке: эта волна отражает наднациональную формацию, которая лишь отчасти соответствует тому, что кремлевские идеологи обозначили как новую историческую общность – советский народ. Однако объединяла данную группу не коммунистическая идеология, а русский язык и культура. Здесь необходимо сделать несколько важных разграничений.

А. Зиновьев, введший понятие *гомо советикус* [14], определяет данный феномен как результат целенаправленной образовательной программы коммунистов при помощи системы средств *советского языка*. Последний был детально рассмотрен в книге Б. Сарнова *Наши советский новояз* [15]. Фактически советский язык являлся одним из вариантов русского языка, наряду с русскими языками советских республик и русскими языками зарубежья.

Таким образом, было бы сильным упрощением напрямую связывать советский язык как инструмент идеологической обработки масс, с советским народом – теми, кто жил в стране в период советского режима. Определенная часть населения, безусловно, принадлежала к гомо советикус и пользовалась своим вариантом русского языка, зачастую столь же малопонятным, как национальные варианты русского. Однако, невозможно отрицать наличие наднациональной русскоязычной культуры и интеллигенции, развившейся во многом благодаря русскому языку и вне привязанности к изначальным данностям, таким как пол, возраст, нация, место рождения, и т. п. Д. Быков [16] пишет: «Перестройка свелась к распаду СССР, разрыву культурных связей и уничтожению единственно ценного, что в этой империи было – ее наднациональной, сильной и талантливой интеллигенции, ее могучей и разветвленной культуры». Именно эту наднациональную культуру и взяли с собой эмигранты последней волны. Это объясняет двойственность самоидентификации эмигрантов, где русский компонент присутствует вне зависимости от национального, а советский отсутствует напрочь. В качестве подтверждения можно привести такой пример: во время последних президентских выборов в США агитаторы-республиканцы распространяли по электронной почте написанное по-русски стихотворение, обвинявшее Барака Обаму в стремлении устроить в США социализм, как в бывшем Советском Союзе.

Дихотомия *русский-российский* стала использоваться сравнительно недавно [17] и до сих пор с большим трудом входит в общественный дискурс. Так, англоязычная страница Интернет-энциклопедии Wikipedia определяет русскую диаспору как «глобальную коммуну этнических русских» [18]. При переходе на русскоязычную версию обнаруживается, что соответствующая статья называется уже «Российская диаспора» и определяет данную группу как «выходцы из России и Союза ССР, а также их прямые потомки, не являющиеся гражданами РФ и признающие свою духовную или культурно-этническую связь с РФ или любым из её субъектов». Т. о., понятие «российский» применяется к тем, кто гражданами РФ не является, и сам термин превращается в оксюморон. Ни внешние символы нации, ни общность понимания истории, ни другие официальные параметры национального самосознания не являются ключевыми компонентами идентичности для русских за рубежом. Да и такие точки соприкосновения, как язык, СМИ, кухня и даже кровные связи не могут считаться обязательными в данном случае. Остается лишь самое общее понимание принадлежности к культуре, и попытки вывести некий обязательный культурный минимум обречены на провал.

Мартин и Накайама [19] рассматривают три основных подхода к определению идентичности: *социопсихологический*, имеющий в своей основе собственное «я» (self), коммуни-

кативный, основанный на общении с другими индивидами, и критический, стремящийся выявить закономерности формирования идентичности на основе исторического, политического, экономического и дискурсного контекстов. Во многих случаях самоутверждение собственного “я” вступает в конфликт с мнением окружающих, соотносением с определенными группами, и тем более, с выведенными закономерностями, приписывающими идентичность индивиду еще до его рождения. Как подчеркивает О. Леонтович, «задача определения понятия личности ... осложнена тем обстоятельством, что индивидуальные черты человека недоступны непосредственному наблюдению» [20].

В общественном сознании понятия гражданства и национальности нередко тождественны. При этом ни США, ни Россия, ни Украина не могут считаться гомогенным государством-нацией. Даже если бы это соответствовало действительности, необходимо учесть, что гражданство – категория юридическая, а национальность скорее принадлежит к области психологии и обозначает устойчивые эмоциональные связи и понятия о мире и совокупной деятельности той или иной группы людей. При этом юридическая определенность категории гражданства не означает, что случаи двойного гражданства являются чем-то исключительным. Но даже получив новое гражданство, подавляющее большинство эмигрантов сохраняют тесные связи с исконными странами. В последние десять лет все чаще слышна критика подобного состояния дел. Даже такие незначительные, на первый взгляд, факты, как реклама Вестерн Юнион «Отправьте деньги домой», подвергаются критике, поскольку целевая группа в данном случае – эмигранты, а «дом» означает другую страну. Для консервативных аналитиков это представляет потенциальную угрозу американскому обществу. Несмотря на все различия между странами, книга, подобная нашедшей *Кто мы? Вызов американской национальной идентичности* [21] вполне могла быть написана на материале Украины или России.

Вполне естественно, что большинство иммигрантов первого поколения на всю жизнь сохраняют свою культурно-национальную идентичность. Однако, как обстоит дело с представителями второго поколения, которые родились и выросли в США? Для детей эмигрантов с постсоветского пространства этатическая (государственная) идентичность очевидна: рожденный в США имеет полное право считать себя американцем. Сам факт рождения в другой стране, отмеченный в американском паспорте, рассматривается как угроза идентичности, и многие участники опросов упоминают об этом неохотно, переключая внимание на количество лет в стране, образование, владение английским, связи вне этнической группы, будь то друзья, родственники и т. д., поскольку «каждый человек, как правило, идентифицирует себя с несколькими группами и общностями, причем такие идентификации могут со временем меняться в силу изменившихся жизненных условий, предпочтений» [22]. Преференции – понятие сугубо субъективное. Именно поэтому официальные попытки контролировать национальную идентификацию «сверху вниз» наталкиваются на противодействие «снизу вверх».

В США подобное давление сверху весьма незначительно. Многие из проживающих в стране на легальных основаниях так никогда и не подают документы на гражданство. Статус государственного за английский не закреплен и на федеральном уровне даже не обсуждается. Таким образом, наличие многочисленных случаев смешанной самоидентификации, как, например, «русский американец», объясняется не противодействием официальному давлению, а свободным выбором каждого индивида. Что же заставляет людей искать дополнительные критерии самоидентификации? В чем заключается «русскость» и противоречит ли она «американскости»? Эти вопросы представляют больший интерес для исследователей, чем для субъектов анализа, поскольку рациональное объяснение их внутренних предпочтений, как и любого эмоционального состояния, не имеет для них особого значения. По этой же причине трудно полагаться на статистические данные, основанные на самооценке респондентов.

Выходцы с постсоветского пространства в большинстве своем не испытывают трудностей с визуальной адаптацией, характерной для эмигрантов из Китая, Индии, или мусульманских стран в силу внешних отличий и стиля одежды. Семейные связи, безусловно, имеют решающее значение в формировании смешанной идентичности, и определение «русский» добавляется к «американец» как дань уважения к семейной истории. В отличие от русского, в английском языке и *Russian*, и *American* – семантически равноправные имена прилагательные, и определение воспринимается скорее как эллиптическое «русский американский». При этом такие, казалось бы, существенные факторы, как знание языка, истории и культуры исконной страны оказываются второстепенными.

Обретение американскости является главным приоритетом для иммигрантов в страну. Стремление слиться с целевой группой, «быть как все», зачастую недостижимое для первого поколения, приводит к тому, что второе поколение уже не владеет русским языком, а третье нередко возвращается к истокам, изучая русский язык и культуру без помощи «потерянного» американизированного поколения своих родителей. Культура страны, в особенности литература, в данном случае выходит на первое место, и далеко не всегда автоматически ведет к изучению языка. Высокий престиж классической русской литературы несомненно связан с числом изучающих русский язык, но не напрямую, и в десятке самых изучаемых иностранных языков русский соседствует с латынью и древнегреческим на последних строках. Таким образом, модель приобщения к исконной культуре для тех, кого называют *heritage learners* (изучающие наследие) существенно отличается от коренного населения страны.

В настоящее время большинство изучающих наследие являются представителями второго поколения: это дети постсоветской волны эмиграции. Они, как правило, проживают в пределах больших городов, и сохранение культурных связей представляется вполне естественным в данных условиях. Мультикультурная среда любого мегаполиса способствует толерантности, делает более расплывчатыми критерии американскости и в то же время служит постоянным напоминанием о принадлежности к определенной этнической группе. Для американцев они все – русские. Этнологи и политологи фокусируют свое внимание на этнических россиянах в ближнем зарубежье, забывая о этнических русских – категории куда более трудно определимой и менее контролируемой.

Хочется повторить, что единого формального критерия, объединяющего всех этих людей, фактически нет: есть лишь понятие русского культурного пространства. В пределах этого неформального содружества независимых эмигрантов [23] градация может продолжаться бесконечно, и многоступенчатые идентичности – не редкость. Выходец из Украины, говорящий по-русски, считает себя американским русским украинцем, или американским русским евреем, евреи различают ашкеназов и бухарских евреев, бухарские евреи – выходцев из Узбекистана, Туркмении, Таджикистана и так до бесконечности. Наслоение порой противоречащих друг другу культурных традиций создает причудливую мозаику, распадающуюся при малейшем вмешательстве извне, даже в форме социологического опроса. Так, среди студентов университетов немало тех, кто владеет русским языком, но к русским себя не относит. Здесь важную роль играет официальный дискурс исконной страны, который для многих служит как отталкивающий фактор. Не вписываясь в официальные представления о «правильной» национальной идентичности, студенты предпочитают умалчивать о своей русскости, сохраняя, тем не менее, внутреннюю связь.

Достаточно бегло просмотреть русскоязычную прессу, издаваемую в Америке, чтобы убедиться, что американский русский существенно отличается от других вариантов русского языка. По сути дела, каждый эмигрант должен усвоить определенный коммуникативный минимум для успешного общения в пределах диаспоры. Так же, как и в пределах «внутреннего круга» распространения русского языка, далеко не все носители языка нацелены на достижение успеха вне привычного им социума, и регистр их комму-

никативных способностей соответствует последнему. Средства массовой информации, искусство и политический дискурс вынужденны считаться с этой особенностью целевой аудитории в каждой из стран: в России новости подаются в форме непринужденной пикировки друзей, телесериалы переходят на живой язык улиц, а президент призывает «мочить врагов», в Америке газеты пестрят объявлениями, в которых неподготовленный человек распознает разве что алфавит, а кандидаты в президенты посещают страницы русскоязычных избирателей на сайте Одноклассники.

Фонетические, лексические, грамматические изменения в речи выходцев из русскоязычной среды рассмотрены в работах Д. Эндрюс, М. Полински, О. Каган и др. Разработаны специальные методики, издаются учебники и ряд университетов предлагают курсы русского языка специально для данной категории. Среди преподавателей русского языка существует консенсус, что изучающих наследие следует обучать отдельно от других студентов, что представляется возможным далеко не всегда.

Не меньшее значение имеют различия на концептуальном уровне, рассмотренные в работах А. Вежбицкой, В. Гака, С. Тер-Минасовой, и ряда других исследователей, такие как западный индивидуализм в противовес русской соборности, агентивность английского в противовес бытийности русского языка, рационализм vs. эмоциональность, оптимизм vs. пессимизм, сотрудничество vs. соревновательность и т. п. Несмотря на закрепленность в языке, данные категории нельзя считать чем-то обязательным для каждого носителя языка, и рад эмигрантов сохраняют привычные фреймы на всю жизнь. Так, человек может утверждать, что эмигрировал в США потому, что не мог мириться с тотальным контролем со стороны государства, и тут же призывать американское правительство решительно вмешаться в разрешение финансового кризиса.

Наконец, необходимо указать на значение формального образования в осознании своей идентичности. Формальное образование помогает перейти от интуитивного к развернутому пониманию особенностей данного этноса по отношению к другим. Чтение русской литературы без культурологического комментария создает непреднамеренный эффект остранения, а семейное общение по-русски не обязательно гарантирует успех вне привычного круга общения, когда коммуникативные задачи приходится осуществлять нейтральными общедоступными средствами. Как и в случае с мировым английским, представляется непродуктивным рассматривать варианты русского языка с точки зрения правильности/неправильности: само их наличие является лучшим аргументом в пользу тезиса о «великом и могучем».

Источники и литература

1. Saussure F. Cours de linguistique générale. Ed.2-ème / F. Saussure. – Paris, 1922.
2. Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики / Л. П. Якубинский // Избранные работы. Язык и его функционирование. – М. – С. 71–82. – 1986.
3. Караулов Ю. О состоянии русского языка современности / Ю. Караулов. – Москва, 1991.
4. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт / Кёстер-Тома // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15-31.
5. Radtke E. Zur Bestimmung des Italiano Popolare / E. Radtke // Romanisches Jahrbuch. – 30. – 1979. – С. 43-58.
6. Глобальный_суржик / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wiki.lingvoforum.net/w/Глобальный_суржик (дата обращения 16.8.2011)
7. Meninger / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aftenposten.no/meninger/kronikker/article1034369.ece> (дата обращения 8.15.2011)
8. Crystal D. English as a Global Language / D. Crystal. – Cambridge UP, 1997.

9. Spichtinger D. The Spread of English and Its Appropriation. A Global, a European and an Austrian Perspective. Magister Thesis, University of Vienna, 2000. <http://spichtinger.net/projects> (дата обращения 15.8.2011)
10. Phillipson R. Linguistic Imperialism / R. Phillipson/ – Oxford UP, 1992.
11. Schneider E. Postcolonial English: Varieties Around the World / E. Schneider. – Cambridge UP, 2007.
12. Le Page R. B. Acts of Identity: Creole-Based Approaches to Language and Ethnicity / R. B. Le Page, A. Tabouret-Keller. – New York, 1985.
13. Magocsi P. R. The Russian Americans / P. R. Magocsi. – New York and Philadelphia, 1989.
14. Zinoviev A. Homo Sovieticus / A. Zinoviev. – 1986.
15. Сарнов Б. Наш советский новояз / Б. Сарнов. – М., 2005. – 768 с.
16. Быков Д. Календарь. Разговоры о главном. – М., 2011. – с. 610.
17. Franklin S. National Identity in Russian Culture / S. Franklin, E. Widdis. – Cambridge UP, 2004.
18. Russian_diaspora / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Russian_diaspora (дата обращения 15.8.2011)
19. Martín, J. N. Intercultural Communication in Contexts. 2nd ed / J. N. Martin, T. K. Nakayama. – Mayfield, CA, 1999.
20. Леонтович О. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. Леонтович. – М., 2005. – 352 с.
21. Huntington S. Who Are We? The Challenges to American National Identity / S. Huntington. – New York, 2004.
22. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
23. Пустовойт И. В. Роль русского языка в формировании содружества независимых эмигрантов / И. В. Пустовойт // Русский язык в странах СНГ и Балтии. – М., 2007.

Ш. К. Жаркынбекова

Роль русского языка в процессе языковой и социальной адаптации репатриантов-казахов*

За последние почти 20 лет в странах СНГ сложилась новая языковая ситуация. Изменился статус титульных и нетитульных языков, изменились сферы функционирования государственных и родных языков на некогда едином общественно-политическом и экономическом пространстве. Все это потребовало не только осмысления происшедших перемен, но и выработки новых подходов к решению культурных и языковых проблем, новой методологической основы для исследования и теоретического обобщения культурных, языковых, социолингвистических, этноязыковых процессов.

Языковая ситуация в любом полиэтничном государстве характеризуется сложностью и неповторимостью своей конфигурации в каждом конкретном случае, что объясняется многогранностью социо-, этнолингвистических, а также политических, социально-экономических и ряда других факторов. В настоящее время во многих постсоветских странах происходит актуализация этнических и языковых процессов, поднимаются вопросы, свя-

* Отдельные положения данной статьи были опубликованы в соавторстве с Бокаевым Б. Н. в журнале «Функциональная лингвистика». Научный журнал. – № 2.– Т. 1. – 2011. – С. 194-197.

занные с возрождением национального, языкового самосознания народов. Страны пост-советского пространства укрепляют свои национальные языки, что вполне естественно.

Специфичность языковой ситуации, рассматриваемая как естественное отражение этноязыковых процессов, обусловлена не только историческими причинами, но и активными современными демографическими процессами, значительными сдвигами в этнической структуре населения, которые, в свою очередь, вызывают изменения в этноязыковой ситуации в стране. В этом отношении Казахстан – уникальный регион, который на языковой карте мира занимает особое место. Согласно данным специалистов, на его территории проживают представители более ста наций и народностей, принадлежащих к тюркской, славянской, дагестанской, угро-финской, романской и другим группам языков.

Языковая ситуация в Казахстане претерпела большие изменения за последние десятилетия, что связано с рядом объективных факторов, основными из которых, по мнению известного казахстанского ученого Э. Д. Сулейменовой, являются: 1) отъезд из страны, как правило, социально активных и эмиграционно мобильных людей, в результате резко сократилось число русскоговорящих, многие диаспоры (русская, украинская, белорусская и некоторые другие) стали характеризоваться низкими демографическими показателями; 2) большой приток казахов-репатриантов, в значительной своей части не имеющих устойчивых навыков чтения и письма на литературном казахском языке и не владеющих в достаточной степени русским языком; 3) продолжает расти тюркоязычная часть населения как за счет увеличения доли казахов (естественный прирост, замещающая демография), так и за счет высокой рождаемости, миграции в страну и др., как правило, компактно проживающих узбеков, уйгуров, турок, азербайджанцев. Казахстан, как и все страны СНГ становится все более моноэтническим [1].

Изменения в этноязыковой ситуации в стране непосредственным образом отражаются и на статусе и состоянии всех языков, функционирующих на территории Казахстана. Но особо стоит вопрос о статусе и состоянии русского языка. Различные факторы, о которых было сказано выше, безусловно, способствует сужению сферы применения и «жизненного пространства» русского языка. Процессы, происходящие в русском языке и с русским языком в ситуации иноязычного окружения, в новых геополитических условиях, требуют особого внимания, поскольку является зачастую предметом излишних эмоций и даже политических спекуляций.

Так, к примеру, сегодня в СМИ развернулась бурная дискуссия, связанная с открытым письмом, подписанным общественными и политическими деятелями Казахстана и адресованном Президенту страны. В нем говорилось об исключении нормы Конституции, а в частности пункта 2, статьи 7, которая гласит, что «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Вот цитата из этого письма: «Пункт 7-й статьи вводит в заблуждение народ, русский язык незаконно выполняет функцию государственного языка. Поэтому нужно исключить второй пункт 7-й статьи из Конституции» (см. www.nomad.su/?a=3-201109060012; www.zakon.kz/4447554-pod-voprosom-okazalsja-oficialnyjj.html и др.).

Казахстан сегодня – это многоязычная, полиэтническая, мультикультурная и поликонфессиональная страна, в которой проживают народы, говорящие на языках разных генетических групп и структурных типов. Как утверждает казахстанский ученый Э. Сулейменова, «Этноязыковой ландшафт современного Казахстана характеризуется, с одной стороны, высокой степенью языкового разнообразия, с другой, – тем, что два этноса (титულный казахский и русский) доминируют в количественном отношении над всеми остальными этносами, усиливая демографически неравномерный и несбалансированный характер языковой ситуации» [4, с. 14]. Его статус закреплён в принятом 11 июля 1997 года Законе «О языках в Республике Казахстан» (статья 4) [2]. Казахский язык, безусловно, является сильным языком и в демографическом, и в функциональном плане. Сегод-

ня и русский язык в казахстанском обществе занимает довольно сильные позиции, которые были обусловлены не только соответствующим этническим составом населения страны, историческими реалиями. Объявленный в основных документах статус русского языка отражает его востребованность в Казахстане как носителя значительного объема научной и культурной информации. А приоритеты новой языковой политики независимого Казахстана определяются стремлением соответствовать потребностям полиэтнического населения страны, учитывать особенности языковой, демографической и политической ситуации и сохранить стабильность межнациональных отношений. Поэтому требование применения крайних мер, о которых говорится в письме, является, на мой взгляд, весьма спорным и поспешным.

Все вышесказанное определяет актуальность изучения социальнокультурной и языковой адаптации и интеграции репатриантов¹ в казахстанское общество.

Сложность решения проблем, связанных с последствиями миграционных процессов не только в том, что она затрагивает судьбы конкретных людей, но и в том, что ее решение связано с межгосударственными отношениями, с проблемой понижения социального статуса остающихся в стране пребывания представителей этнической диаспоры, с проблемами, связанными с неизбежными социальными издержками, материальными затратами, политической стабильностью и национальной безопасностью принимающего репатриантов государства.

Государственная политика в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, а именно – работа по возвращению на историческую родину этнических казахов в Республике Казахстан заметно активизировалась в постперестроечный период. Общенациональная значимость процесса возврата этнических казахов в Казахстан высока и заключается в историко-культурном, социально-экономическом, политическом, демографическом, этно-психологическом и даже популяционно-генетическом обогащении казахского народа. Так, иммиграция этнических казахов из-за рубежа способствует как росту населения в целом, так и увеличению доли коренного населения в общей численности населения. Репатриантами вносится определенный вклад и в развитие национальной литературы, искусства, музыки, науки, образования, бизнеса на исторической родине. Необходимо признать, что репатриация значительной части казахов способствует также формированию единой казахоязычной среды в Казахстане, которая происходит параллельно с созданием благоприятных условий для развития самосознания репатриантов в аспекте языка и культуры. Последнее означает, что огромно влияние репатриантов на процесс языкового планирования государства.

Согласно Переписи населения 2009 г., с момента обретения независимости в Республику Казахстан из дальнего и ближнего зарубежья переселились 210 тыс. 225 семей этнических казахов (824 тыс. 170 человек). Основной поток переселенцев идет из стран, где имеется значительная казахская диаспора, в первую очередь это – Узбекистан (126 тыс. 790 семей (494 тыс. 565 человек), КНР (25 тыс. 764 семей - 85 тыс. 487 человек), Монголии – (22 тыс. 124 семьи - 110 тыс. 856 человек). Туркменистана – 16 тыс. 232, из России – 11 тыс. 065, из Таджикистана – 2 тыс. 756 семей (Перепись 2009).

Иммиграция этнических казахов в Казахстан, на «историческую родину», предполагает преодоление ими всех трудностей адаптационного и интеграционного процессов. Изменение социальной обстановки, перемены в деятельности, переоценки ценностей и жизненных идеалов отражаются коренным образом на ментальности и социальном самочувствии

¹ В нормативно-правовых документах Республики Казахстан данная категория граждан получила наименование «оралман», что в переводе с казахского языка означает «возвращенец». В Законе РК «О миграции населения» от 13 декабря 1997 года под данным термином понимается следующее: «иностранные или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживавшие на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами и прибывшие в Казахстан в целях постоянного проживания»

оралманов. Сложившиеся стереотипы, культурные и языковые предпочтения представителей казахоязычного и русскоязычного населения и этнических казахов являются факторами, связанными с возникновением проблем межкультурной коммуникации, что, несомненно, влияет на более/менее успешное межкультурное и межэтническое взаимодействие. С другой стороны, специфическое отношение к ним со стороны определенной части окружающего населения и отдельных представителей органов власти, нежелание признать их «своими», такими же, как «мы», порождает напряженные взаимоотношения местных казахов с репатриантами. Подобное отношение ведет к формированию диаспорной модели образа жизни оралманов, формирует у них чувство обособленности, создает трудности в общении. Именно поэтому проблемы социальной, культурной и языковой адаптации репатриантов относятся к ключевым вопросам стабилизации общества. В Казахстане разработана система законов, регламентирующих процессы интеграции новых граждан, разработаны общенациональные программы репатриации и адаптации, создаются научные центры, специализирующиеся в этой области исследований.

Для многих репатриантов важной частью адаптационного и интеграционного процессов в казахстанское общество является владение русским языком. В этом плане особенно сложно приходится репатриантам из Китая, Монголии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, проживающим в северных областях республики, где русский язык является доминирующим в межнациональном общении населения. Результат при таких противоречиях вполне предсказуем: репатрианты, вместо того, чтобы активно взаимодействовать с населением для перенимания новых стандартов, ведут отчужденный образ жизни, образуя при этом локализованные сообщества со своим обособленным мировоззрением. Такие сообщества опасны тем, что внутри них могут зарождаться протестные настроения, как по отношению к местному населению, так и в отношении к общественному строю в целом. Важно отметить, что Казахстан в силу своей территориальной целостности охватывает очень разнообразный географический ландшафт, который во многом обуславливает специфику ментальности тех, кто расселяется и обитает в нем. Поэтому в разных регионах (областях) создалась и разная языковая ситуация. Связана эта ситуация, в первую очередь, с характером билингвизма: русско-казахским и/или казахско-русским.

Результаты анкетирования, проведенного нами в период с 2007 по 2010 гг., показали, что большинство респондентов из Китая (93,5%) практически не владеют русским языком, и лишь часть из них (8,5%) подтвердила средний уровень языковой компетенции. Среди респондентов из Монголии более 60% респондентов не владеют русским языком, 1,6% – владеют свободно, остальные – с определенными затруднениями. Такая же ситуация наблюдается и среди репатриантов из Узбекистана: лишь 0,6% опрошенных отметили, что владеют русским языком, 41% – говорят, пишут и читают с некоторыми затруднениями. 42,7% репатриантов признались, что не владеют русским языком совсем.

Уровень владения русским языком респондентами – этническими казахами из Туркменистана – по шкале «свободно говорю, пишу, читаю, думаю» оказался гораздо выше (31,4%), что является, на наш взгляд, отражением идеологической политики советского периода. Такая же ситуация с респондентами из Таджикистана.

На вопрос о том, испытывали ли они трудности из-за незнания русского языка, почти половина опрошенных репатриантов из Узбекистана (53,5%), Китая (45,7%), около одной трети репатриантов из Монголии (29,8%), Таджикистана (32,8%) дали положительный ответ. По мнению респондентов-репатриантов, незнание русского языка создает трудности при их трудоустройстве (56%), при получении достоверной и актуальной информации (34%), при получении соответствующих льгот (32%), получении образования (23%) и др.

Необходимость изучения русского языка осознается по-разному: негативно к этому отнеслись 22,4% респондентов из Китая, 17,7% респондентов из Монголии, 11,5% – из

Узбекистана, 8,2% из Туркменистана и небольшое число респондентов из Таджикистана и России (4,5% и 2,3% соответственно). Отметим, что многим из данной категории респондентов свойственна некая агрессия по отношению к русскоговорящим. Зачастую, они открыто высказывают мысль, что они не понимают русского языка, тем более не говорят на нем. Повышенная эмоциональность и иррациональность восприятия языка «своего» народа свидетельствует о том, что последний является существенным фактором, формирующим этническое самосознание, каналом его трансляции и выражения. Эти данные подтверждают мысль казахстанских ученых-лингвистов о том, что языковое сознание и самосознание, проявляющееся в отношении к казахскому и русскому языку, может быть противоречивым особенно в условиях полиэтничного государства и массового двуязычия: в нем могут иногда латентно присутствовать и скрыто или явно бороться, как минимум два языковых сознания и, следовательно, две языковые личности [1, с. 158].

Этнически идентифицированная личность обладает совокупностью тех качеств, которые определяют ее культурное и лингвистическое поведение в различных ситуациях коммуникации. На основании проведенного исследования, мы выделили четыре уровня владения казахским и русским языками репатриантов. Первую группу составили индивиды, у которых доминантным выступает казахский язык, компетентность в русском языке – слабая; вторая и третья группы – с равновысоким уровнем – социального и адекватного общения в казахском и русском языках; в четвертую – с доминантным русским языком и компетентностью в казахском на уровне понимания и бытового общения. На следующем уровне классификации мы добавили такие элементы, как готовность вступать в коммуникацию с носителем другого языка, мнение по поводу языковой политики государства и т. п. В результате мы получили четыре типа языковых личностей репатриантов, которых можно охарактеризовать следующим образом с точки зрения социокультурной и лингвистической ориентации:

К первому типу относятся те, кто:

- говорит только на казахском языке;
- отказывается участвовать в коммуникации с использованием русского языка;
- считает, что вся официальная и политическая жизнь и вся сфера повседневности должны быть на казахском языке;
- считает, что все население Казахстана должно говорить только на казахском языке;
- считает необходимым убрать из обязательной школьной программы такие предметы, как русский язык и русская литература;
- считает, что русский язык негативно влияет на этноязыковую идентификацию личности, на патриотизм молодежи.

Таким образом, к первому типу относятся казахоязычные индивиды, рассматривающие казахский язык не только как залог достижения поставленной цели, но и как более престижный. Нет сомнения в том, что казахский язык является для них существенным фактором, формирующим этническое самосознание, каналом его трансляции и выражения. Однако для них показательно своего рода отталкивание, отчуждение от русского языкового и культурного пространства, демонстрируемое в коммуникации (особенно с теми, кто в большей степени говорит на русском языке). Повышенная эмоциональность и иррациональность восприятия языка «своего» народа проявляется в том, что они могут демонстративно объявить о том, что не понимают русского языка, тем более не говорят на нем, даже если хоть и в слабой степени, но владеют русским языком:

«...Сондықтан мектептегі орыс тілі мен орыс әдебиетін алып тастау керек. Бұл қазақ ұлтының тағдырын өзгертетіне сенемін...»

«...И поэтому, надо исключить русский язык и русскую литературу из школьных дисциплин. Я верю, что это повлияет на судьбу казахского народа...» (деятель культуры, 33 года, переехал из Таджикистана в 2006 году).

«Қазақ елі екенін білдіріп, орыс мектептер емес, оның орнына қазақ тілі мектептерін көбейту, орыс тілі әдебиеттерін қазақ тіліне аударып, орыс нұсқасын жойып жіберу. Жалпы бала-бақиадан (дет-садтан) бастап орыс тілін азайту, тіпті кушінен қалдыру керек...».

«Чтобы показать, что это – казахский народ, необходимо увеличить количество не русских, а казахских школ, надо перевести литературу, написанную на русском языке, на казахский язык, и уничтожить русский вариант. Надо уменьшить русский язык с самого детского сада а то и вовсе убрать...» (работник социальной сферы, 41 год, переехал из Монголии в 2007 году).

«Соларға, қазақ тілін білмейтін қазақтарға қазақша сөйлеуді үйрету үшін орыс тілін елімізден жою керек деп ойлаймын. Әрине жоғарыдағы министр, депутаттан бастап, кішкентайына дейін орысша сөйлесе, сонда қазақшаны кім сөйлейді. Өзбекстандағы қазақтар ма, Қытай, Монғолиядағы қазақтар ма?»

«Думаю, чтобы обучить тех казахов, что не знают казахского языка, родному языку, нужно вообще искоренить русский язык. Если, начиная с министра, депутата, все говорят на русском, то кто же будет говорить на казахском. Казахи из Узбекистана или казахи из Китая, Монголии?» (студент, 22 года, переехал из Узбекистана в 2007 году).

Ко второму типу относится тип репатрианта, который:

- говорит в основном на казахском языке;
- участвует в коммуникации и на казахском и на русском языках;
- считает правильным, что в государстве должна быть сформирована единая казахоязычная атмосфера;
- считает необходимым расширить социальные функции государственного языка в разных сферах общения;
- достаточно толерантно относится к русскому языку, считая его престижным и важным для изучения и прилагает определенные усилия для его скорейшего изучения;
- придерживается точки зрения, что владение языками – это залог успеха, но, прежде всего, необходимо владеть родным языком.

К этому типу относятся в основном те, кто проживает в Казахстане более 3-5 лет, максимально ассимилируется социально, культурно и в языковом плане:

«Дәл қазіргі күні менің елге оралғанымға 6 жыл болса да, орыс тілін әлі де жетік біле алмағанымға өкінемін. Себебі мен осы 6 жыл ішінде неше түрлі ойда жүрдім. Осы ойларыма қысқаша тоқталып өтсем: ең бірінші мен келген кезде қазақша сөйлемегендерге қатты ашуланатынымын, орыс тілін жек көрдім сол себепті мен орыс тілін үйренгім келмеді. Енді оның дұрыс емес екендігіне көзім жетті. Себебі орыс тілі менің туған тілім болмаса да мен оны білуім керек, өйткені ол ең маңызды тілдердің қатарына жатады...»

«Даже если уже прошло 6 лет с момента моего прибытия в Казахстане, очень жалею, что не изучил русский язык до конца. Все эти 6 лет у меня были разные мысли. Хочу поделиться этими мыслями: когда я приехал сюда, очень злился на тех, кто не говорил по-казахски, ненавидел русский, поэтому и не изучал его. Только теперь я понимаю, что это было неправильно. Если даже русский язык не является моим родным языком, я должен знать его, так как он является одним из самых важных языков...» (работник социальной сферы, 35 лет, переехал из Монголии в 2003 году).

«Мен ядролық физика мамандығын таңдап осы мамандықта оқып жатырмын. Тезірек орыс және ағылшын тілдерін үйреніп маманды-ғымды жақсылап меңгеру және осы тілдер бойынша жазылған ядролық физикаға байланысты мәліметтердің бәрін қазақ тіліне аудару, осы арқылы аз да болса өз көмегімді халқыма тигізу болып табылады. Сонда менің

қазіргі күнгі ұстанымым «Өзге тілдің бәрін біл, өз тіліңді құрметте» сондықтан сіздерге өтініш менің орыс тілін тезірек меңгеруіме аз да болса қол ұшын берсеңіздер. Әрине 6 жыл бойы тіл үйренбегеніме қатты өкінемін, бірақ әлі де кеш емес деп ойлаймын...»

«Я выбрала специальность ядерной физики и учусь на этой специальности. Моя цель – быстрее изучить русский и английский языки, глубоко изучить свою специальность и перевести все необходимые материалы, связанные с ядерной физикой, на казахский язык, и таким образом оказать хоть и маленькую помощь своему народу. Мой принцип «Ты можешь знать другие языки, но свой родной язык уважай», поэтому прошу вас протянуть мне руку помощи, чтобы помочь мне быстрее освоить русский язык. Конечно, очень жалею, что не изучала язык все эти 6 лет, но думаю, что еще не поздно...» (студентка, 23 года, переехала из Китая в 2004 году).

«Мен Өзбекстаннан келдім. Қазақстанға көшіп келгенде орыс тілінен қиыншылықтар болды, өйткені Ақтөбеде көбісі орысша сөйлейтін... Біз жанұяда қазақша сөйлейміз. Қазақ тілі мемлекеттік тіл болғанымен, қатынас тілі – орыс тілі. Біз орыс тілін білуге тиіспіз. Себебі: 1) қалай тартсаң да дәл қазір өзгерту мүмкін емес; 2) орыс тілі халықаралық тілдер санатында; 3) Қазақстанның тең жартысында өзге ұлттар тұрады: орыстар, немістер, украин, т.б. Бірақ қазақ тілін бәрі білуі керек. Өйткені Қазақ мемлекеті, ұйтқысы қазақ»

«Я приехал из Узбекистана. Когда я переехал в Казахстан, испытывал трудности с русским языком, так как в Актөбе многие говорили по-русски... В семье мы говорим по-казахски. Несмотря на то, что казахский язык является государственным языком, языком общения является русский язык. Нам необходимо знать русский язык. Причина: 1) как бы ты не хотел, невозможно изменить все прямо сейчас; 2) русский язык на уровне межнациональных языков; 3) в Казахстане наполовину живут люди других национальностей: русские, немцы, украинцы и др. Но казахский язык должны знать все, потому что основу государства Казахстан составляют казахи» (студент, 23 года, переехал из Туркменистана в 2005 году).

«Қазір мен бұл жаққа үйреніп қалдым. Ендігі бар мақсатым: қазақ елінің туын биіктерден көрсетіп, мемлекеттік тілден басқа ресми тіл ретінде қолданылатын орыс тілін үйрену»

«Сейчас я уже привык к этим местам. Моя следующая цель: показать флаг Казахстана с высот, кроме государственного языка изучить и русский язык, который используется как официальный язык» (спортсмен, 25 лет, переехал из Узбекистана в 2007 году).

К третьему типу относится тип репатрианта-индивида, который:

- говорит на казахском и русском языках;
- участвует в коммуникации и на казахском и на русском языках;
- считает правильным, что в государстве на официальном уровне наравне с казахским языком, употребляется русский язык;
- считает, что население должно владеть как минимум двумя языками – казахским, русским;
- относится положительно к изучению русского языка и русской литературы в школе;
- придерживается точки зрения, что владение языками – это залог успеха, но, признает, необходимость владения, в первую очередь родным языком.

Итак, к третьему типу относятся те, кто в достаточной мере владеет обоими языками и не испытывает трудностей в адаптации. Этот тип можно обозначить как сознательно бикультурный. Самым важным признаком этноязыкового сознания этого типа, на наш взгляд, является то, что оно не предполагает вытеснения одного языка/культуры за счет освоения другого. В ситуации двуязычия в рамках этого типа языковой личности родной и освоенный языки не конкурируют друг с другом. Завоевание языкового, социального, культурного и другого признания, столь естественное при активной интеграции или социализации, осуществляется у носителей этого типа иначе. Для них цель интеграции состоит, очевидно, не в том, чтобы

«стать казахом» (как ценой знания казахского, так и ценой незнания русского) / «стать своим» (путем усвоения не только языка, но и системы ценностей и моделей социального и культурного поведения). Они стремятся довести до возможного совершенства знание нового (новых) языков и культур, не теряя исходной языковой и культурной компетенции:

«...Я родился в России. Всю сознательную жизнь прожил в России. Мои дети разговаривают на казахском языке, но слабо. Там они учились на русском языке. Родным языком считаю казахский язык...Я считаю, что нужно знать и другие языки...Нужно разговаривать и на русском, и на казахском языке...» (Дуйсенов Амангельды, 1950 г.р., переехал в Казахстан в 2009 г. из России);

«...Я родилась в Мукушено в 1967 году. В Казахстан переехали в 2008 году...Проблем не было, языкового барьера нет...У меня два родных языка. Казахский в первую очередь, а потом русский. Частично владею казахским языком. Дома мы разговариваем на русском языке. Телевизор смотрим на русском и казахском... Родной язык - казахский, потому что я казашка, а русский, потому что я там родилась... Училась на русском языке...» (Аимова Жамал, 1967 г.р., переехала в Казахстан в 2008 г. из России);

«...Уже второй год в Казахстане. Знаю казахский и русский. Мой родной язык – казахский, но так же мне дорог русский язык. Дома разговариваем и на казахском, и на русском языке...» (Жиенбаева Самал, 60 лет, переехала в 2008 г. из России.).

К четвертому типу относятся те, кто:

- говорит на русском языке;
- участвует в коммуникации с использованием русского или другого языка;
- считает родным два языка – казахский и язык той страны, где проживал до репатриации (к примеру, русский или таджикский языки);
- поддерживает статус русского языка как официального;
- всячески поддерживает присутствие русского языка как в официальной и политической сферах, так и в сфере повседневности;
- двойственно, неоднозначно идентифицирует себя, поскольку поставлен перед выбором «родного» языка между автохтонным и «приобретённым».

К четвертому типу относятся те, для кого незнание родного казахского языка создает определенные трудности для полноценной интеграции в общество. Для этой группы репатриантов, осознание особой значимости языка как интегратора этноса заметно слабее. Скорее всего, проблема утраты языка для них не является животрепещущей и рассматривается в значительной степени абстрактно.

«Казахским языком владею немножко, я только понимаю, не пишу и не говорю. В семье общаемся на русском языке. Когда жили в Омске, общались тоже только на русском. Учился в русской школе. Не помню, но, кажется, не было казахской школы. У нас были репетиторы, которые учили казахскому языку. Я помню где-то в классе во втором или в третьем мама нанимала репетитора на пару месяцев. Вот с того момента я более-менее понимаю казахский язык.

Себя считаю казахом. Родной язык мой – русский. Вообще-то, два получается родных языка – казахский и русский. Просто русским я более или менее владею хорошо, и могу высказать себя только на русском языке. Родной язык – это язык, на котором ты вырос и учился разговаривать, который тебе более или менее приятен и на котором ты можешь хорошо общаться. Я думаю, изъясняюсь только на русском языке...» (Барлыбаев Асхат, репатриант из России);

«...Считаю своим родным языком – казахский и русский...Потому что в базе у меня заложен русский язык...Я думаю на русском... с детства общаюсь на русском...Среди русских вырос... На казахском понимать-понимаю, но не пишу...» (Дауренов Сабит, 1982 г.р., переехал в 2008 г. из России);

«...Родилась в России и прожила там полвека...Я владею русским, казахским языками... Ходила в русскую школу... Но меня бабка научила казахскому языку...В детстве, она мне говорила : «Почитай мне книжку про Кобланды батыра...» Я ей говорю: «Я же не могу...» А она говорит мне: «Читай, как можешь...» Вот так потихоньку я и научилась говорить, читать на казахском языке... Родной язык мой, естественно тот, на котором я выросла – русский язык...Я думаю на русском языке...У меня и имя русское – Катя... Хотя по паспорту я иду как Карлыгаши, но народ меня называет только Катя... И дома, и на работе – везде так называют... а когда меня называют Карлыгаши, то это как-то не мое...чувствую себя не так...» (Сейтова Карлыгаши, 1956 г.р., переехала в Казахстан в 2009 г. из России).

Из вышеизложенного мы видим, что респонденты этой категории испытывают трудности формирования собственной языковой идентичности, поскольку и в семье, и в других сферах общения в основном использовался неродной (русский, узбекский, таджикский или др.) язык.

Таким образом, мы видим, что если для одних респондентов язык выполняет обе функции (коммуникативную и символическую), то у другой категории респондентов-репатриантов идентичность опирается на язык только как на символ единства народа. Это подтверждает предположение, что уровень идентичности определяется прежде всего предпочтением языка, а не его реальным использованием. Имеющаяся доля неустойчивой национально-языковой идентификации репатриантов (в основном из России и Таджикистана) свидетельствует о том, что их личные связи с этническим языком были в какой-то степени утрачены, но у большинства из них остается установка на формальное выделение этнического языка в качестве родного, связанная со стремлением соответствовать социальным ожиданиям.

Для общей языковой компетентности значимым оказался фактор страны прибывания: большую часть первой группы составили выходцы из Китая и Туркменистана, во второй группе – преобладали репатрианты из Монголии, Узбекистана и Таджикистана, третью образовали исключительно российские казахи.

Все вышеизложенное убеждает в том, что интериоризация языковой идентичности респондентов-репатриантов – сложный и многозначный процесс, обусловленный языковыми, социально-историческими, психологическими, культурными особенностями.

И здесь, несомненно, необходимо проведение взвешенной и «мудрой» языковой политики, которая должна стать органичной частью общей политики, направленной на улучшение социальной, экономической и культурной жизни репатриантов в стране. Языковая ситуация для репатрианта должна быть такой же комфортной, как и его социокультурное и экономическое положение.

Источники и литература

1. Динамика языковой ситуации в Казахстане: Монография / Под общей редакцией Э. Д. Сулейменовой. – Алматы, 2010. – 387 с.
2. Закон о языках РК «О языках в Республике Казахстан» (от 11 июля 1997 года № 151-1, с изменениями, внесенными Законом РК от 20 декабря 2004г. № 13-III).
3. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А. А. Смаилова. – Астана, 2010. – 64 с.
4. Сулейменова, Э., Шаймерденова, Н., Аканова Д. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник / Э. Сулейменова, Н. Шаймерденова, Д. Аканова. – Астана: Арман-ПВ, 2007. – 304 с.

Проблема возникновения и функционирования национальных вариантов языка*

Большинство языков мира подвержено территориальной дифференциации. Когда язык функционирует на территории одного государства, ее результатом является появление *территориальных диалектов и региолектов*, а также своеобразных вариантов литературного языка, имеющих некоторую местную окрашенность (чаще всего она проявляется на фонетическом и лексическом уровнях). Характерной чертой этих образований является то, что совокупность составляющих их местных черт не обладает статусом составной части кодифицированной нормы, т. е. имеет своеобразный субстратный характер [7, с. 906]. Если варианты языка представлены в нескольких государственных образованиях, то это, по мнению исследователей, может привести к возникновению либо *национальных вариантов языка*, либо островных языков.

Проблема национальных вариантов языка хорошо разработана в отечественном языкознании. Для ее описания сформулирована достаточно четкая терминологическая система. Под *национальным вариантом литературного языка* понимается «форма адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям наций – носителей данного языка» [9, с. 321]. Для понятия варианта (в отличие от территориального диалекта), подчеркивает А. Д. Швейцер, определяющим признаком является наличие территориальных вариаций литературных норм, и, следовательно, наиболее существенные различительные черты сопоставляемых вариантов... могут быть выявлены в рамках нормированного литературного языка [29, с. 5]. При этом, хотя литературно-разговорные формы такого языка имеют более заметную национальную окрашенность, чем книжно-письменные, поскольку это связано с различиями тех областных и городских койне, которые их окружают и питают, в первую очередь необходимо учитывать именно состояние письменной формы литературного языка, основывающейся главным образом на установленной норме [8, с. 47].

Под национальным вариантом языка понимается совокупность форм существования языка, в рамках которой реализуются речевые потребности данного социума (национального сообщества) во всех жизненных ситуациях. В этом отношении национальный вариант ничем не отличается от отдельного национального языка, который, как известно, помимо литературного языка включает в себя территориальные диалекты и другие формы наддиалектной речи (обиходно-разговорные формы языка) [9, с. 325]; [25, с. 121]; [29, с. 19]. Следует отметить, что для некоторых национальных вариантов языка различия, лежащие за пределами литературной нормы, оказываются очень существенными. Это касается не только диалектных вариантов, но и соотношения и функциональной нагрузки основных форм существования языка. Например, в швейцарском варианте немецкого языка в отличие от немецкого языка ФРГ отсутствует обиходно-разговорная форма, ее функции выполняет диалект [9, с. 325]. Сказанное свидетельствует о том, что при изучении полинациональных языков нельзя ограничиваться только исследованием различий в литературных вариантах.

Из приведенных дефиниций следует, что понятия *национальный вариант литературного языка* и *национальный вариант языка* соотносятся, как часть и целое, и до формирования национального варианта литературного языка говорить о существовании национального варианта языка неправомерно.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект №10-04-00226а «Язык и социальные катаклизмы», руководитель – Т. Б. Крючкова.

Категория *национальный вариант языка* применима только к носителям языка, но не билингвам, для которых язык является вторым [31, с. 250-251]. Языковые образования, употребляемые билингвами, даже хорошо владеющими вторым языком и широко употребляющими их в определенных коммуникативных ситуациях, А. И. Чередниченко предлагает именовать *вариантами неродного языка* [28], а О. Е. Семенец – вариантами полиэтнического языка [22].

Одним из важнейших признаков национального варианта языка является «общественная функция, выполняемая им в самостоятельном национальном коллективе: обучение в школе, использование на радио и телевидении, в кино и театре, применение в делопроизводстве, изданиях газет, книг, журналов и т. д. – практически и юридически функции национального варианта тождественны функциям самостоятельного (национально-гомогенного) языка» [6, с. 860]. Как правило, национальный вариант языка имеет определенный юридический статус. Так, английский язык является официальным языком Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии, Канады и некоторых других стран. Немецкий – государственным языком ФРГ, Австрии, Швейцарии, официальным языком Люксембурга. Французский – государственным языком Франции, Швейцарии и Бельгии, официальным языком Канады и Люксембурга. Испанский – государственным языком Испании и государственным/ официальным языком 19 стран Латинской Америки. Португальский – государственным языком Португалии и официальным языком Бразилии и некоторых других стран. В «Словаре социолингвистических терминов» Э. Д. Сулейменовой (с соавторами) данное свойство эксплицитно формулируется как характерная черта национальных вариантов языка: полинациональный язык – это национально негомогенный, национально неидентичный язык, т. е. язык, используемый двумя и более нациями (национально-государственными общностями) в качестве национального языка, государственного языка, официального языка и др. [26, с. 172]. Кстати сказать, это условие является, по-видимому, обязательным, но не достаточным для формирования национального варианта языка, поскольку, например, английский язык имеет статус официального во многих государствах Африки, но, как мы уже упоминали, не являясь родным языком местного населения, он образует в них варианты неродного языка.

Вопрос о количестве структурных различий, необходимых для квалификации идиомов как национальных вариантов литературного языка, является сложным и в такой постановке вряд ли разрешимым. Многие исследователи полагают, что невозможно определить критерии объема тех различий, которые позволяют говорить о существовании варианта данной системы, и установить, где тот порог варьирования, далее которого варьирование становится другой нормой и тем самым соотносено уже с системой другого литературного языка [8, с. 47; 18, с. 541]. Далеко не всегда специфические черты полинациональных языков проявляются рельефно и имеют заметный отличительный характер. Обращая внимание на это обстоятельство, шведский германист С. Г. Андерсон подчеркивал, что имеется целая шкала таких возможностей, один конец которой равен почти нулю, т. е. между отдельными разновидностями одного языка почти нет различий, а другой конец этой шкалы обозначает наличие вполне сформировавшихся национально-специфических вариантов данного литературного языка. В этом смысле французский язык в европейских странах представляет собой первый случай, тогда как американская и британская разновидности являются полноразвитыми вариантами английского языка и оказываются тем самым на противоположном конце шкалы, как бы замыкая классификационный ряд языков по степени интенсивности развития в них специфических национальных черт [32, с. 259]. Здесь можно провести определенную параллель с разграничением самостоятельного языка и диалекта или отнесением диалекта к одному или другому

языку¹. Большинство специалистов сходятся в настоящее время в том, что решающую роль при решении таких вопросов играют отнюдь не лингвистические факторы, а самосознание носителей идиома [12; 30]. По отношению к национальным вариантам литературного языка аналогичную точку зрения достаточно эксплицитно формулирует А. И. Домашнев: «Не обнаруживая резких структурных расхождений, национальные формы литературного языка приобретают автономию, которая осознается и поддерживается их носителями. Из этого, прежде всего, следует, что национальный вариант – это не только языковое, но и языково-социологическое явление и для выделения этого понятия необходимы факторы не только лингвистические, но и экстралингвистические» [6, с. 860].

Следует отметить, что отсутствие строгих количественных критериев приводит к тому, что по поводу квалификации отдельных идиомов разные авторы высказывают неодинаковые суждения (в этом плане также явно просматривается аналогия с определением диалектов vs языков). Так, например, А. Д. Швейцер считает, что английский язык в Канаде обнаруживает «чрезвычайно мало своих собственных различительных черт и в то же время испытывает давление со стороны как британского, так и американского вариантов с явным преобладанием черт последнего» [29, с. 18]. При этом он не говорит эксплицитно о наличии особого канадского варианта английского языка. В то же время Е. М. Бондаренко считает факт существования этого варианта бесспорным [1].

Много проблем возникает и в связи с определением самосознания носителей в отношении идиома, которым они пользуются. Кстати сказать, и при решении этой проблемы относительно диалектов исследователи определяют его не в результате массовых социолингвистических обследований населения, а по различным косвенным признакам. Например, существенную роль при подведении нескольких идиомов под «крышу» единого языка очень важным считается наличие у носителей диалектов общего этнонима. При квалификации идиомов в качестве национальных вариантов того или иного языка трудностей не меньше. А. И. Домашнев и Л. Б. Копчук приводят интересный пример. Переводы американской художественной и научной литературы на немецкий язык иногда сопровождаются примечанием о том, что перевод осуществляется с «американского», а некоторые международные книжные издательства, например, Walter de Gruyter, Berlin/New York, в инструктивных письмах своим авторам предупредительно сообщают, что рукописи на английском языке могут предоставляться в издательство по выбору самого автора либо на британской, либо на американской версии английского языка [9, с. 323]. Но надо сказать, что такие очевидные свидетельства дифференциации идиома² на национальные варианты языка достаточно редки. Кроме того, здесь речь идет о факте, который уже давно не вызывает дискуссий у специалистов. Можно ли найти достаточно очевидные и эксплицитные свидетельства в отношении спорных идиомов, это большой вопрос.

¹ А. И. Домашнев и некоторые другие исследователи настоятельно подчеркивают неправомерность сопоставления национального варианта языка с диалектом даже метафорически, поскольку все национальные варианты литературного языка равноправны и равноположены и между ними нет взаимоотношений взаимодополнения на речевой оси, которые устанавливаются между литературным языком и диалектом [7, с. 923]. Кроме того, национальные варианты языка нельзя противопоставлять друг другу по степени образности и престижности, как это происходит при социолингвистическом рассмотрении литературного языка и диалекта [5, с.922; 36, с. 216]. Но очевидно, что говоря о схожести в определении принципов отграничения одних национальных вариантов от других и одних диалектов от других или отнесении диалекта либо к одному, либо иному языку, мы имеем в виду совершенно другой аспект проблемы.

² Данное высказывание, правда, свидетельствует, скорее, не о самосознании носителей идиома, а об оценке его «со стороны», но достаточно очевидно, что если уже факт диверсификации признан извне, то это отражает и позиции носителей.

Несмотря на высказанные выше соображения, мы все-таки сформулируем признаки, которые характеризуют варианты языка, представленные в разных государственных образованиях, как национальные варианты языка. Эти варианты 1) выполняют широкий объем общественных функций, включая наиболее социально значимые – сфера административной и государственной деятельности, образования и т.п.; 2) имеют юридический статус государственного, официального и т.п. языка; 3) имеют кодифицированную норму литературного языка; 4) являются родными языками определенной части населения; 5) осознаются носителями как самостоятельные идиомы.

Только наличие этих пяти признаков является необходимым и достаточным условием для признания того или иного идиома национальным вариантом языка, если употреблять этот термин в том смысле, в котором он был предложен разработчиками концепции национальных вариантов языка.

Вторым типом вариантов языка, функционирующих на территориях нескольких государственных образований, являются островные языки. По мнению П. Визингера, для них характерно: 1). наличие значительного числа носителей; 2). социальная гомогенность и закрытость языковой общности; 3). наличие особого самосознания принадлежности к данной общности (*Gemeinschaftsbewusstsein*); 4). постоянная связь с литературным языком, функционирующим на территории проживания основной массы носителей языка [37, с. 495]. А. И. Домашнев подчеркивает, что островные языки не обладают идентичными с национальными вариантами социальными функциями и используются в принципиально иных условиях (применение в повседневной жизни родного диалекта, влияние инонационального государственного или официального языка, ситуация субординативного билингвизма) [7, с. 908].

До сравнительно недавнего времени вопрос о национальных вариантах языка обсуждался только применительно к таким языкам, как английский, немецкий, французский, испанский и некоторым другим языкам стран, которые теперь именуется «дальним зарубежьем». Однако после развала Советского Союза русскоязычные граждане оказались жителями разных стран, русский язык получил в них неодинаковый юридический и фактический статус. Развитие русского языка в течение двадцати лет, прошедших с этого момента, шло разными путями, и в последнее время появляется все больше публикаций, в которых обсуждается вопрос, как следует квалифицировать варианты русского языка, функционирующие на постсоветском пространстве. Одни авторы считают, что речь уже может идти о национальных вариантах русского языка, например, украинском [21] или казахстанском [10]. Другие полагают, что в настоящее время следует говорить, скорее, о формировании особых этноязыковых субкультур [14].

По мнению А. И. Домашнева, существует три основных типа происхождения национальных вариантов литературного языка:

1. Варианты литературного языка могут являться результатом формирования литературных норм на основе разных родственных диалектов.
2. Варианты языка могут развиваться в результате трансплантации языка в процессе миграции групп и коллективов его носителей.
3. Образование различий может быть обусловлено разъединением «коллектива сношений» (А. Бах), в результате чего речь обособившихся объединений приобретает свои характерные черты, даже если границы объединений остаются сопредельными. В данном случае речь идет о наведении политической границы в рамках единого языкового ареала, и как следствии этого, о развитии дифференциальных языковых черт, формирующих варианты нормы литературного языка [6, с. 859].

Рассматриваемая нами ситуация однозначно относится к третьему типу, что, однако, не может явиться основанием для безоговорочной квалификации функционирующих на территории постсоветского пространства вариантов русского языка как национальных

вариантов. Как мы указывали выше, для признания за идиомом этого статуса, необходимо наличие целого ряда условий. Посмотрим, соответствуют ли рассматриваемые варианты всем этим условиям. Одним из важнейших среди них является наличие юридического статуса. Таковой придан русскому языку только в трех государствах – в Белоруссии, Казахстане и Киргизии. Очевидно, что обсуждать проблему о национальных вариантах русского языка целесообразно лишь применительно к этим странам³. Надо сказать, что языковеды этих стран активно обсуждают проблему социолингвистического статуса русского языка. Так, например, Е. А. Журавлева пишет в этой связи: «Современный русский литературный язык, функционирующий в Казахстане... используется в устном бытовом общении; письменном неофициальном общении; на нем созданы и создаются художественные произведения различного жанра и общественно-политическая литература, пишутся научные труды, защищаются докторские и кандидатские диссертации, распространены средства массовой информации всех видов: пресса, телевидение, радио, Интернет; официальный статус русского языка в Казахстане закреплен «Законом о языках»; он используется на уровне межгосударственного общения... Особенностью русского полинационального языка, по отношению к другим полинациональным языкам, является то, что полинациональный характер русского языка проявляется не только в языке других этносов, использующих его в качестве родного, второго родного или языка межнационального общения, но и в языке этнических русских, проживающих в полиэтничных государствах, в частности, в Казахстане. Таким образом, согласно перечисленным параметрам, современный русский литературный язык является полинациональным языком и имеет свои национальные варианты, в частности, казахстанский вариант русского языка или русский язык в Казахстане» [10, с. 37]. Как явствует из этой цитаты, автор при определении национального варианта языка совершенно игнорирует такой принципиально важный параметр, как наличие у варианта кодифицированной нормы. Обходит стороной вопрос и о субъективном факторе – языковом самосознании носителей русского языка в Казахстане. Кроме того, в качестве аргумента в пользу признания существования казахстанского варианта русского приводит использование языка в качестве второго родного или языка межнационального общения инациональным населением. Как мы упоминали выше, разработчики концепции национальных вариантов языка постоянно подчеркивали, что этим термином может обозначаться только родной язык. Кстати сказать, словосочетание «второй родной язык» явно переключало из советского прошлого. Но и тогда оно носило ярко выраженный публицистический характер и не могло считаться термином.

Лингвисты Белоруссии высказываются более осторожно. «На фоне существующего в мире дивергентного развития языков, – пишет Б. Ю. Норман, – не исключено, что и тот региональный вариант русского языка, который мы имеем в Белоруссии, превратится (особенно с учетом его нынешнего государственного статуса) в особый национальный вариант русского языка» [17].

Также в качестве регионального варианта рассматривают русский язык в Киргизии некоторые языковеды этой страны [4, с. 169].

Нам близка более сдержанная позиция по рассматриваемому вопросу. Мы считаем, что говорить о том, что в Казахстане, Белоруссии и Киргизии сформировались национальные варианты русского языка пока рано, хотя предпосылки к этому определенно есть. Начнем со структурного аспекта, хотя он и не является, как мы писали выше, определяющим, тем не менее, у каждого лингвиста есть ощущение, что для признания идиома национальным вариантом необходимо наличие каких-то структурных отличий от языка-источника. Очевидно, что после распада Союза в государствах нового зарубежья представленным не только русский язык

³ На это обстоятельство уже указывали исследователи во время довольно жарких дискуссий о социолингвистическом статусе русского языка на Украине [2; 19].

в его строго нормированном варианте, но и региолекты, причем последние имели не столько диалектную окрашенность, как это происходило в русскоязычной части СССР, сколько особенности, обусловленные контактами с местными языками. Да и сам литературный язык, прежде всего, в устной речи образованного населения имел определенную местную специфику. Общеизвестно и то, что, например, произведения местных русскоязычных писателей были насыщены регионализмами, как правило, заимствованными из языков окружения. По мере усиления функциональной мощности титульных языков их влияние на русский язык будет усиливаться, и дифференциальные по сравнению с русским языком, функционирующим в России, черты будут углубляться. Кроме того, специфика общественного развития каждого из самостоятельных государств, на территории которых функционирует русский язык, постепенно ведет к разрушению общей когнитивной базы носителей языка [27, с. 127]. Следствием этого является не только проникновение в язык большого числа заимствований, но и изменение семантики исконных лексических единиц русского языка, нарастание полисемии, причем отдельные значения слова оказываются элементами вариантов русского языка, представленных в разных странах. Надо сказать, что этот процесс не является специфичным для развития языка на постсоветском пространстве. Он очень явственно проявился в немецком языке после образования двух немецких государств – ГДР и ФРГ. На наш взгляд, изучение процессов, произошедших в немецком языке за время существования этих стран, представляет для нас большой интерес, поэтому позволим себе остановиться на них более подробно. Как известно, ГДР просуществовала примерно в два раза дольше, чем государства нового зарубежья. Причем ГДР и ФРГ отличались друг от друга общественно-политическим устройством и находились в жесткой идеологической конфронтации. Таким образом, внешние факторы способствовали изменениям, прежде всего, лексико-семантической системы даже в большей степени, чем это происходит сейчас на постсоветском пространстве (правда, там на развитие немецкого языка не влияли контакты с иноязычным окружением). В результате функционирования немецкого языка в этих государствах в нем возникли все перечисленные выше явления, причем они носили гораздо более масштабный характер, чем это происходит в русском языке. Тем не менее, никто из серьезных, политически не ангажированных германистов не брал на себя смелость утверждать, что на территории двух германских государств функционируют два национальных варианта немецкого языка. Существовавшие варианты некоторые лингвисты предлагали именовать *немецкий язык в ГДР* и *немецкий язык в ФРГ* [33, с. 271]. В. Хартунг говорил о формировании *коммуникативных общностей на уровне государства* [34, с. 58, 66]. По мнению А. И. Домашнева, при анализе процессов, происходящих в немецком языке в ГДР и ФРГ, необходимо учитывать, что все известные национальные варианты европейских языков складывались и формировались практически вместе с процессом сложения и утверждения кодифицированных норм литературного языка, тогда как в случае с немецким языком ГДР и ФРГ речь идет о процессах, происходящих в условиях давно действующих кодифицированных норм немецкого языка. «Процесс языковой дивергенции, – пишет он, – происходит как бы на наших глазах и затрагивает речь носителей языка, уже владеющих единой нормой, в связи с чем происходящие определенные сдвиги в норме языка могут учитываться носителями языка лишь в динамике. Воспитывать же в духе этих нормализационных инноваций можно, прежде всего, подрастающее поколение в процессе обучения в школе. При таком статусе различительных черт в немецком языке ГДР и ФРГ носителю языка не всегда просто определить, вернее, осознать границы своего узуса на уровне того или иного немецкого государства. В равной мере затруднительно и внешнее опознание языкового узуса ГДР и ФРГ. Это означает, что в функциональном плане складывающиеся разновидности еще не являются достаточным средством языковой самоидентификации, тогда как литературная речь австрийца или германо-швейцарца идентифицируется безошибочно и беспрепятственно» [7, с. 911-912]. Как мы видим, формирование национального варианта языка снова тесно увязывается с языковым сознанием носителей. А о том, что структурная диверген-

ция в рассматриваемом случае не носила существенного характера, свидетельствует, в частности, и тот факт, что после объединения двух германских государств никаких коммуникативных сложностей при общении жителей бывшей ГДР и ФРГ не возникло.

Возвращаясь к русскому языку, отметим, что и в нем процессы дивергенции идут в условиях существования кодифицированной нормы, которой владеет значительное число граждан нового зарубежья, поскольку они учились в русскоязычных школах. Вопрос о том, как быстро может измениться эта норма, является достаточно непростым. Обычно норма литературного языка складывается в течение очень длительного времени. Но в современном мире, как известно, многие процессы идут значительно быстрее, чем раньше. Кроме того, на норму в настоящее время воздействует несколько разнонаправленных факторов. В большинстве стран нового зарубежья русские в полной мере приобщены к российским средствам массовой коммуникации, литературе, выходящей в России, и т. д. Многие носители русского языка имеют непосредственные контакты с населением РФ. Все это должно определенным образом тормозить дивергентные процессы. Во-вторых, сама норма русского языка в современной России находится в весьма расшатанном состоянии, чему, кстати сказать, в немалой степени способствуют упомянутые средства массовой коммуникации, включая Интернет. Естественно, что такое состояние нормы облегчает проникновение разного рода новаций. И, наконец, в третьих, носители русского литературного языка в России зачастую проявляют излишнюю толерантность к воздействию на русский язык извне. Видимо, из соображений политкорректности в официальном словоупотреблении вошли такие новации, совершенно противоречащие орфографическим нормам русского языка, как *Беларусь* и *Кыргызстан* (интересно, что такую форму написания названия этих государств уже не исправляет компьютерная программа). Нередко даже в лингвистических работах можно встретить *кыргызский язык* (правда, это название мой компьютер еще подчеркивает красным!). В современных текстах, пожалуй, чаще встретишь *в Украине*, чем *на Украине*. Таких примеров пока не так много, но тенденция уже видна. Как это ни парадоксально, но такая «гибкость» русского языка затрудняет образование национальных вариантов, им трудно оторваться от языка-источника.

Но даже если на территории Белоруссии, Казахстана и Киргизии сформируются варианты русского языка, достаточно устойчивые и распространенные для того, чтобы претендовать на получение нормативного статуса, возникает вопрос, кто будет кодифицировать новые нормы. Право утверждать нормы литературного языка, а также вносить в них изменения и дополнения, делегировано и в России, и в других странах национальным академиям [3, с. 50]. Но указанные государства, что совершенно естественно в существующей языковой ситуации, гораздо больше озабочены проблемой расширения функций языков титульных этносов, их описанием и кодификацией, чем кодификацией вариантов русского языка, представленных на их территориях.

Существует и еще одна проблема. Как будет происходить процесс кодификации, даже если возникнут структуры, которые возьмут на себя труд этим заниматься? В государствах, где проживает большое число русскоязычных граждан, расселенных на обширных территориях, русский язык, по-видимому, также подвержен определенной дифференциации. Так, например, фонетические особенности речи, о которых часто говорят сторонники существования национальных вариантов русского литературного языка, обычно формируются под влиянием произносительной специфики вариантов родного языка, используемого местным населением. А эти варианты в разных частях страны могут существенно отличаться друг от друга. И это определяет возникновение разного рода субвариантов русского языка. Какой из них будет положен в основу национального варианта русского литературного языка? По каким принципам он будет выбираться? История становления норм старописьменных литературных языков показывает, что, как правило, это сложный и длительный процесс. Часто он проходил в условиях противоборства различных вариантов. И в конечном итоге выбор одного из них в качестве

основы кодифицированной нормы определялся совокупностью объективных и субъективных факторов. В рассматриваемой нами ситуации временные рамки существенно сжаты. И в определенном смысле процесс нормализации, по-видимому, будет аналогичен процессу нормализации новописьменных языков. В них, как известно, нормы не формировались в течение длительного периода, а именно создавались в короткие сроки часто группами энтузиастов. Они разрабатывали письменность, создавали словари, учебники для начальной школы. Таким образом, одновременно осуществлялся и процесс кодификации. Очень часто в качестве опорного диалекта при этом выбирался родной диалект создателей письменной формы языка. Причем это даже трудно поставить им в упрек, поскольку никакие объективные критерии выбора опорного диалекта в большинстве таких случаев не работали – все диалекты обладали малой демографической и функциональной мощностью и низким социальным престижем. Но эти соображения мало волновали носителей языка. Они просто отказывались использовать письменный язык, который отличался от их родного диалекта [11]. Не получится ли так же с нормированием и кодификацией русского литературного языка?

Теперь обратимся к вопросу о самосознании носителей русского языка в Белоруссии, Казахстане и Киргизии. Как и во всяком многонациональном государстве, там естественно проводится политика по формированию у населения идеологии единого народа. В Советском Союзе это был единый советский народ, в России – это россияне, в Казахстане соответственно – казахстанский народ и т. д. Нам, к сожалению, неизвестны какие-либо социологические исследования по вопросу о том, насколько успешно идет этот процесс в каждом из рассматриваемых государств. Но можно предположить, что, по крайней мере, с течением времени такое самосознание сложится, русские в этих государствах будут ощущать свою «особость», отличающую их от российских русских, и это даст мощный толчок к формированию в этих странах национальных вариантов русского языка.

Теперь обратимся к ситуации в тех странах нового зарубежья, где русский язык не имеет юридического статуса. Как мы указывали выше, квалифицироваться в качестве национального варианта он не может, более того, для этого нет предпосылок и в будущем, по крайней мере, до тех пор пока он не получит юридического статуса (что для большинства этих стран мало вероятно). В то же время вряд ли его можно рассматривать и как островной язык. Носители русского языка обычно проживают в крупных городах, расселены там достаточно дисперсно, используют в повседневной жизни литературный язык. Таким образом, достаточно очевидно, что бытование русского в этих странах коренным образом отличается, например, от русского языка старообрядцев, проживающих в Южной Америке, где он действительно является в полном смысле островным языком. Здесь, впрочем, как и в описанной выше ситуацией в Белоруссии, Казахстане и Киргизии, мы сталкиваемся с определенной терминологической лакуной. Именоваться существующие на постсоветском пространстве варианты языка *региональными вариантами* не совсем корректно, поскольку речь идет не о регионах одной страны, а о вариантах языка, представленных в самостоятельных государствах. Б. Ю. Норман вводит обозначение *нациолект*, правда, понимая его как синоним *национального варианта языка* [17, с. 115]. В принципе, поскольку пока это обозначение не устоялось, ему можно было бы придать и другой смысл и употреблять именно для дифференциации таких явлений, как национальные варианты языка и бывшие региональные варианты, которые функционируют ныне на территориях нескольких государств, именуя последние *нациолектами*. При этом нациолект будет родовым обозначением двух видов явлений – вариантов, которые потенциально могут стать национальными вариантами языка, и вариантов, которые в существующей экстралингвистической ситуации таких перспектив не имеют. Кстати сказать, второй компонент этого сложного слова удачно вписывает его в традиционный ряд обозначений некодифицированных вариантов языка – диалект, региолект, социолект. Некоторые сомнения

вызывает, однако, первый компонент. Дело в том, что в русском языке слово *нация* имеет два значения: 1. Исторически складывающаяся... устойчивая общность людей, связанная с общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и форм быта. 2. Государство, страна [23, с. 414]. И не совсем очевидно, какое из этих значений актуализируется в рассматриваемом сложном слове⁴. Учитывая остроту политических баталий в некоторых постсоветских государствах, можно предположить, что будет дискутироваться именно первое значение слова⁵. Чтобы избежать подобной двойственности, мы считаем целесообразным предложить для обозначения рассматриваемых явлений термин *статолект*. Этот термин достаточно широко распространен в романистике. Правда, под статолектом там понимаются варианты стандартного (т. е. кодифицированного – Т. К.) языка, распространенного в разных государствах [16, с. 55]. Однако, в российской лингвистической литературе, за исключением некоторых работ, посвященных описанию языковых ситуаций в романских странах, он практически не употребляется. Не приведен он ни в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», ни в «Словаре социалингвистических терминов» [15; 24]. Его внутренняя форма достаточно прозрачна и вполне соответствует сути описываемых лингвистических идиомов. Статолекты – это некодифицированные варианты некоего языка, функционирующие в нескольких государствах. В связи со сказанным очевидно, что требуется термин и для обозначения языка, который наряду с кодифицированной формой, функционирующей на территории, условно говоря, метрополии (этот термин в описываемой нами ситуации, видимо, также не совсем уместен), представлен и в виде статолектов, поскольку термин полинациональный язык традиционно используется для именования языка, реализующегося в виде национальных вариантов. В качестве такового можно было бы предложить термин плюрицентрический язык. Он был введен немецким лингвистом Г. Клоссом и употреблялся им по существу в качестве синонима полинационального языка [35]. Термин этот практически не употребляется в русскоязычной научной литературе, что, на наш взгляд, позволяет вложить в него новое содержание, не опасаясь возникновения многозначности.

Следует отметить, что в постоянно меняющемся мире возникают все новые и лингвистические, и социалингвистические явления, которые невозможно описать в рамках существующего терминологического аппарата, что требует его расширения. Предложенные нами дополнения также нельзя считать исчерпывающими и окончательными. Так, например, нельзя полностью исключать возможность кодификации вариантов русского языка не только в тех странах, где он является государственным или официальным, но и там, где он такого статуса не имеет. Последнее представляется сейчас очень маловероятным, но в жизни иногда реализуются предположения, еще недавно казавшиеся фантастическими. В этом случае придется разрабатывать еще более дробную классификацию языков, распространенных на территориях нескольких государств, что потребует и уточнения существующей терминологии, и введения новых терминов.

В заключение позволим себе привести еще одну цитату из работы А. И. Домашнева. «Неидентичность немецкого языка на всей территории его распространения, – писал он, – ни у кого не вызывает сомнения. Вся трудность состоит в том, как оценить ее на уровне

⁴ Данное высказывание, правда, свидетельствует, скорее, не о самосознании носителей идиома, а об оценке его «со стороны», но достаточно очевидно, что если уже факт диверсификации признан извне, то это отражает и позиции носителей.

⁵ Надо сказать, что это уже происходит. Так, например, Л. А. Кудрявцева пишет, что понятие «национальный вариант русского языка» может быть употреблено только в том случае, если население той или иной страны самоопределилось как отдельная нация, отличная от нации метропольного использования языка» [13]. Как справедливо отмечает О. Г. Ровнова, слово *fabèl i fàèù ùé* оказывается здесь ложно ориентирующим [20, с. 52].

кодифицированной нормы и как следует терминологически интерпретировать реализуемые разновидности единого немецкого языка в различных немецкоязычных национально-государственных общностях» [7, с. 914]. Как нам кажется, сказанное в полной мере применимо к современному русскому языку и проблеме описания разных ипостасей его бытования в современном мире.

Источники и литература

1. Бондаренко Е. М. Формирование стандарта канадского варианта английского языка в рамках североамериканского языкового континуума / Е. М. Бондаренко // *Язык и культура*. – Самара: СамГУ, 1999. – С. 64-68.

2. Дель Гаудио С. Об украинском варианте русского языка: спорные вопросы / С. Дель Гаудио // *Георусистика. Первое приближение*. – Симферополь, 2010. – С. 69-74.

3. Демьянков В. З. О стратегиях нормирования русского литературного языка / В. З. Демьянков // *Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко*. – М., 2008. – С. 50-61.

4. Дербишева З. К. Коммуникативный и когнитивный потенциал языков Кыргызстана / З. К. Дербишева // *Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция. Доклады и сообщения*. – М., 2010. – С. 166-169.

5. Домашнев А. Д. К истории создания концепции национального варианта языка / А. Д. Домашнев // *Домашнев А. Д. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. – С.-Петербург, 2005. – С. 918-928.

6. Домашнев А. Д. Основные характеристики понятия «национальный вариант литературного языка» / А. Д. Домашнев // *Домашнев А. Д. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. – С.-Петербург, 2005. – С. 857-862.

7. Домашнев А. Д. Основные черты полинациональных языков / А. Д. Домашнев // *Домашнев А. Д. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. – С.-Петербург, 2005. – С. 901-918.

8. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / А. И. Домашнев // *Домашнев А. И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. – С.-Петербург, 2005. – С. 31-212.

9. Домашнев А. И. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи / А. И. Домашнев, Л. Б. Копчук // *Домашнев А. И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. – С.-Петербург, 2005. – С. 316-424.

10. Журавлева Е. Д. Вариативность как основной признак мировых языков / Е. Д. Журавлева // *Георусистика. Первое приближение*. – Симферополь, 2010. – С. 29-39.

11. Крючкова Т. Б. Диалектная дифференциация языка и проблема создания письменности / Т. Б. Крючкова // *Язык в контексте общественного развития*. – М., 1994. – С. 125-129.

12. Крючкова Т. Б. Еще раз о проблеме соотношения язык/диалект / Т. Б. Крючкова // *Миноритарные языки Евразии в условиях регионализации и глобализации*. – М., 2008. – С. 59-71.

13. Кудрявцева Л. А. Пресс-релиз по итогам IV Международной конференции «Русский язык в поликультурном мире» (Ялта, 8-10 июня 2010 г.) / Л. А. Кудрявцева / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marpyal.org/content/> (10.05.2011).

14. Ли В. С. О лингвистическом статусе русского языка в Казахстане (к вопросу о языковых культурах и языковых субкультурах) / В. С. Ли // *Язык и общество в современной России и других странах*. – М., 2010. – С. 39-42.

15. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 686 с.

16. Нарумов Б. П. Основные особенности языка романской стандартологии // Формы дифференциации языка в зеркале национальных терминологических традиций. – М., 2002. – С. 46-63.
17. Норман Б. Ю. О лексико-семантических сдвигах в белорусском варианте русского языка / Б. Ю. Норман // Проблемы лексической семантики. Тезисы докладов. Девятые Шмелевские чтения. – М., 2010. – С. 34-52.
18. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – 597 с.
19. Плужникова Т. И. К вопросу о национальных вариантах языка / Т. И. Плужникова // Георусистика. Первое приближение. – Симферополь, 2010. – С. 117-121.
20. Ровнова О. Г. Идеи георусистики глазами диалектолога / О. Г. Ровнова // Георусистика. Первое приближение. – Симферополь, 2010. – С. 50-68.
21. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7-10.
22. Семенец О. Е. Социальный контекст и языковое развитие. Территориальная и социальная дифференциация английского языка в развивающихся странах / О. Е. Семенец. – Киев, 1985. – 174 с.
23. Словарь русского языка в 4-х томах / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – М., 1982. – Т. 2. – 736 с.
24. Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
25. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. – М., 1976. – 224 с.
26. Сулейменова Э. Д. Словарь социолингвистических терминов / Э. Д. Сулейменова, Н. Ж. Шаймерденова, Ж. С. Смагулова, Д. Х. Аканова. – Алматы, 2007. – 330 с.
27. Титаренко Е. Я. Об изучении и описании национального украинского варианта русского языка / Е. Я. Титаренко // Русский язык в поликультурном мире: III Международная научно-практическая конференция. Сб. науч. Тр. – Киев – Ялта, 2010. – С. 127-131.
28. Чердниченко А. Я. Язык и общество в развивающихся странах Африки / А. Я. Чердниченко. – Киев, 1983. – 166 с.
29. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии / А. Д. Швейцер. – М., 1971. – 200 с.
30. Эдельман Д. И. К проблеме «язык» или «диалект» в условиях отсутствия письменности / Д. И. Эдельман // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980. – С. 127-147.
31. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка / В. Н. Ярцева. – М., 1969. – 286 с.
32. Andersson S.-G. Deutsche Standardsprache – drei oder vier Varianten? / S.-G. Andersson // Muttersprache, 1983. – H. 5/6. – S. 259-283.
33. Fleischer W. Zum Begriff «nationale Variante einer Sprache» in der sowjetischen Soziolinguistik / W. Fleischer // Linguistische Arbeitsberichte. – Leipzig, 1984. Bd. 43. – S. 63-73.
34. Hartung W. Podiumsgespräch: Nationale Varianten der Deutschen Sprache / W. Hartung // VII Internationale Deutschlehrertagung, 4-8 August 1986: Tagungsbericht. – Bern, 1986. – S. 57-58.
35. Kloss H. Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800 / H. Kloss. – Duesseldorf, 1978. – 214 p.
36. Polenz P. von. «Binnendeutsch» oder plurizentrische Sprachkultur / P. Polenz // Ztschr. fuer germanistische Linguistik. 1988 N16 (2). – S. 198-218.
37. Wiesenger P. Deutsche Sprachinseln / P. Wiesenger // Lexikon der Germanistischen Linguistik. – Tuebingen, 1980. – S. 491-500.

Казахстанский вариант русского языка: мониторинг функционирования

Любой исторически сложившийся развитый национальный язык является неоднородным, представляя собой достаточно сложную, многоступенчатую систему – совокупность форм, в которых он существует и проявляется. Это положение особенно актуально для языков мирового уровня, которые развиваются, в том числе, и вне территории их исконного распространения и используются представителями нескольких этносов.

Языки, имеющие несколько центров развития, в которых формируются национальные варианты с собственными языковыми процессами, собственными нормами и определенным официальным статусом, в лингвистике принято называть полинациональными. Характерной чертой их является «национальная вариативность», то есть вид манифестации определенной языковой системы в соответствующем национальном центре. Национальный вариант – это форма адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям наций – носителей данного языка, иными словами, национальный вариант является особой формой функционирования единого литературного языка в условиях самостоятельного «коллектива сношений», нации – носителя данного языка. В настоящее время понятие «национальный вариант» может быть применимо и к многомиллионной армии носителей русского языка, для которых он является родным, то есть национальный вариант русского языка формируется и у этнических русских, проживающих вне России. Географические, политические, экономические, социокультурные особенности накладывают отпечаток на все ярусы языка этнических русских и людей других национальностей, считающих русский язык родным, что и приводит к формированию в русском языке вариативного слоя, при сохранении ядра. Безусловно, большую часть изменений принимает на себя лексический ярус, что проявляется в расширении его объема и в дальнейшем влияет на другие ярусы, в частности, морфологический и фонетический.

Каждый из полинациональных языков имеет специфические черты, которые не всегда проявляются рельефно и имеют заметный отличительный характер, они могут касаться одного или нескольких ярусов языка. Русский язык, как мировой язык, активно используемый в разных странах, развивающийся в окружении разных инонациональных языков, приобретает качества полинационального, поскольку в каждом конкретном государстве отражает реалии окружающей его действительности и испытывает на себе влияние близкого контактирующего языка (языков).

Активные языковые контакты, межэтническая интеграция, правовой статус и масштабы функционирования русского языка во всех сферах официальной и общественной жизни Казахстана позволяют характеризовать русский язык как полинациональный.

Общая характеристика использования русского языка в Казахстане

Казахстан, как и многие страны в современном мире, – полиэтничное государство, в котором функционируют и развиваются многие языки и культуры, их взаимодействие влияет на формирование единого понятийного базиса носителей языков, актуального именно для данного социума.

Исследуя процессы взаимодействия языков, ученые расходятся во мнениях, от убеждения в том, что различные культуры используют разные понятия, в силу чего порождают совершенно особые ментальности, до уверенности в том, что за разнообразием культур стоит единый,

универсальный набор базовых понятий. При этом обе точки зрения не противостоят в одном: взаимопроницаемость языков и культур существует. Универсальность языков и культур основывается и ограничивается базисом, набором универсалий. Поскольку общий базис – лишь часть целой национальной языковой картины мира, то все, что находится за пределами единого понятийного базиса, то есть «все национально-специфические нюансы мироосмысления, мирочувствования и мирооценки накладывается на универсальную логико-понятийную основу и образуют ту часть национальной языковой картины мира, которая и несет на себе национальную специфику» [12, с. 144]. Может ли данная сфера быть проницаемой для носителей другой культуры и другого сознания? Некоторые ученые склоняются к тому, что это невозможно.

Однако опыт изучения полинациональных языков, и, прежде всего, русского языка в странах СНГ, а также анализ национальной картины мира представителей одного этноса, долгое время проживающего в окружении другого этноса, позволяет сделать вывод, что и эта специфическая сфера проницаема. Вопрос лишь в том, какова степень этой проницаемости.

Безусловно, важно учитывать, что принцип главенства детали, нюанса, пропорции над всеохватывающей универсальностью прослеживается и на более высоком по отношению к языку уровне абстракции – на уровне сравнения не языковых систем, а национальных характеров носителей этих языков.

О. А. Корнилов указывает, что узнать и понять национальную языковую картину мира чужого языка с позиции собственного языкового сознания, то есть как бы со стороны, накладывая постоянно фрагменты чужой национальной языковой картины мира на фрагменты национальной языковой картины мира своего языка, практически невозможно, поскольку «познание неведомого будет подменено поиском эквивалентов /как правило, мнимых/ в собственной языковой картине мира» [14, с. 146]. Данная точка зрения имеет много сторонников, но применима она именно к изучению *чужого* языка, когда все, что он привносит, рассматривается несколько отстраненно. В ситуации же полинациональных языков подход к этому вопросу несколько иной. Познание идет как бы изнутри незнакомой модели мира, сознание человека шаг за шагом осваивает и воспринимает единицы и концепты другого языка вне сравнения с моделью, которая сформировалась в сознании вместе с овладением родной речью. Таким образом, носитель русского языка в инонациональном окружении через лексическую систему расширяет свое представление о национальной ментальности, национальной логике, эмоциях и средствах их выражения, нравственных приоритетах и т.д. Изучение полинациональных языков помогает облегчить путь тем, кто попадает в ситуации, когда необходимо если не полностью овладеть другими мировидениями, то хотя бы познакомиться с ними, изучить и понять отдельные их стороны, отдельные черты национального характера и национального менталитета, сжиться с ними. Для современных полиэтничных государств это знание совершенно необходимо.

Появление любого нового знания свидетельствует о тех или иных изменениях, произошедших или совершающихся в картине мира и языковой картине, в том числе. «Анализ заимствований как формы языкового отражения изменений картины мира доказывает то, что они в этом отношении абсолютно идентичны словам автохтонным <...> слова потому и заимствуются из других языков, чтобы быть включенными в общую номинативную систему» [11, с. 108]. Эта особенность заимствования реалий и называющих их слов становится востребованной в периоды расширения культурных контактов и усвоения чужого опыта, к которым, без сомнения, относится и нынешняя эпоха, эпоха открытия границ и создания ряда суверенных государств. «Иноязычное слово, обозначающее через понятие или концепт чужую реалию, приближает ее к носителям заимствующего языка, тем самым позволяя преодолевать изолированность национальных картин мира» [11, с. 111]. Собственно действительность (экзистенциальная компетенция) людей, применяющих русский язык в разных социокультурных пространствах, также различается. Это отмечается в работах уче-

ных, исследующих национальные варианты мировых языков. Это же мы видим и на материале русского языка, функционирующего вне России, особенно в государствах постсоветского пространства, в которых русский язык до настоящего времени используется широко в качестве языка межнационального общения либо закреплён законодательно.

Таким образом, состояние русского языка на рубеже веков можно исследовать с четырёх позиций: язык исконной территории проживания этноса, язык стран дружества, язык иммигрантов и иностранный язык.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют процессы развития и функционирования русского языка на территории постсоветского пространства. Учёт многофункционального состояния русского языка, обслуживающего одновременно несколько национально-государственных общностей (в республиках Российской Федерации и государствах-участниках СНГ и Балтии), многомерное описание его существования на протяжении XX века представляются основанием для проникновения в сущность языковой системы современности и постижения специфики русского языка как полинационального: социального статуса языкового варианта в конкретном обществе, выполняемые им социальные функции и структуру национального варианта.

Геополитические условия и коммуникативно-языковое пространство, в котором в настоящее время функционирует русский язык, определяют пути его развития. Особое значение в этом плане имеет статусное положение русского языка в новых независимых государствах и сферы его использования. Русский язык, не являясь государственным языком в большинстве стран постсоветского пространства (исключая Беларусь), используется в качестве языка межнационального общения, а также изучается в общеобразовательных учреждениях данных государств как родной, как второй и/или иностранный язык.

Важно отметить, что особенностью русского полинационального языка по отношению к другим полинациональным языкам является то, что он проявляется не только в языке других этносов, использующих его в качестве родного, во внутриэтническом или межнациональном общении, но в языке этнических русских, проживающих в полиэтничных государствах, в частности в Казахстане. Казахстан с полным правом можно назвать живой лабораторией для изучения данной проблемы, поскольку он представляет собой уникальную социально-территориальную общность, где существуют и взаимодействуют языки разных этносов, прежде всего казахского и русского.

Отграничение национального варианта от других языковых образований решающее значение имеет его функциональный аспект. Современный русский язык Казахстана используется в следующих важнейших функциях: устный бытовой общении; письменном официальном и неофициальном общении: на нем созданы и создаются художественные произведения различного жанра и общественно-политическая литература; письменном научном общении: пишутся научные труды, защищаются докторские и кандидатские диссертации; средствах массовой информации всех видов: пресса, телевидение, радио, Интернет; официальный статус русского языка в Казахстане закреплён «Законом о языках»; используется на уровне межгосударственного общения.

Современное общественное развитие подтверждает, что проблема функционирования нескольких языков на территории одного государства – одна из важнейших социолингвистических проблем. Статус и сферы использования русского языка в Казахстане, как ни в какой другой стране, позволяют говорить о формировании казахстанского варианта русского языка. Национальный состав жителей Казахстана складывался в течение столетий. Согласно данным «Демографического ежегодника регионов Казахстана» [7, с. 392] за 2007 год, в Казахстане проживает 15.396.878 человек разных национальностей (казахи – 59,18%; русские – 25,63%; другие национальности – 15,19%, среди них украинцы – 2,86% – занимают третью позицию по численному составу). Таким образом,

количество языков, на которых говорит население, существенно отличается, что отражается в разной широте использования языков, в наличии у языков большего или меньшего количества общественных функций. Этнический состав является той макроструктурой, которая определяет количество компонентов социально-коммуникативной системы, то есть количество языков, функционирующих в стране, а также экстенсивность и интенсивность их применения. В настоящее время в социально-коммуникативной системе Казахстана «лидируют по количеству говорящих на них» казахский и русский языки, локально используются языки диаспор.

В советский период в Казахстане доминирующее положение, как и во всем СССР, занимал русский язык. С приобретением Казахстаном суверенитета приоритеты языковой политики государства определяются стремлением соответствовать потребностям полиэтничного населения страны, учитывать особенности языковой, демографической и политической ситуации и сохранить стабильность межнациональных отношений. Геополитические изменения повлекли за собой коренные преобразования в русском коммуникативно-языковом пространстве страны. В настоящее время в языковом законодательстве статус русского языка определяется следующим образом:

- Конституция Республики Казахстан, 1995 г., статья 7: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык».
- Закон Республики Казахстан № 151-1 от 11.07.1997 г. «О языках в Республике Казахстан», статья 5: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык».
- Указ Президента Республики Казахстан № 550 от 07.02.2001 г. «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001-2010 годы», задача Программы: «обеспечение функционирования русского языка в качестве языка, официально употребляемого в государственных организациях и органах местного самоуправления; научно-лингвистическое обеспечение функционирования русского языка».
- Указ Президента Республики Казахстан № 110 от 29.06.2011 г. «О Государственной программе развития и функционирования языков на 2011-2020 годы». Выдержки из данной программы:

«Цель 4. Развитие лингвистического капитала казахстанцев <...> «предполагает организацию системной работы по сохранению функционирования русского языка в коммуникативно-языковом пространстве Казахстана <...>

Первое направление. Сохранение уровня владения русским языком казахстанцами.

Пути достижения и система мер:

1. Дальнейшее учебно-методическое и интеллектуальное обеспечение системы обучения русскому языку

- 1.1. Создание новых программ дистанционного обучения, учебно-методической литературы, электронных интерактивных учебников, мультимедийных и технических средств обучения (МОН, МК).
- 1.2. Улучшение качества преподавания русского языка в национальных школах путем внедрения инновационных методов обучения русскому языку (МОН).
- 1.3. Создание курсов и центров обучения русскому языку для репатриантов, иностранцев и др. слоев населения (МОН, МК, МИД, МТСЗН).
- 1.4. Постоянный мониторинг образовательных стандартов и программ, учебников и учебных пособий с привлечением экспертного сообщества (МОН, МК).
- 1.5. Проведение мониторинга владения населением русским языком (Агентство по статистике).

2. Информационная поддержка функционирования русского языка
- 2.1. Организация направления преподавателей и учителей русского языка, в т. ч. национальных школ и школ с казахским языком обучения, на повышение квалификации в ИПК, научно-образовательные центры Российской Федерации с широким освещением мероприятий (МОН, МИД).
3. Профессиональное обучение и квалификационное совершенствование преподавательских кадров
  - 3.1. Обеспечение представленности русского языка в информационном поле Казахстана.
  - 3.2. Организация культурных (конкурсы, фестивали и т.д.) и образовательных мероприятий (олимпиады, викторины), направленных на повышение интереса населения к русскому языку (МК, МОН, МИО)».

Объявленный в документах статус русского языка отражает его востребованность в республике как носителя значительного объема научной и культурной информации. Как показывают результаты многочисленных исследований, русским языком, помимо этнических русских, владеют 54,8% населения Казахстана; если учесть русских, то в сумме число владеющих русским языком составит 84,75% (12,673 млн. чел.).

Русский язык в Казахстане используют следующие группы населения:

- Русский этнос → монолингвы (реже билингвы с казахским языком), осознанно впитавшие концепты близкостоящего языка и отражающие в русском языке реалии окружающей действительности (социально-политической, географической, культурной жизни);
- Казахский этнос → билингвы (в преобладающем большинстве), использующие в русской речи понятия родного языка и концептуальные единицы в силу автоматического переключения кода;
- Другие национальности (более 100), проживающие в Казахстане в зависимости от разных причин и временной протяженности → монолингвы (русский язык) и билингвы (родной язык, реже казахский язык), использующие русский язык в качестве родного, во внутриэтническом и межнациональном общении, кроме казахских концептов и реалий окружающей действительности включающие в свою речь единицы этнического языка.

Для адекватного представления языковой ситуации важно знать, в каких сферах общения используется русский язык и социальные условия его функционирования. К наиболее значимым относятся сферы общественно-политической деятельности, образования и науки, массовой коммуникации, художественной литературы. Рассмотрим более подробно некоторые из них:

Сфера образования. Русский язык в Казахстане является обязательной частью единого государственного образовательного стандарта. Функционирование русского языка осуществляется в двух различных по целям, масштабам и структуре секторах:

1. Русский язык в образовательных учреждениях всех типов и уровней как язык обучения: в школах с русским языком обучения, «русских» отделениях средних специальных, высших учебных заведений, в аспирантуре, докторантуре.

2. Русский язык в образовательных учреждениях всех типов как предмет изучения: как второй (неродной) язык для школ с нерусским языком обучения; для казахских отделений средних специальных, высших учебных заведений, аспирантуры и пр.; как иностранный для казахов-оралманов и граждан зарубежных стран.

По данным статистического сборника «Образование в Республике Казахстан» за 2006 год, численность школьников, обучающихся на русском языке, в 2005-2006 учебном году составила 1.102.224 человека. Для сравнения: на казахском языке в этом же году обучалось 1.600.206 человек [20, с. 38].

В 652 дошкольных организациях, в которых общение с детьми ведется только на одном языке, численность детей – 79,1 тыс. человек, из них на казахском языке – 31,6 тыс. человек, на русском – 47,4 тыс. человек. В 523 дошкольных организациях, где общение с детьми ведется на нескольких языках, численность детей – 106,3 тыс. человек, из них на казахском языке общаются 44,6 тыс. детей, на русском – 61,4 тыс. детей [20, с. 27].

Высшее образование. Распределение численности студентов по языкам обучения по Казахстану в 2005-2006 учебном году: всего обучалось 775.762 студентов, из них на казахском языке – 330.199 человек; на русском языке – 438.032 человек [20, с. 83]. В системе послевузовского образования – магистратура, аспирантура, докторантура – обучение проводится как на казахском, так и на русском языке.

Количество часов, отводимых на изучение русского языка в школах с русским языком обучения, совпадает с количеством часов, отводимых на изучение казахского языка в школах с казахским языком обучения.

Количество часов, отводимых на изучение русского языка как предмета изучения в школах с казахским языком обучения, совпадает с количеством часов, отводимых на изучение казахского языка как предмета изучения в школах с русским языком обучения.

Такая же симметричность наблюдается в вузах: русский и казахский языки – это дисциплины базового компонента государственного стандарта для бакалавриата.

Сфера массовой коммуникации. По данным Комитета по языкам Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан, в республике свыше 70% из почти 1700 печатных изданий и более 80% из 120 электронных СМИ выходит на русском языке, книжный рынок заполнен русскоязычной литературой, доступны российские теле- и радиоканалы. Только за 2005 год в Казахстане на русском языке издавалось 485 газет и 206 журналов; на русском и казахском языках – 100 газет и 190 журналов; на электронных носителях – 50% на 50%. На русском языке создаются художественные прозаические и поэтические произведения. Широко используется русский язык в сфере книгопечатания, работают издательства. Функционируют театры.

Сфера делопроизводства. Под сферой делопроизводства подразумевается всевозможная документация и переписка государственного, правового, хозяйственного и культурного характера. Это одна из важнейших сфер человеческой деятельности, в которой тоже в настоящее время применяется русский язык. В Казахстане делопроизводство в настоящее время ведется на двух языках: казахском и русском. Русский язык используется в процессе развития экономических связей с Россией и другими странами СНГ как наиболее приемлемый для обеих сторон.

Таким образом, заявленный в основных документах Республики Казахстан статус русского языка отражает его высокую востребованность как языка, который наравне с государственным языком официально употребляется всеми группами населения во всех сферах общения.

Сферы использования русского языка в Казахстане формируют собственную социофункциональную модель, то есть совокупность форм существования языка, в рамках которой реализуются речевые потребности данного социума во всех жизненных ситуациях и позволяют считать русский язык Казахстана одним из национальных вариантов.

Вариант как форма приспособления структурно единого языка к потребностям коммуникации внутри отдельной национальной или государственной общности всегда характеризуется не только определенным количеством субстанциональных инноваций, в том числе иноязычного происхождения, но и заметным числом функциональных смещений общеязыковых единиц. Указанные смещения могут быть троякого рода: 1) смещение во времени (или диахроническое), при котором языковой элемент, свойственный предшествующему состоянию языка в первичном ареале, сохраняется и ведет активное существование в его вторичном/вторичных ареалах; 2) смещение в пространстве, вызываемое снятием территориальных ограничений с употребления языковых единиц во вторичном ареале, по сравнению с первичным; 3) смещение

по стратам, выражающееся в повышении или понижении уровня функционирования той или иной единицы [24, с. 10]. Данные процессы наблюдаются в русском языке Казахстана, что ярко выражено в насыщенности лексической системы единицами, отражающими реалии данного сообщества и освоенной заимствованной лексикой из казахского языка.

Для обозначения соответствующих языковых единиц в русском языке Казахстана нами принимается термин «регионализм» в тех случаях, когда эти единицы находятся либо в оппозиции общеупотребительному литературному стандарту, либо расширяют его границы. Словарный состав казахстанского варианта русского языка является репрезентативным для всех национальных разновидностей – состоит из трех основных слоев: лексики литературного уровня, обиходно-разговорных лексических единиц и, гораздо реже, диалектных слов. Тот факт, что диалектная система достаточно слабая, не развивается, не проявляет ярко определенные черты того или иного говора (диалекта), особенности говоров не закрепляются со временем, а, наоборот, размываются, нивелируются, является, на наш взгляд, тоже весьма показательным в пользу развития национального варианта – казахстанского варианта русского языка. Диалекты могут сохраняться только на исконной территории функционирования языка.

Практику использования в русской речи лексических единиц казахского языка можно назвать типичным явлением для настоящего времени, поскольку действительность, окружающая носителя языка, требует употребления адекватных для ее отражения средств. Мы сталкиваемся с проблемой «языкового дефицита», под которым понимается нехватка языковых средств для адекватного функционирования языка в определенной сфере. Благодаря регулярности и частотности воспроизведения данные единицы теряют свой «чуждый» характер и воспринимаются как естественные компоненты лексической системы родного языка. Приведем несколько характерных примеров, выявленных из газетных текстов:

«Ужесточить закон, чтоб с *барымтой* покончить. ... во многих аулах так и делают... Однако и это вряд ли станет для *барымтачей* серьезной неприятностью... полицейские взяли шайку *барымтачей*. ... на дело выезжали в дальние *аулы*. ... На смену разоблаченным *барымтачам* приходят десятки новых...» (авт. В. Ли. Казахстанская правда, 2006.03.10);

«Зачарована звуками *домбры*... *Акынов* Казахстана и Кыргызстана объединяют... В соседней *юрте* гостей пением встречали *акыны*... Ценность раритетных фонограмм в том, что как исполнитель *кюев* на *домбре*. ... каждый кюйши передает свое понимание произведения... я спросил заместителя акима области...» (Казахстанская правда, 2006.09.28);

«... местными представительными органами в нашей стране являются *маслихаты* ... активность *маслихатов* зависит от ... документы примет *маслихат* ... являясь депутатом *городского маслихата* ... в прошлом созыве *столичного маслихата* ... между избирателями и *маслихатом* ... по предложению *депутатов маслихата* ... на *сессиях маслихата* ... совершенствование работы *маслихата* ... на *сессиях маслихата* депутаты...» (Казахстанская правда, 2007.03.10);

«Горячий» день *акимата*... Сразу два пожара произошли в здании акимата Алматы в минувшую среду... появилась информация о ночном пожаре в здании Алматинского городского *акимата*. Наши попытки в тот же день дозвониться до пресс-секретарей *акимата* оказались безуспешными... фасад *акимата* над окнами сильно закоптился... которая находится напротив здания *акимата*... к *акимату* одна за другой подъезжают пожарные спецмашины... Пожар на шестом этаже *акимата* ночью действительно был...» (Караван, 2010.01.15);

«Под *шаныраком* дружбы. В нынешнем году *Наурыз* проходит под знаком 20-летия Независимости Республики Казахстан... в пригородной зоне праздничные *юрты* и торговые палатки... турнир «*Наурыз*» по казак куреси и перетягиванию каната... состоятся конные состязания «*Аударыспақ*», «*Тенге алу*», «*Кыз куу*», «*Көкпар*». *Наурыз* в областном центре отметят широко и весело» (авт. С. Горбунов. Казахстанская правда, 2011.03.19) и многие другие.

Подобные тексты, попадая в Россию, где русский язык – государственный язык, вполне закономерно получают неадекватную оценку не только со стороны социума, но и лингвистов. Именно такие контексты вызывают беспокойство, связанное с качественным изменением языка, его «порчей». Следует отметить, что данные факты свидетельствуют о национальном варианте русского языка и рассматривать их необходимо под углом зрения вариативности, присущей современному русскому литературному языку как полинациональному.

Устная и письменная репрезентация казахстанского варианта русского языка

Исследователь американского варианта испанского языка Г. В. Степанов считает, что дифференциация языковых элементов происходит первоначально в устной форме, то есть отражается в разговорной речи. Отличия, возникающие в этом слое, первичны, в принципе они могут найти отражение в литературном языке, но не сразу и не обязательно полностью.

Признавая, вслед за Г. В. Степановым, устную форму речи, в том числе ее высший подвид – разговорно-литературный, основным компонентом структуры варианта языка, мы провели социолингвистический мониторинг устной репрезентации русского языка Казахстана.

Одним из способов, позволяющих оценить результаты процесса освоения/неусвоения иноязычных заимствований различными группами носителей языка, является опрос. В рамках нашего исследования был проведен социолингвистический опрос среди категорий носителей русского языка разного возраста и уровня образования.

С целью выявления уровня усвоения казахской лексики (безэквивалентной и эквивалентной) определенных тематических пластов и использования ее в русском устном тексте, в сентябре 2006 года в Акмолинской области было проведено социологическое исследование. Северный регион Казахстана был выбран для анализа в связи с тем, что в данном регионе проживает большое количество некоренного населения страны. Так, согласно данным «Демографического ежегодника регионов Казахстана», численность населения Акмолинской области на 2006 год составляла 746.652 человек, из них 426.758 – русские (275.626) и люди других национальностей (151.132) [7, с. 23]. Большие диаспоры представляют: русская, польская и ингушская. Влияние казахского языка на русский в указанном регионе гораздо слабее, чем в южных регионах страны, поэтому полученные данные отражают реальное состояние лексической системы русского языка. Таким образом, результаты исследования показывают достаточно определенную картину функционирования русского языка, происходящие в нем изменения.

Цель анкетирования – определить корпус наиболее усвоенных и применяемых единиц казахского языка, а также зоны лексической системы русского языка Казахстана, в которых высока частотность использования казахской лексики.

Выборочный массив составил 2.500 человек. Отбор был осуществлен на основе метода квотной выборки, основными параметрами которого выступили национальность, возраст и образование.

Для чистоты эксперимента к анкетированию привлекались только монолингвы с русским языком (не титульной нации), поскольку для билингвов включение единиц казахского языка в русский текст является неосознанным. Нас интересовало осознанное понимание казахской лексики и использование ее в устной речи. В анкетировании принимали участие респонденты, для которых русский язык является родным (этнические русские) – 82% опрошенных, и респонденты других национальностей (не титульной нации), избирающие русский язык в качестве родного, – 18% от общего количества опрошенных. Национальный состав второй группы – поляки, немцы, белорусы, украинцы, татары, корейцы и др. Массив опрошенных в разрезе национальностей представлен графически на рисунке 1.

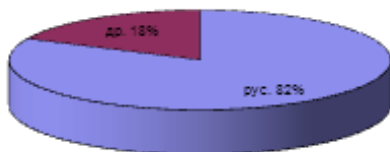

Рисунок 1 – Количество респондентов в разрезе национальностей

В анкетировании принимали участие респонденты шести возрастных групп: школьники (до 16 лет) – 19% опрошенных; студенты очного и заочного отделений университета (от 17 до 28 лет) – 23% опрошенных; возрастная группа от 29 до 39 лет – 17% опрошенных; возрастная группа от 40 до 48 лет – 18% опрошенных, возрастная группа от 49 до 59 лет – 17% опрошенных; поколение пенсионного возраста (60 лет и старше) составили 6% от общего числа опрошенных. Таким образом, в анкетировании приняли участие респонденты, прожившие в Казахстане всю свою жизнь, либо приехавшие в молодые годы, а также поколение, которое рождено и воспитано в период суверенитета страны.

Массив опрошенных в разрезе возраста представлен на рисунке 2.

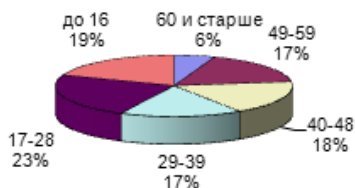

Рисунок 2 – Количество респондентов в разрезе возраста

С точки зрения образовательного критерия, в анкетировании принимали участие респонденты пяти групп: имеющие высшее образование – 20% опрошенных; имеющие средне-специальное образование – 21% опрошенных; имеющие среднее образование (после 29 лет) – 18% опрошенных; имеющие среднее образование (до 28 лет, в настоящее время студенты, получающие высшее образование) – 20% опрошенных; учащиеся школ и колледжей – 21% опрошенных. Таким образом, в анкетировании приняли участие респонденты всех уровней образования.

Массив опрошенных в разрезе образования представлен графически на рисунке 3.

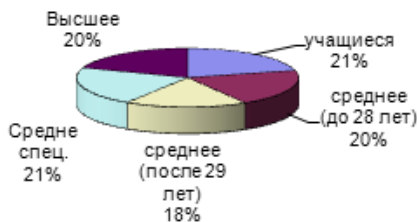

Рисунок 3 – Количество респондентов в разрезе образования

Разработанная нами методика и процедура опроса основывалась на таких ключевых для речевой коммуникации психолингвистических понятиях, как смысловое восприятие, понимание и продуцирование речи. В современной когнитивной лингвистике принято различать понятия понимание и интерпретация: понимание предполагает опору на знание языка [16, с. 124-126], а интерпретация – опору на весь контекст познавательной и оценочной деятельности субъекта речи [16, с. 31-33].

В основные задачи исследования входило выявление культурного компонента языковой компетенции личности носителя русского языка Казахстана: совокупности знаний и представлений о культурных феноменах, общественно-политических и социальных реалиях, прецедентных именах и т.п.

Материалом для теста послужили единицы казахского языка разной степени освоенности, как безэквивалентные, так и эквивалентные, принадлежащие различным сферам употребления. Респондентам был представлен корпус лексических единиц, объединенных в следующие понятийные сферы: сфера социально-делового общения; социально-культурная сфера; сфера повседневного общения; топонимическая сфера. Всего 13 тематических групп. Набор слов в каждой группе от 12 до 28, что напрямую зависело от тематики. Для опроса были отобраны частотные единицы казахского языка. Включение в список слов, вошедших в толковые словари русского языка, и слов, отражающих казахские национальные стереотипы и реалии современной общественно-политической жизни, диктовалось необходимостью оценить характер их освоения различными группами информантов, представляющих языковой коллектив. Определенный ряд слов, освоенных ранее русским языком, выполнял также роль «психологической поддержки» информантов. Кроме того, респонденты могли дополнить каждую из тематических групп известными им словами, но не указанными в тесте, а также самостоятельно вписать топонимы и антропонимы.

Люди в определенных условиях их бытия вступают в коммуникацию так, как это принято в данных условиях бытия и с использованием тех языковых / речевых элементов коммуникации, которые соотносятся с этими принятыми правилами.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, респонденты показывают знания выше среднего уровня по всем параметрам, больших расхождений ни между сферами, ни между возрастными категориями анкетированных нет. Наиболее высокий уровень языковой компетенции респонденты проявляют в сфере официально-делового общения, они имеют достаточно хорошие знания, чтобы ориентироваться в общественно-политической жизни страны. Вторую позицию занимает сфера повседневного общения, то есть тот уровень компетенции, который необходим каждому человеку для ежедневной успешной коммуникации в семье, на работе, в транспорте, магазине и т. п. Третью позицию занимает социально-культурная сфера, для успешной коммуникации которой необходимы знания традиций и обычаев казахского этноса, но поскольку востребованы данные знания не часто, то и компетенция у респондентов ниже, чем в остальных группах. Респонденты очень хорошо ориентируются в топонимике Казахстана. В целом, высокую степень освоенности лексики разных сфер коммуникации показывает возрастная группа от 40 до 48 лет.

Лексические единицы казахского языка, которые мы в русском языке Казахстана отмечаем как регионализмы, освоены русским сознанием, употребляются в речи и участвуют в коммуникативном процессе. Умение осуществлять коммуникацию есть глобальная коммуникативная компетенция, понятие родовое. Ю. Е. Прохоров отмечает, что коммуникативная компетенция «как родовое понятие включает в себя три видовых понятия: экзистенциальную компетенцию, текстовую компетенцию и дискурсивную компетенцию. Все остальные компетенции, полностью имеющие право на существование, будут, как нам представляется, элементами более частными: языковая и речевая компетенции, безусловно, «обслуживают» все три видовых, так как

видовые – и в процессе обучения, и в процессе реализации – могут эксплицироваться только в их формах; страноведческая – часть экзистенциальной, поскольку последняя шире; профессиональная и предметная – одна из форм проявления предметной и дискурсивной в зависимости от типа коммуникативного пространства, в котором они реализуются, и т. д.» [22, с. 10].

Таблица 1

**Уровень языковой компетенции по сферам коммуникации
(в % от общего количества респондентов по возрасту)**

Возраст респондентов	Сфера официально-делового общения	Социально-культурная сфера	Сфера повседневного общения	Топонимическая карта Казахстана	В среднем
до 16 лет	77,40%	57%	71,90%	82,54%	72,21%
17-28 лет	81%	54,80%	71%	94,79%	75,40%
29-39 лет	81,10%	56%	71,10%	95,79%	76,00%
40-48 лет	83,90%	57,40%	72,40%	97,14%	77,71%
49-59 лет	81,10%	56,90%	73,80%	94,68%	76,62%
старше 60	80,80%	56,30%	70,20%	89,54%	74,21%
В среднем	80,88%	56%	71,73%	92,41%	

Таким образом, носитель полинационального языка, в нашем исследовании – русско-го языка в Казахстане, должен обладать тремя компетенциями: компетенцией в области национально-детерминированной фигуры действительности, компетенцией в области национально-детерминированных текстов и компетенцией в области национально-детерминированного дискурса.

Высокий уровень языковой компетенции в официально-деловой коммуникации (таблица 2) основывается на знании и использовании в речи общественно-политической лексики (*адилет, аким, акимат, маслихат, мажлис, мажлисмен, тенге, тиш, оралман, бастык, курултай, жуз* и др.), хорошей ориентации в проводимой государством политике, что отражается в знании реализуемых программ (*Атамұра, Шабьт, Бобек, Болашақ, Атамекен* и др.), названий партий (*Отан, Асар, Алаш, Ак жол, Нур Отан* и др.) и организаций (*Наурыз-банк, ТуранАлем банк, Казкоммерцбанк, Балдаурен, КазМунайГаз* и др.), исторических деятелей (*Аблай-хан, Жамбыл Жабаев, Кенесары хан, Абай Кунанбаев, Курмангазы, Махамбет, Ыбрай Алтынсарин, Шокан Уалиханов, Сакен Сейфуллин, Чингиз-хан, Динмухаммед Кунаев, Нурсултан Назарбаев, Касым-жомарт Токаев, Олжас Сулейменов* и др.), государственных наград (*Курмет, Парасат, Алтын белги, Алтын кумис, Алтын алка, Кумис алка* и др.) и т. п. Самый высокий уровень компетенции в данной сфере у респондентов 40-48 лет – 80,69% и респондентов старше 60 лет – 78,63%, что связано с активным включением в общественную жизнь людей данных поколений. В целом результаты равные.

Элементы национально-культурной специфики речевого общения – в их вербальном плане – это элементы национально-детерминированного дискурса. Наличие в дискурсе инвариантного и вариантного с точки зрения образования речевого навыка связано с многообразием ситуаций, в которых он формируется, и текстов этих ситуаций (стереотипов), и многообразием собственно языковых/речевых единиц его реализации. Под дискурсивной компетенцией, в самом общем плане, понимается «знание различных типов

дискурсов и правил их построения, а также умение их создавать и понимать с учетом ситуации общения» [17, с.1]. Уровень языковой компетенции в социально-культурной коммуникации в Казахстане определяется знанием коммуникантами традиций, обрядов казахского народа и связанных с ними понятий, отраженных вербально.

Таблица 2

**Уровень языковой компетенции в официально-деловой коммуникации
(в % от общего количества респондентов по возрасту)**

Возраст	Общественно-политическая лексика	Названия организаций, объектов, программ	Исторические деятели	Государственные награды	В среднем
до 16 лет	82,31%	81,21%	89,43%	51,67%	76,16%
17-28 лет	84,00%	78,64%	95,86%	52,00%	77,63%
29-39 лет	79,69%	77,29%	90,86%	62,00%	77,46%
40-48 лет	83,77%	79,36%	91,14%	68,50%	80,69%
49-59 лет	86,08%	79,57%	87,86%	57,33%	77,71%
старше 60	88,46%	76,00%	85,71%	64,33%	78,63%
В среднем	84,05%	78,68%	90,14%	59,31%	

Представленные в таблице 3 данные об употребляемости единиц, характеризующих ментальность казахского этноса, указывают на хорошее знакомство и с этой сферой жизни суверенного Казахстана. Наиболее употребительными, как показывают результаты анкетирования, являются такие тематические группы лексики, как музыкальное и поэтическое творчество казахов (*айтыс, айтыскер, акын, жсыры, кюй, кюйши, онер, серэ, домбра, кыл-кобыз, терме, дастан, кобыз, жсырау, шешен* и др.), национальные праздники, народные обряды и традиции (*шашу, бата, туссау-кесу, бесикке боле, бесеке салу, мазар, жоктау, Курбан айт, айт, Наурыз, Рамазан / рамадан, садак `а, той, узун-кулак, хадж, асар, суюнши, ораза, хабар, мушайра, беташар, коримдык* и др.), названия национальной одежды (*сактама, уки, малахай, тюбетейка, камзол, чапан, саукеде, борык* и др.), народные состязания, национальные спортивные игры и сопутствующие им понятия (*аударыспак, кокпар, кызжуу, аламан-байга, балуан, байга, алтыбакан, жорга жорысы, кызойнаки, тулпар, тенге алу, ушты-ушты, кунан-байга, казакша-курес, атиши, беркутчи* и др.). Самый высокий уровень компетенции в данной сфере у респондентов 40-48 лет – 57,45% и респондентов до 16 лет – 57,04%. Для последней группы это связано с введением в Стандарты образования этнокультурного компонента, позволяющего в процессе обучения ознакомиться с традициями, обычаями, народным творчеством казахского народа и уметь применять эти знания

Наиболее востребованными, согласно данным анкетирования (таблица 4), оказались знания лексических единиц, относящихся к сфере повседневного общения. Это корпус слов, связанных с реалиями окружающей жизни, с которыми носитель языка сталкивается ежедневно. Лексические единицы гастрономического дискурса (*айран, балеш, бесбармак, баурсак, наурыз-коже, кумыс, шубат, катык, шуужык, казы, балык, самса, курт, ирмишик, тан, шельпек, каймак, чак-чак, согым, сорпа, куырдак, кесе* и др.), наименований людей (*аксакал, апай, ага, жас улан, келиндери, кудалар, тамыр, токал, ата (атаи-*

ка), аже (ажеика), батыр, бай, байбише, кунак, тате (татешка), джигит, айналайын, женге, аке, анна, бий, хан и др.), названий построек, предприятий (кумысхана, медресе, юрта, чайхана, дамхана, дукен, дарихана, караван-сарай и др.) и предметов быта (астау, отау, конек, курак-корпе, саба, тор-корпе, корпе, текемет, шанырак, аул, алаша, табак, ожау, кесе, казан, тиала, чий, кошма, дастархан, таган и др.) воспроизводятся в речи носителей русского языка без особых усилий и воспринимаются как единицы родного языка. Освоено более 60% актуальной для осуществления данного вида коммуникации лексики. Самый высокий уровень компетенции в данной сфере у респондентов возрастной категории 49-59 лет – 73,82%, что связано с тем, что данное поколение больше времени проводит в выполнении домашних обязанностей, посещении гостей, нанесении визитов по традиционным поводам (свадьбы, дни рождения, юбилеи, разнообразные торжества, поминальные обеды и т. д.), имеет длительные тесные дружеские и семейные отношения с казахами.

Таблица 3

**Уровень языковой компетенции в социально-культурной коммуникации
(в % от общего количества респондентов по возрасту)**

Возраст	Музыкальное и поэтическое творчество	Народные обряды и традиции	Национальная одежда	Народные и спортивные игры	В среднем
до 16 лет	65,05%	54,09%	65,00%	44,00%	57,04%
17-28 лет	60,05%	51,22%	62,25%	45,94%	54,87%
29-39 лет	54,80%	59,39%	63,25%	46,75%	56,05%
40-48 лет	56,95%	59,35%	63,88%	49,63%	57,45%
49-59 лет	57,10%	59,57%	65,13%	46,06%	56,97%
старше 60	49,65%	57,43%	63,38%	54,94%	56,35%
В среднем	57,27%	56,84%	63,81%	47,89%	

Таблица 4

**Уровень языковой компетенции в повседневной коммуникации
(в % от общего количества респондентов по возрасту)**

Возраст	Гастрономическая лексика	Наименования людей	Предметы быта	Постройки, предприятия	В среднем
до 16 лет	75,45%	63,96%	57,60%	90,63%	71,91%
17-28 лет	74,40%	63,93%	51,50%	94,38%	71,05%
29-39 лет	75,80%	65,00%	55,70%	88,00%	71,13%
40-48 лет	78,35%	63,57%	57,80%	90,00%	72,43%
49-59 лет	80,10%	66,36%	58,95%	89,88%	73,82%
старше 60	73,95%	61,21%	67,15%	78,63%	70,24%
В среднем	76,34%	64,01%	58,12%	88,58%	

Представленные данные показывают освоение и применение в процессе коммуникации в разных сферах различных пластов лексики респондентами монолингвами не коренной национальности Казахстана. Все это в целом расширяет лексическую систему русского языка Казахстана.

Анализ результатов проведенного анкетирования подтверждает, что достаточно продолжительная по времени интенсификация процесса заимствования казахских слов, относящихся к разным сферам коммуникации, особенно за последние 20 лет, привела к заметному пополнению словаря носителей русского языка Казахстана.

Единицы, активно употребляемые в устной речи, освоенные сознанием, включаются и в письменные тексты. Инициаторами и активными проводниками заимствований из казахского языка являются средства массовой информации. Тексты СМИ не только отражают речевую практику многих социальных групп говорящего коллектива, но и отчасти формируют эту речевую практику.

В современный период автор-журналист властвует уже не только и не столько над своим словом, сколько над словом чужим, над культурным фоном, а значит – в меньшей степени творит, а большей – интерпретирует. Этот интерпретационный уровень в языке СМИ подводит к более сложной интерпретационной системе, которая схематично выражается дихотомией «деятельность – текст» и в ней наибольший интерес для нас представляют интерпретационные модели важнейших национально-культурных стереотипов.

Интерпретация – это один из способов постижения культуры, а значит – стремление к эволюции. Интерпретируя текущую действительность, журналистика тем самым волею или неволею повышает ценность этих интерпретативов и формирует их ценностные характеристики в сознании адресата. Причем, какая бы составляющая ни доминировала в том или ином тексте, мы в полной мере можем говорить лишь об интерпретации адресатами СМИ собственно смыслов и образно мотивированных ассоциаций, которые ими порождаются. Культурно-языковая компетенция современных носителей русского литературного языка Казахстана позволяет журналистам проводить и производить лингвистические операции различной интеллектуально-ментальной сложности и различной этико-психологической направленности. Ю. А. Бельчиков, еще в период становления национальных государств на территории постсоветского пространства, писал, что «национально-культурная среда решающим образом влияет на ход языкового развития. Именно в ней разворачиваются смысловые и выразительные возможности, заложенные в словарном составе языка, в его стилистической структуре» [4, с. 30]. Газетные тексты в первую очередь впитывают в себя лексику близкострадающего языка и служат средством ее распространения.

Особое внимание следует обратить на чисто лингвистическую специфику текстовых элементов, поскольку взаимодействие лингвистических структур с единицами текста также важно для исследования способов подачи информации.

В настоящее время разнообразие типа газет воплощается не только в передаче информации в связи с полем известного/неизвестного, что давно отмечалось в лингвистике, но и с тем, что журналисты могут иметь разные установки на коммуникацию с читателем.

Язык СМИ, по мнению Ю. Н. Караулова, можно рассматривать как самостоятельную полноценную модель общенационального языка. «Описывать и изучать язык СМИ – это значит анализировать и <...> оценивать степень объективности и полноты воспроизводимой в нем картины мира, характер и степень соответствия общенациональным идеалам тех возможных миров, которые конструируются в языке СМИ» [12, с. 18].

Язык казахстанских СМИ, особенно язык газет, получил целенаправленное функционально-прагматическое описание, в том числе и в сопоставительном аспекте с казахским языком. Интерес в этом плане представляют работы, посвященные: коммуникативно-ре-

чевым средствам организации типов речи газетного текста – Л. Д. Аскерова [3], анализу газетного текста на двух языках – Б. Ж. Раимбекова [23], функционально-прагматическому анализу заголовков в прессе – Г. К. Ихсангалиева [9], языку казахстанской прессы – Д. Д. Шайбакова [26]; исследованию структуры, семантики и прагматики информационной заметки – М. С. Абишева [2], анализу парентезных конструкций русского языка в газетном тексте – Ж. С. Абаева [1] и многие другие.

Как показывают исследования, в результате усиления контактных процессов новым явлением в газетном дискурсе на рубеже веков стала практика использования в конкретном тексте лексических единиц «другого языка». Анализ газет, издаваемых на русском языке в Казахстане, показал, что в настоящее время тексты региональных СМИ стали источниками информации об отношении к «другому языку» и тем самым о ценностных ориентациях говорящих. Речь идет об имплицитной информации, зафиксированной в лексическом выборе пишущего.

В Казахстане газетные тексты на русском языке осуществляют коммуникацию, в которой отправители и получатели информации – это носители русского языка как родного и как неродного, имеющие длительные совместные социокультурные традиции и в силу длительности совместного проживания и общения, обладающие приблизительно одинаковой лексической базой, включающей блок региональных единиц, актуальных именно для Казахстана, в том числе – казахских.

Газеты на русском языке, издаваемые в Казахстане, и характеризующие таким образом русский язык, функционирующий в условиях контакта с казахским языком, имеют коммуникативное различие, воплощающееся в пространстве текста по-разному: в заголовках, в введении фактографических данных, в содержании материала и в самой последовательности развертывания информации. Наибольший интерес, несомненно, представляет сама информация, поскольку в нее в большей или меньшей степени включаются лексические единицы другого языка. Последнее не всегда означает, что авторы не могли найти подходящих слов в родном языке или иноязычное слово точнее передавало определенный смысл, – скорее это свидетельствует о хорошем знакомстве пишущего с иной культурой и, возможно, с иным языком, то есть говорит об отсутствии своеобразного порога, превращающего иную культуру и иной язык в чуждые. Как отмечают исследователи, «когда носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова, оно теряет сопроводительные сигналы и комментарии и начинает употребляться «на равных» с другими словарными единицами родного языка» [19, с. 108.].

Исторически обусловленные общественно-политические и культурные взаимодействия русских и казахов находят отражение в языках обоих этносов. Кроме того, в каждом из языков отражаются кардинальные изменения последних десятилетий XX века и первого десятилетия XXI века в социально-политической и экономической жизни государства, в которых функционируют указанные языки.

Данные принципы всегда присутствуют в полном составе в заголовке, но в зависимости от контекста те или иные могут выдвигаться на первый план.

Таким образом, анализ заголовков русскоязычной периодики Казахстана позволяет объемно представить функционирование региональной лексики русского языка Казахстана. Ориентация на фоновое знание читателей организует те когнитивные процессы, с помощью которых поступающая информация соотносится с уже построенной понятийной системой. Заголовки газетных материалов можно распределить по следующим понятийным сферам:

1. Заголовки, представляющие реалии казахского народа (предметы быта, музыкальные инструменты, обычаи и др.). Например:

«Сайрам – Туркестан: писательский *хадж*» (Южный Казахстан, 2000.04.26); «За праздничным *дастарханом*» (Южный Казахстан, 2000.03.13); «От *дамбры* до *каягыма*» (Каз. правда,

2004.12.21); «*Домбра* и солдатский мундир» (Курс, 2004.10.21); «*Акыны* из южного Казахстана завоевали главный приз» (Каз. правда, 2005.07.08); «*Кетмень* против бедности» (Каз. правда, 2005.07.12); «*Айтты* молодости» (Каз. правда, 2006.03.02); «*Кобыз* для Папы Римского» (Каз. правда, 2006.10.12); «Добро пожаловать в *кумысхану*» (Северный Казахстан, 2006.09.01); «*Суюнши* для Алтын» (Каз. правда, 2006.12.09); «*Кефир* – всему эликсир» (Юридическая газета, 2010.08.17); «Под *шаньраком* дружбы» (Каз. правда, 2011.03.19); «Звенит *домбра*, поет *кобыз*» (Каз. правда, 2011.03.19); «Да будет щедрым *дастархан*» (Каз. правда, 2011.03.19). И другие.

2. Заголовки, отражающие реалии современной общественно-политической и экономической жизни Казахстана. Например:

«Под крылышком *акимата*, конечно, лучше» (Южный Казахстан, 2000.02.18); «*Акимы* должны отчитаться» (Каз. правда, 2005.01.11); «*Тенге* выдерживает курс» (Каз. правда, 2005.01.08); «Повысить роль *маслихатов*» (Каз. правда, 2005.07.08); «*Мажилсимены* как парламентарьеры» (Каз. правда, 2006.10.17); ««Горячий» день *акимата*» (Караван, 2010.01.15); «*Мажилис* встречал весенний праздник – *Наурыз*» (Каз. правда, 2011.03.19). И другие.

3. Заголовки, имеющие в своем составе адептивы, образованные от казахских топонимов, указывающие на отношение лица, предмета, явления к данной местности. Например:

«В *ордабасинских* школах обходятся без родительских денег» (Южный Казахстан, 2000.05.29) → Ордабасинский район; «*Сегизсайские* «плантаторы»» (Каз. правда, 2005.01.22) → пос. Сегизсай; «*Астанинский* клуб: есть идеи» (Каз. правда, 2005.01.14) → г. Астана; «РОК-вая любовь на *кошетауской* сцене» (Каз. правда, 2005.01.12) → г. Кокшетау; «*Агадырский* избиратель мечтает...» → районный центр Агадырь (Целина, 2005.12.01); «Ретрофестиваль *по-богетсайски*» (Каз. правда, 2006.12.09) → пос. Богетсай; «*Айыртауские* «корабли пустыни»» (Айыртауские зори, 2006.08.25) → пос. Айыртау. И другие.

4. Заголовки, содержащие имена собственные – названия учреждений, программ, спортивных команд, орденов и пр. Включаемые автором в заголовок собственные наименования настолько на слуху у каждого казахстанца, что не требуют комментария. Например:

«Фракция «*Отан*» выйдет на прямую связь с народом» (Южный Казахстан, 2000.03.10) → название партии; «Вице-министр посетил «*Кайнар*» не случайно» (Южный Казахстан, 2000.06.05) → название университета; ««*Кайрат*» держит марку» (Каз. правда, 2004.12.21) → спортивный клуб; «Большие амбиции «*Жениса*»» (Каз. правда, 2005.01.11) → спортивный клуб; ««*Рахату*» пришлось туго» (Каз. правда, 2005.01.14) → женская волейбольная команда; «Волшебный мир «*Думана*»» (Каз. правда, 2006.06.20) → развлекательный центр; «Первое место – «*Байтереку*»» (Каз. правда, 2006.06.29) → общественно-политический журнал; ««*Барыс*» лихорадит...» (Караван, 2010.01.15); «Мы болеем за «*Барыс*»» (Каз. правда, 2010.08.03) → спортивный клуб; «Восьмая победа «*Кайрата*»» (Каз. правда, 2011.03.19) → спортивный клуб; ««*Ильхам*» – за талант и вдохновение» (Каз. правда, 2011.03.19) → премия; ««*Болашақ*» ждет целеустремленных» (Каз. правда, 2011.07.30) → программа президентской стипендии для обучения за рубежом. И другие.

5. Заголовки, в которых казахская лексика используется в стилистических целях. Например:

«*Калиф* на час» (Южный Казахстан, 2000.03.31) → о работе заповедника; «Коллегия *аксакалов*» (Южный Казахстан, 2000.03.13); «А с *верблюда*... как с гуся вода» (Каз. правда, 2004.11.26) → о пробках на дорогах; «Хозяйка красной *юрты*» (Степной маяк, 2004.12.09) → о возрождении библиотек на селе; «*Батыр*, прославленный в веках» (Каз. правда, 2004.12.25) → о возведении памятника; «Браконьеры на *верблюдах*» (Каз. правда, 2004.12.25); «Нефть, *барханы* и «капуста»» (Каз. правда, 2004.12.22) → о подпольных мини-заводах по переработке нефтепродуктов; «Четвертый «*жсуз*»» (Степной маяк, 2004.12.16) → о русских, проживающих в Казахстане; ««Самовары» в *барханах*» (Каз. правда, 2005.01.13) → о работе подпольных нефтеперерабатывающих предприятий; «О чем поведали *кургань*» → об ар-

хеологических исследованиях на просторах Казахстана (Каз. правда, 2006.01.14); «*Шанырақ*, устремленный в космос» → о достижениях Казахстана и выборах Президента страны (Каз. правда, 2006.01.14); «Глоб *токализация* всей страны» → о проблеме двоеженства, авт. Юрий Кириничьянов (АиФ Казахстан, 2007. март); «*Аксакалы* голубого экрана» → к 50-летию казахстанского телевидения, о первом телевизионном журналисте Николае Величенко; авт. Николай Релин (АиФ Казахстан, 2008. март). И другие.

Заголовок – это воплощение принципа экономии, так как дает возможность человеку в нескольких словах понять все содержание. Заголовок всегда иконичен в том смысле, что ясно дает понять, что является для автора главным в тексте. Проведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что введение в заголовки регионализмов создает особые смысловые связи между текстом и читателем и представляет собой естественный процесс функционирования русского языка. Принципы, на которых строятся заголовки, помогают связать текст с реальностью и структурируют восприятие: одни непосредственно (иконичность, пресуппозитивный принцип), другие опосредованно (например, выделенность, которая задается автором).

Еще большее количество регионализмов «рассеяно» по тексту. Лексические единицы казахского языка входят в речь русских не периодически, а постоянно, постепенно закрепляясь в ней. В настоящее время в русском языке Казахстана не воспринимаются чуждо такие единицы, как «Наурыз», «дастархан», «акын», «тенге», «аким», «мажилис», «баурсак», «шельпек», «шанырақ», «шашу» и другие, они не требуют перевода или пояснения, так как достаточно хорошо распространены и усвоены, точно так же, как в русском языке в России не требуют перевода такие тюркские заимствования, как «сундук», «башмак», «карандаш», «сарафан», «кибитка», «сураган», «ямщик» и другие. С течением времени заимствований из казахского (или посредством казахского) языка в русский язык будет больше. Безусловно, не все единицы будут закреплены в языке в одинаковой степени, но то, что усвоено будет достаточно много, – несомненно.

В современных газетах Казахстана, рассчитанных на очень широкий и неоднородный по своему составу круг читателей, публикуется много общественно-политической, социально-культурной информации, отражающей реальную действительность и одновременно показывающей современное состояние русской лексической системы.

Регионализмы, встречающиеся в прессе, можно разделить на две группы, неравнозначные по количеству единиц, но одинаково активно функционирующие:

1. слова, не имеющие эквивалентов в русском языке: тюркизмы. Приведем ряд примеров: «На участие в жизненно важной акции был мобилизован весь аппарат городского *акимата* во главе с *акимом Шымкента* Арманом Жетписбаевым» (Страна и мир, 2011.02.28); «А с наступлением темноты начинаются *айтысы*, в которых участвуют как мужчины, так и женщины» (Каз. правда, 2011.03.19); «В *Аккорде* Президент РК Нурсултан Назарбаев принял главу миссии ОБСЕ по наблюдению за выборами Даана Эвертса...» (Страна и мир, 2011.03.28); «*Акын* против *акима* или почему функционеры не терпят поэтов» (Свобода слова, 2011.08.11) и многие другие.

2. слова, имеющие эквиваленты в русском языке: тюркизмы и русская лексика, отражающая актуальные реалии Казахстана, а также слова, образованные по словообразовательным моделям русского языка. Приведем ряд примеров:

«Лично я за то, чтобы повсеместно было одно название – *маслихаты*. Тогда решение районного *маслихата* было бы обязательным для исполнения нижестоящих органов» (авт. Людмила Мацупа. Каз. правда, 2007.03.16) → *маслихат* – в переводе с казахского «соборание»;

«После слов *бата*, посвященных хозяевам дома, гости поблагодарили за щедрый *дастархан* и разошлись» (Аыртрауские зори, 2011.06.14) → *бата* – в переводе с казахского «благопожелание», *дастархан* – в переводе с казахского «стол»;

Объявление: «В *асхану* требуются: повар, официант, уборщица» → асхана – в переводе с казахского «столовая»;

«МСУ казахстанской модели. ... Однако задачи по решению самой проблемы *местного самоуправления* (МСУ) были поставлены Президентом уже в Посланиях 2004 и 2005 годов... отношения районных *маслихатов* и сельских органов МСУ должны быть прописаны в законе. ... МСУ составляет одну из основ любого демократического строя... Для введения МСУ могут потребоваться точечные изменения Конституции» (авт. Людмила Мацупа. Каз. правда, 2007.03.16);

«Видит *ОМО*, да зуб неймет. В Уральске официально приступили к работе 20 *ОМО* – *общественных муниципальных округов*, в каждом из которых открыты общественные приемные... Так нельзя ли через *ОМО* потеревить *горакимат*, чтобы помог с ремонтом?... обрушиваются на исполнительных директоров *ОМО* с категорическими требованиями разобраться и призвать *КСК* к порядку... Так что главным «подрывником» доверия к *ОМО*, как и прежде, является закоренелое иждивенчество членов *КСК*» (авт. Вячеслав Куликов. Экспресс-Казахстан, 2008.09.03);

«На открытом заседании *Независимой экспертной комиссии (НЭК)* по отбору претендентов, состоявшемся в Министерстве образования и науки, прошли собеседование 200 молодых казахстанцев, желающих обучаться за рубежом. ... В *НЭК*, кроме членов Республиканской комиссии, представителей *МОН*, входят эксперты из профильных ведомств...» (авт. Марина Пархоменко. Каз. правда, 2011.07.30) и многие другие.

Как видим, фактический материал, эксцерпированный из газетных текстов, показывает реальную востребованность данной (региональной) лексики. Для письменного пути заимствования характерна большая стабильность как в составе заимствованной лексики, так и в фонологических и морфологических моделях ее освоения в заимствующем языке.

В казахстанском варианте русского языка национально-культурной спецификой маркированы регионализмы, их количество проанализировано нами в СМИ. Мониторинг осуществлялся с помощью компьютерных программ на материале русскоязычной прессы, выборочно представляющей юг Казахстана (газета «Южный Казахстан»), север (газета «Северный Казахстан», районные газеты «Простор», «Единство»), и в целом всю страну (газета «Казахстанская правда»). Квотная выборка была осуществлена за периоды середины 90-х, 2000, 2001 и 2006 годов. Количество собственно регионализмов на 10.000 русских слов русского текста в среднем составляет 5,9%, то есть от 500 до 700 слов. Наибольшее количество регионализмов, а среди них основная нагрузка падает на собственно казахизмы, включено в газеты южного региона страны, причем этот показатель выдерживается на протяжении десяти лет, увеличиваясь в последние годы. Ровные показатели все годы выдерживает газета «Казахстанская правда»; если рассматривать регионализмы тематически, то основная нагрузка приходится на ономастическую лексику: антропонимы, топонимы и эргонимы.

Процентные показатели количества регионализмов на 10.000 слов лексики русского языка в республиканской прессе представлены в таблице 5.

Таблица 5

Количество регионализмов на 10.000 слов газетного текста

	Казахстанская правда	Южный Казахстан	Северный Казахстан	Простор	Единство	Все газеты
Количество регионализмов на 10 тыс. слов	563	678	564	507	644	590
Количество регионализмов на 10 тыс. слов в %	5,63%	6,78%	5,64%	5,07%	6,44%	5,90%

Безусловно, какая-то часть лексических единиц могла быть не учтена компьютерной программой, поскольку даже собственно тюркизмы вычленишь из корпуса единиц бывает довольно сложно, так как в казахском языке кириллическое письмо. Кроме того, достаточно сложно выявить корпус русских слов, отражающих реалии Казахстана и не используемых в метрополии, в настоящее время нет справочных изданий, способных дать такого рода информацию. Возможно, с учетом указанного, процент регионализмов может быть выше.

Анализ регионализмов, имеющих высокую частотность употребления в устной и письменной (СМИ) коммуникации, позволяет сгруппировать их в несколько больших тематических групп лексики, формирующих особый вариативный слой в лексической системе русского языка. В каждой стране, в которой активно используется русский язык, этот вариативный слой будет содержать другие единицы. В казахстанском варианте русского языка кроме проанализированных выше тематических групп лексики ярко проявляют топонимы (*Ак-Орда, Есиль, Сары-Арка, Аксу, Семей, Шымкент, Зеренда, Бурабай, Аыртау, Жамантуз, Мангистау, Темиртау, Капчагай, Талдыкорган, Тараз, Тайынша, Шортанды, Акколь, Кокшетау, Экибастуз, Аркалык, Актау, Атырау, Алматы, Астана* и др.), антропонимы (*Сауле, Тогжан, Гульназира, Еркин, Ондасын, Баянсулу, Досжан, Зейнехан, Огаз* и мн. др.), эргонимы («*Ак сункар*», «*Акселеу*», «*Акжар*», «*Сейхун*», «*Окжетпес*», «*Айсары*», «*Бурабай*», «*Кулагер*», «*Тамирис*», «*Туран*», «*Санжан*», «*Рамазан*» и др.), без владения которыми коммуникативный акт не мог бы состояться.

Газетные тексты, отражающие публицистический стиль и ориентированные на информирование масс об общественно-политической жизни страны, особенно если это пресса республиканского статуса, весьма редко затрагивают темы национальных традиций, быта и гастрономии, что можно наблюдать по соотношению процентного состава включения подобного типа лексики в тексты в таблице 6.

Ярко представлены в прессе топонимы, антропонимы и общественно-политическая лексика. Практически во всех сферах, кроме гастрономической, по количеству использованных регионализмов лидирует газета «Южный Казахстан». Процентный состав включения лексики разных тематических групп представлен в таблице 6.

Таблица 6

Тематические группы регионализмов по газетам в процентах

	Топонимы	Антропонимы	Эргонимы	Социально-культурная лексика	Гастрономическая лексика	Общ.-полит. лексика
Казахстанская правда	27%	25,20%	7,10%	3,90%	11,60%	25,20%
Южный Казахстан	34%	29%	13%	9%	2%	13%
Северный Казахстан	26%	24%	14%	2%	1%	33%
Простор	39,30%	44,60%	8,20%	0,60%	1,50%	5,80%
Единство	46,80%	19,80%	15,10%	1,60%	11,10%	5,60%
В среднем	32%	27,60%	10,10%	5,80%	5,80%	18,70%

Данные включения, в связи с их сравнительно небольшим количеством по отношению к основному массиву лексики русского языка, не могут повлиять на целостность лексической системы вообще, но показывают их региональную отнесенность и самобытность, тем самым характеризуют казахстанский вариант русского языка. Варьирование в лексической системе по отношению к метрополии можно принять как данность.

Очевидно, что для читателей и слушателей СМИ на русском языке в конкретной стране передаваемая информация, содержащая лексические единицы другого языка, будет доступна для понимания. Но для россиянина или русскоязычного, проживающего в ином национальном окружении и освоившего другие лексемы, слушание и чтение СМИ третьей страны может вызывать дискомфорт в понимании или даже недопонимание текста. Это недопонимание вызывается в большей степени неведением инофоном системы культурных норм и ценностей сообщества определенного государства. Лексика языка окружения закрепляется в русском языке в результате длительного контакта культур и языков.

Результаты мониторинга устной и письменной репрезентации регионализмов убеждают в том, что в лексической системе русского языка Казахстана закреплён корпус регионализмов, активно используемый в разных сферах коммуникации.

Активные процессы в области словообразования: новообразования с заимствованными основами

Заимствованные из казахского языка лексические единицы в словообразовательном плане подчиняются закону русского языка. Особый интерес представляют деривационные производные тех единиц, при образовании которых актуализируются и исконно русские, и иноязычные морфологические словообразовательные элементы.

Наиболее продуктивными и частотными являются уменьшительно-ласкательные суффиксы **-ушк-**, **-юшк-**. Данные суффиксы часто используются при образовании новых слов или форм слов от казахских заимствований. Например: *кесе* (небольшая чашка для чая) – *кесюшка*, *пиала* (чашка для супы, а также для чая) – *пиалушка*, *тенге* (денежный знак в Казахстане) – *тенгеушка*. И другие.

Суффиксы **-ешк-**, **-ишк-** и **-ашк-** актуальны для существительных, заимствованных из казахского языка, как женского, так и мужского рода. Например: *ана* (пожилая женщина, бабушка) – *анаишка*, *аже* (бабушка) – *ажеишка*, *ага* (мужчина в возрасте, дядя) – *агаишка*, *тате* (тетя) – *татеишка*, *ата* (дедушка) – *атаишка*, *корпе* (одеяло) – *корпеишка* и др.

Приведем некоторые примеры употребления данных слов в контексте: «*Татешка* объяснила, что чем больше положительных эмоций ребёнок получит в первые 20 дней жизни, тем больше вероятности, что он вырастет уравновешенным и добрым человеком» (Степной маяк, 2007.11.22).

Суффикс **-к** – выделяется в существительных женского рода, обозначающих предметы с уменьшительно-ласкательным значением и образованных от основ существительных женского рода. Например: *аже* (бабушка) – *ажека* (относится только к пожилой женщине-казашке), *тиын* (мелкая монета, копейка) – *тиынка*.

Суффикс **-ск** – в русском языке используется преимущественно в прилагательных, образованных от основ имён существительных, как собственных, так и нарицательных.

Рассмотрим формы прилагательных, образованных от нарицательных существительных, заимствованных из казахского языка: *акимат* (орган власти) – *акиматовский*, *маслихат* (коллегиальный выборный орган, собрание) – *маслихатовский*, *мажилис* (нижняя палата парламента) – *мажилисовский*, *аул* (небольшое поселение, деревня) – *аульский* и др. Приведем некоторые примеры употребления данных слов в контексте: «*1 февраля 2008 г. проводится тендер по передаче в имущественный наём помещение акиматовской столовой, расположенной по адресу...*» (Степной маяк, 2008.01.17); «*Персональный состав комиссии утверждается маслихатовским решением...*» (Степной маяк, 2008.01.17).

Интересны и формы прилагательных, образованные от собственных существительных, называющих известные в Казахстане торговые марки, фирмы и т.д. Например: «*Туран*» (фирма по производству минеральной воды) – *турановская вода*; «*Кулагер*» (фирма по производству минеральной воды) – *кулагеровская минералка*; «*TASSAY*» (фирма, спе-

циализирующаяся на производстве питьевой воды) – *тассайская продукция*; «*Рахат*» (кондитерская фабрика г. Алматы) – *рахатовские конфеты*; «*Дастур*» (компания, выпускающая алкогольную продукцию) – *дастуровская водка*.

Дериваты, образованные от названий партий и организаций: *Отан* (родина, отчизна) – *отановский*, *Нур Отан* – *Нур Отановский*, *Ақ жол* (светлый путь) – *Ақ жоловский*, *Руханият* (духовность) – *руханиятовский*, *Асар* (всем миром) – *асаровский*, *Жұлдыз* (звезда) – *жұлдызовский*, *Адилет* (справедливость) – *адилетовский* и др.

Некоторые примеры контекстов: «*Асаровская программа была поддержана активистами студенческого движения всех вузов Казахстана*» (Караван, 2004.09.12); «*...Встреча прошла в неформальной обстановке – за чашкой чая, с вручением почётным гостям памятных подарков от Нур Отановских представителей*» (Степной маяк, 2007.11.24) и другие.

При адаптации казахских слов в русском языке отмечается и образование сложных слов путем сложения слов, основ, присоединения иноязычных аффиксоидов. Приведем несколько примеров:

Кумысодел – (кумыс (каз.) – кисломолочный напиток из молока кобылы + *делать*) – человек, который занимается изготовлением кумыса. Слово создано по модели слова «маслодел». Использование слова в контексте: «*Весь кумыс, привезенный из славного своими кумысоделами села Ильинка (ушел) в первый же час праздника*» (Риск-бизнес, 2001.06.14).

Гормаслихат, студмаслихат – (маслихат – коллегиальный выборный орган, собрание) – выборный орган, принимающий важные решения на городском уровне и выборная студенческая организация. Например: «*Студмаслихаты: миф или реальность? ... Сейчас студсоветы канули в Лету, их заменили студенческие маслихаты, выполняющие аналогичные функции...*» (Курс, 2006.03.02).

По этой же схеме созданы и другие единицы: *темирбанк* – (темир (каз.) – железный; название известного банка в Казахстане); *райакимат, горакимат, облакимат* – (район, город, область + акимат – местный управительный орган власти) – соответственно: районный, городской, областной акимат.

При помощи иноязычных аффиксоидов типа *вице-, экс-, -мен* образуются слова: *вице-аким, экс-аким, мажилисмен* и др.

Мажилисмен (мажилис – орган правления в Казахстане, нижняя палата парламента + *man* (англ.) – мужчина) – депутат Мажилиса. Примеры употребления слова в контекстах: «*Мажилисмены во время первого чтения документа в парламенте настаивали...*» (Каз. правда, 1998.03.24); «*Однако поддержки эта позиция у мажилисменов не встретила...*» (Караван, 1998.05.15); «*Мажилисмены пообщались с думацами...*» (Каз. правда, 2000.23.09). «*По словам министра труда и социальной защиты населения Гульнары Абдыкаликовой, на все обозначенные мажилисменами актуальные для инвалидов вопросы ответы можно будет найти в разработанном ведомством Национальном плане... Мажилисмены предложили перейти от риторики к делу*» (авт. Лаура Тусубекова. Каз. правда, 2011.10.25) и др.

«*Реальные очертания Актау-Сити. В рамках мегапроекта «Земля – Море – Небо» в Актау реализуется одна из его составляющих – градостроительный проект – строительство города будущего Актау-Сити*» (Каз. правда, 2011.07.30). *Актау-Сити* (Актау – город в Казахстане + *City* (англ.) – административно-территориальное образование со статусом) – новый административный центр в городе.

От словосочетания «Алтын белги» (медаль, которую получают выпускники, имеющие только отличные результаты за весь период обучения, дословно – золотая медаль) с помощью суффикса - *ст* – образовано существительное *алтынбелгист*. Например: «*На протяжении нескольких лет во время выпускного бала на площади мы слышим одну и ту же речь ведущего: «Звание Алтын белги присуждается учащимся... Приглашаем всех алтынбелгистов на сцену»...*». И другие.

Образование адъективов от названия местности. *«Собственной кровью решили поделить **шымкентские** чиновники с жителями города. На участие в жизненно важной акции был мобилизован весь аппарат городского акимата во главе с акимом Шымкента Арманом Жетписбаевым»* (Страна и мир, 2011.02.28).

*«В другом полуфинале **атырауский «Бейбарыс»** без труда со счетом 3:0 одолел **навладарский «Иртыш»**»* (Каз. правда, 2011.03.19);

*«Здравствуй, Ама! Мангистауцы первыми встречают **Наурыз...**»* (Каз. правда, 2011.03.17) и мн. другие.

Ограниченный регион инонациональной среды, в нашем случае – Казахстан, в котором функционирует и развивается русский язык, способствует пополнению лексического состава за счет заимствованной лексики – регионализмов, которые адаптируются в языке при помощи русских словообразовательных способов.

Заключение

Вариативность языка, функционирующего вне зоны первичного распространения, то есть за пределами национальной территории, возникает под влиянием сложного комплекса причин лингвистического, социолингвистического и экстралингвистического порядка. Речь идет именно о комплексе, в котором все факторы взаимодействуют друг с другом.

Русский язык при его функционировании в экстратерриториальной социально-коммуникативной системе Казахстана используется в устном бытовом общении, письменном неофициальном общении (художественная, научная, общественно-политическая литература, пресса); официальном общении в пределах неотдельной административной единицы – полинационального государства и межгосударственном общении. Подвергаясь воздействию казахского языка, полинациональный русский язык приобретает специфические черты в области лексической системы, представляющие одну из причин формирования национального варианта языка за пределами центрального ареала.

Национальные варианты развиваются как за счет собственно языковых средств, так и под воздействием близкого контактирующего языка и разнообразных факторов неязыкового, культурно-исторического характера.

Анкетирование носителей русского языка выявило корпус лексических единиц, уровень освоенности их в сознании этнических русских и других национальностей, раскрытая тем самым их актуальность для казахстанского варианта русского языка и вариативность по отношению к языку метрополии.

Результаты мониторинга устной и письменной репрезентации убеждают в том, что в лексической системе казахстанского варианта русского языка закреплён корпус регионализмов, активно используемый в разных сферах коммуникации.

Сферами коммуникации, в которых проявляется своеобразие казахстанского варианта русского языка, являются: официально-деловая, социально-культурная, гастрономическая и ономастическая. Все они в той или иной степени дают представление о сформированной лексической базе русского языка и ее грамматических и фонетических особенностях, проявляющихся в единицах, отражающих знания пространственно-временного континуума.

Корпус вариативных элементов, регионализмов, используемых в устных и письменных текстах, помогает обеспечивать реализацию коммуникативных потребностей личности в социокультурном пространстве Казахстана.

При широком распространении и использовании русского языка как представителями русской национальности, для которых он является родным, так и людей других национальностей, прежде всего, казахской, в Казахстане формируется казахстанский вариант русского языка. Его характеризуют следующие черты:

- Развитие двух ветвей в национальных вариантах русского языка: русский у этнических русских, русский у других национальностей. Это связано с большим количеством русских, проживающих в странах постсоветского пространства, новых суверенных государствах, и является основным отличием от национальных вариантов других языков, в частности, английского и испанского.
- Расширение лексической системы казахстанского варианта русского языка за счет регионализмов – большого пласта заимствований из казахского языка или из других языков посредством казахского языка.
- Смещение акцентов в активном и пассивном запасе языка, например, в Казахстане и России могут уходить в пассивный запас и, наоборот, ярко проявляться в активном использовании совершенно разные единицы, что происходит в силу различных экономических, геополитических и социально-культурных явлений, происходящих в Казахстане.
- Сужение диалектной системы, внутри которой особенности того или иного говора проявляются слабо и отности их к тому или иному говору можно лишь относительно, кроме того, важно учитывать, что нынешнее поколение старшего возраста, которое является потенциальным носителем диалекта, было рождено в окружении носителей других языков, получивших образование (среднее, средне-специальное, высшее) не на исконной территории распространения языка, потому не только не знает диалектов, но и не может их передать новым поколениям. Все это приводит к исчезновению русских диалектов в казахстанском варианте русского языка.
- Создание новых лексических единиц по моделям русского языка, прежде всего, аббревиатур, актуальных для казахстанской действительности и не используемых на исконной территории (России);
- Расширение концептосферы казахстанского варианта русского языка за счет концептов казахского языка, что в свою очередь формирует особую гражданскую идентичность, идентичность гражданина Республики Казахстан.
- Переосмысление слов и понятий, связанное с той географической, политической и социально-культурной обстановкой, в которой развивается русский язык.
- Использование русских словообразовательных аффиксов в заимствованных казахских словах;
- Изменение в фонетической системе при произнесении заимствованных из казахского языка слов, что связано с особой, отличной от русского языка, системой ударения, сочетанием согласных, использованием [ы] в абсолютном начале слова и др.

Глубокие и обстоятельные исследования феномена вариативности языка позволяют судить о соотношении универсального и самобытного в национальных вариантах русского языка и, в частности, казахстанского варианта русского языка. Они могут способствовать более объективному решению таких остродискуссионных теоретических вопросов в русистике, как проблемы статуса и нормы русского языка за пределами России. Эти изыскания помогут развитию методики преподавания русского языка, определят пути языковой адаптации при переезде соотечественников из разных стран в Россию, а также выявят новые подходы при осуществлении переводческой деятельности.

Источники и литература

1. Абаева Ж. С. Парентезные конструкции современного русского языка в газетном тексте: семантика и прагматика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж. С. Абаева. – Алматы, 2006. – 24 с.
2. Абишева М. С. Информационная заметка: структура, семантика, прагматика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. С. Абишева. – Алматы, 2004. – 25 с.

3. Аскерова Л. Д. Коммуникативно-речевые средства организации типов речи газетного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Д. Аскерова. – Алматы, 1992. – 24 с.
4. Бельчиков Ю. А. «Что было выражено словом, то было и в жизни...» / Ю. А. Бельчиков // Русская речь. – 1993. – №3. – С. 28-31.
5. Гудков Д. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе / Д. Гудков // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ, т. I: Доклады и сообщения российских ученых. – Братислава, Словацкая Республика, 1999. – С. 120-125.
6. Гудков Д. Тексты политического дискурса и национальный миф / Д. Гудков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докладов Международной конференции. – М., 2001. – С. 120-121.
7. Демографический ежегодник регионов Казахстана. Статистический сборник / Под ред. Б. Султанова. – Алматы, 2006. – 548 с.
8. Дмитриева Л. М. Общее и индивидуальное в топонимической системе / Л. М. Дмитриева // Русский язык в социально-культурном пространстве XXI века: Материалы международной конференции. – Алматы, 2001. – С. 107-108.
9. Ихсангалиева Г. К. Функционально-прагматический анализ заголовков (на материале казахстанских газет и телепрограмм): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. К. Ихсангалиева. – Алматы, 2000. – 26 с.
10. Казахско-русский словарь / Под ред. Р. К. Сыздыковой, К. Ш. Хусаин. – Алматы, 2002. – 1008 с.
11. Казкенова А. К. Отражение развития картины мира в русском языке и иноязычные заимствования / А. К. Казкенова // Лингвокультурологическое сопоставление. – Алматы, 1999. – С. 105-113.
12. Караулов Ю. Н. Язык СМИ как модель общенационального языка / Ю. Н. Караулов // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001. – С. 15-18.
13. Карабулатова И. С. Заговор: имя собственное в сакральном дискурсе знахарской практики / И. С. Карабулатова, Е. А. Бондарец. – Тюмень, 2005. – 368 с.
14. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М., 1999. – 341 с.
15. Кочеткова Т. В. Русская элитарная речевая культура как гуманитарная проблема университетского образования / Т. В. Кочеткова // Модернизация образования в условиях глобализации. Круглый стол «Университет и гуманитарные проблемы региона». – Тюмень, 2005. – С. 131-134.
16. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
17. Кучеренко О. И. Формирование дискурсивной компетенции в сфере устного общения / О. И. Кучеренко. – М., 2000. – 155 с.
18. Мадиева Г. Б. Современное состояние ономастики (информативность имен собственных) / Г. Б. Мадиева // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2000. – № 37. – С. 32-35.
19. Мирзоян С. В. Адаптация заимствованных слов / С. В. Мирзоян // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. – Ростов, 2003. – Вып. 2: История. Культура. Язык. – С. 108.
20. Образование в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. Б. Султанова. – Алматы, 2006. – 108 с.
21. Постнова Т. К вопросу о культурно-историческом содержании прецедентных текстов / Т. Постнова // Русский язык и культура (изучение и преподавание). Материалы конференции. – М., 2000. – С. 149.

22. Прохоров Ю. Е. Русский язык в новом коммуникативном пространстве XXI века / Ю. Е. Прохоров // Положение русского языка и преподавание на русском языке вне России. Возможности использования международного опыта: Сборник тезисов научно-практической конференции. – Кишинев : VALINEX, 2005. – С. 9-12.
23. Раимбекова Б. Ж. Газетный текст на русском и казахском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. Ж. Раимбекова. – Алматы, 1999. – 22 с.
24. Чередниченко А. И. Методологические вопросы теории языкового варьирования / А. И. Чередниченко // Грамматические и лексические аспекты регионального варьирования полинациональных языков: Сборник научных трудов. – Киев : КГПИИЯ, 1988. – С. 6-12.
25. Чернявская Т. Н. Моделирование фоновых знаний современного русского языка как исследовательская и методическая проблема / Т. Н. Чернявская // Русский язык и культура (изучение и преподавание). Материалы конференции. – М., 2000. – С. 47-48.
26. Шайбакова Д. Д. О языке казахстанской прессы / Д. Д. Шайбакова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2002. – № 2 (53). – С. 66-72.
27. Шаклеин В. М. Лингвокультурное содержание слова и предложения / В. М. Шаклеин // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г. Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999. – С. 503-514.
28. Щербак А. О структуре отражения картины мира в русском ономастиконе / А. Щербак // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка / Под ред. Мариана Вуйтовича. – Poznan, 2005. – С. 137-143.

Георусистика. Избранная библиография.

Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А. Н. Рудякова – Симферополь: Антикава, 2010. – 152 с.

Рудяков А.Н.

Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка). – Киев: Грамота, 2004. – 224с. Двухязычие как предпосылка интеграции украинского общества // «Культура народов Причерноморья». Научный журнал. № 82, т.1. – Симферополь, 2006. – С. 7-9.

Наука и политика // Русский язык и в поликультурном мире. Материалы Международной научно-практической конференции. – Симферополь: СОНАТ, 2007. – С. 9-14.

Русофония и русистика в XXI веке // Русский язык и в поликультурном мире. Материалы Международной научно-практической конференции. – Симферополь: СОНАТ, 2007. – С. 15-24.

Русофония и русистика в XXI веке // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. № 110, т. 1. XIV Международная лингвистическая конференция «Язык и мир». 2-6 октября 2007. – Симферополь: «Крым», 2007. – С.7-9.

Украинский вариант русского языка: мифы и реальность // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. №142. Т.1. Материалы XV Международной конференции «Язык и мир». – Симферополь, 2008. – С. 7-8.

Русистика и русофония в 21 веке // Русистика. – Киев, 2008. – С. 40-46.

Георусистика и русофония // В кн.: Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И.Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН. – М.: Сов. писатель, 2008. – 192 с. – С. 115-128.

Георусистика и национальные варианты русского языка // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7-10.

Георусистика и украинский национальный вариант русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 672-673.

Георусистика и лингвистические механизмы формирования национальных вариантов языка // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исслед. центр по нац.-яз. отношениям. — М., 2010. – С. 64-67.

Георусистика – русистика XXI века // Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А.Н. Рудякова. – Симферополь: Антикава, 2010. – С. 8-20.

Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. Ред. А.Н. Рудяков. – Том № 1. – Симферополь, 2010. – С. 5-6.

Украинская русистика и русофония: к вопросу об украинском варианте русского литературного языка // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. – М.: ООО; Изд. Центр «Азбуковник», 2010. – С. 229-236.

Функционирование русского языка в Крыму // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. – М.: ООО; Изд. Центр «Азбуковник», 2010. – С. 596-602.

Геолінгвістика і Русофонія // Вестник Кокшетауского государственного университета имени Ш.Уалиханова – Кокшетау: КГУ им. Ш.Ш. Уалиханова, 2011. – № 3-4. – С. 190-196.

Дорофеев Ю.В.

О национальной негомогенности русского языка в современном мире // В кн.: Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. – М.: ООО; Изд. Центр «Азбуковник», 2010. – С. 237-242.

Роль инноваций в развитии языковой системы // Східнослов'янська філологія: збірник наукових праць. Випуск 7. Мовознавство. – Горлівка: Видавництво ГДПШМ, 2006. – С. 32-38.

Инновации как способ преодоления конвенциональности языковой системы // Лексико-грамматические инновации в современных восточнославянских языках: Материалы III Международной научной конференции. – Днепропетровск: «Пороги», 2007 г. – С. 110-112.

Русский язык в Украине: диалект или вариант? // В кн.: Русский язык в странах СНГ и Балтии: Международная научная конференция / [Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова]; Отделение историко-филологических наук РАН. – М.: Наука, 2007. – 568 с. – С. 310-316.

О закономерностях развития вариантных форм языка // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2008. – № 142, т. 1. – С. 209-212.

Функциональная обусловленность процесса взаимодействия языков // «Русская филология. Украинский вестник». – Харьков, 2008. – 3-4 (37). – С. 3-6.

О взаимодействии русского и украинского языков // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: Материалы IV Международной научной конференции. – Днепропетровск: «Пороги», 2009. – С. 75-77.

Национальные варианты русского языка // В кн.: Лингводидактика. Социолінгвістика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И.Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН. – М.: Сов. писатель, 2008. – 192 с. – С. 101-115.

О вариантных формах русского языка // Русский язык и литература в Украине: проблемы изучения и преподавания: Материалы международной конференции. – Горловка: Изд-во ГППИИЯ, 2009. – С. 55-57.

Вариативность языка как условие его развития // «Культура народов Причерноморья». – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 236-239.

Вариантные формы языка // Вісник Дніпропетровського університету. Серія “Мовознавство”. – 11. – 2009. – Вип. 15. – Т. 3. – С. 27-32.

Перспективы развития языковой ситуации в Украине // Вестник Карагандинского университета. Серия ФИЛОЛОГИЯ. – № 2 (54). – Караганда, 2009. – С. 13-17.

О развитии вариантных форм русского языка в Украине // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 651-652.

Изменчивость и вариативность языка как основа его функционирования // Система і структура східнослов'янських мов. Зб. наук. праць. Редкол.: В.І. Гончаров (відп. ред.) та ін. – К.: Видавництво НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2010. – Вип. 2. – С. 205-212.

Функциональная вариантология языка // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные Коммуникации» Том 23 (62). – Симферополь, 2010. – № 2. Часть 2. – С. 473-477.

Вариантные формы русского языка в современном мире // Язык и общество в современной России и других странах: Международная конференция (Москва, 21–24 июня

2010 г.): Доклады и сообщения / Отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно-исслед. центр по нац.-яз. отношениям. — М., 2010. — С. 325-328.

Лингвистический функционализм как основа исследования вариативности языка // Георусистика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А.Н. Рудякова. — Симферополь: Антикава, 2010. — С. 40-49.

О «правильности» и «неправильности» вариантных форм языка // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А.Н. Рудяков. — № 1, т. 1. — Симферополь, 2010. — С. 187-191.

Изменчивость как онтологическое свойство естественного языка // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». — 11. — 2010. — Вип. 16. — С. 104-109.

Проблема языкового варьирования в аспекте социолингвистической типологии // Вестник Кокшетауского государственного университета имени Ш.Уалиханова — Кокшетау: КГУ им. Ш.Ш. Уалиханова, 2011. — № 3-4. — С. 86-91.

Системное описание вариантных форм языка // Наукові записки. — Випуск 96 (1). — Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 2 ч. — Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В.Винниченка, 2011. — С. 556-559.

Проблема языкового варьирования и нормативный подход к языку // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: V Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 7-8 апреля 2011 г.): материалы / составитель Т.С. Пристайко. — Днепропетровск: Нова ідеологія, 2011. — С. 98-100.

Социолингвистика и анализ языковой вариативности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные Коммуникации» Том 24 (63). — Симферополь, 2011. — № 2. Часть 1. — С. 337-341.

Типологическое описание вариантных форм языка // Компаративістика і типологія в сучасній лінгвістичній науці: здобутки і проблеми: матеріали семінару / за ред. Л.М. Ягупової. — Донецьк: ДонНУ, 2011. — С. 37-39.

О национальной негомогенности русского языка в современном мире // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. — М.: ООО Изд. Центр «Азбуковник», 2010. — С. 237-242.

Полилингвокультурная языковая ситуация как фактор языкового варьирования // В коммуникативном пространстве социума. Сборник научных статей, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Галины Юрьевны Богданович. — Симферополь, 2011. — С. 156-161.

Вариативность как онтологическое свойство языка. — «Славянские чтения» (выпуск 6) материалы научно-теоретической конференции. — Кишинэу: Славянский университет РМ, 2011. — С.80-86.

Структура языкового мира: ядро и периферия // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А.Н. Рудяков. — № 2, т. 1. — Симферополь, 2011. — С. 181-184.

Забашта Р. В.

Языковая вариативность и особенности номинативной системы украинского варианта русского языка / Р. В. Забашта // Георусистика. Первое приближение : сб. науч. ст. / Под. Ред. А. Н. Рудякова. — Симферополь: «Антиква», 2010. — С. 75-86. — 0,3 п.л.

Вариативность средств номинации русского языка в системе русофонии / Р. В. Забашта // Функциональная лингвистика. Научный журнал. — Симферополь, 2010. — №1, Т. 1. — С. 246-249.

Русско-украинский тезаурус и языковая ситуация в Украине / Р. В. Забашта // Русский язык в поликультурном мире. Материалы Международной научно-практической конференции. – Симферополь: СОНАТ, 2007. – С. 308-316.

О национально-государственной обусловленности позиций номинации / Р. В. Забашта // Наукові записки. – Вип 96 (1) – Серія: Філологічні науки (мовознавство) : У 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. Володимира Винниченка, 2011. – С. 559-566.

О позиционной вариантности семантемы / Р. В. Забашта // Функциональная лингвистика. Научный журнал. – Симферополь, 2011. – №2. Т. 1. – С. 213–216.

Лановая Т. В.

Лексические заимствования как следствие взаимодействия языков / Т. В. Лановая // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 1. Т. 2. – Симферополь, 2010. – С. 14–17.

Заимствование как составляющая языкового развития / Т. В. Лановая // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : V Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ им. О. Гончара, 7–8 апреля 2011 г.) : Материалы / сост. Т. С. Пристайко. – Днепропетровск : Нова ідеологія, 2011. – С. 200–202.

Иноязычные слова в русском языке (на материале лексики, заимствованной в XVIII–XIX вв. / Т. В. Лановая // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – № 2. Т. 24 (63) Ч. 2. – Симферополь, 2011. – С. 37–42. – (Серия «Филология. Социальные коммуникации»).

Судьба лексических заимствований в русском языке (на материале иноязычной лексики в XVIII–XIX вв.) / Т. В. Лановая // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 2. Т. 1. – Симферополь, 2011. – С. 313–315.

Москаленко Л. С.

Распространение проявлений вариативности русского языка на Украине // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 1. Т. 2. – Симферополь, 2010. – С. 106-108.

Украинизмы в русском языке Украины // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : V Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ им. О. Гончара, 7–8 апреля 2011 г.) : Материалы / сост. Т. С. Пристайко. – Днепропетровск : Нова ідеологія, 2011. – С. 245-248.

Русско-украинская интерференция как одно из условий варьирования русского языка Украины // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 2. Т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 79-81.

Русско-украинская интерференция и проблемы языкового варьирования // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». – № 11. – Т. 19. – 2011. – Вип. 17, Т. 2. – С. 114-121.

Памяти Натальи Анатольевны Руденко

Дорогие друзья и коллеги!

В ночь с 30 на 31 декабря 2011 г. ушла из жизни Наталья Анатольевна Руденко (Захарцова) – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой методики преподавания иностранных языков и языков и литературу национальных меньшинств Одесского областного института усовершенствования учителей, прекрасный руководитель, талантливый преподаватель и замечательный человек.

Вот основные вехи ее жизненного пути, который оказался таким коротким.

Наталья Анатольевна родилась 12 ноября 1980 г. В 1997 г. с золотой медалью окончила школу-гимназию №5 им. И. Франко в г. Феодосии, в этом же году поступила на филологический факультет Симферопольского государственного университета им. М. Фрунзе (с 2001 г. Таврический национальный университет), который окончила в 2003 г. с красным дипломом. Уже на первом курсе проявилось ее стремление к научно-исследовательской деятельности: Наталья Анатольевна выступала на ежегодных конференциях профессорско-преподавательского состава Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, участвовала во Всеукраинской студенческой олимпиаде по русскому языку и литературе, совместно с единомышленниками и друзьями по Крымской школе функциональной лингвистики занималась подготовкой и проведением ежегодной ялтинской конференции по функциональной лингвистике (с 2009 г. Международный крымский лингвистический конгресс). На третьем курсе в числе лучших студентов была отправлена на страноведческую практику в Москву. Работы, написанные Натальей Анатольевной Руденко под руководством доктора филологических наук, профессора А. Н. Рудякова, дважды принимали участие в конкурсе Фонда «Москва–Крым» (2001 год – лауреат конкурса, 2002 г. – призер).

В 2003 г., успешно защитив магистерскую работу, написанную под руководством профессора А.Н. Рудякова, поступила в аспирантуру Таврического национального университета им. В.И. Вернадского на кафедру русского и общего языкознания. В 2005 г. вышла замуж и переехала в Одессу, где стала работать заведующей кафедрой методики преподавания иностранных языков и языков и литературу национальных меньшинств Одесского областного института усовершенствования учителей. В январе 2008 г. под руководством профессора А.Н. Рудякова блестяще защитила диссертацию «Функционально-семантическое описание лексической группы «нефизическое воздействие на человека». В 2005 г. стала одним из инициаторов организации и проведения Межрегиональной Интернет-олимпиады по русскому языку и литературе, была постоянным членом жюри на конкурсах учителей русского языка и литературы, мировой литературы, а также ученических конкурсов разных уровней.

Наталья Анатольевна – автор ряда научных трудов, которые непосредственно связаны с постулатами лингвистического функционализма, воспринятыми ею еще на первом курсе университета. Такая направленность исследований раз и навсегда определила круг научных интересов Натальи Анатольевны.

Являясь талантливым учёным, педагогом и организатором, Наташа всегда сохраняла задор и оптимизм, необходимые в нашей жизни, чтобы работать на нелегкой ниве науки и образования.

Она всегда была простым, искренним, немного ироничным в общении человеком. Постоянная занятость не мешала ей быть всегда внимательной и отзывчивой. Будучи очень требовательной к себе и к другим, принципиальной в научных и общественных делах, она оставалась всегда чутким, доброжелательным и, главное, надежным другом и во время учебы, и на работе, и на конференциях, и в быту. Такой Наташа и останется навсегда в нашей памяти.

Сведения об авторах

Виноградов Виктор Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН, Москва, Россия

Дорофеев Юрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна, доктор филологических наук, декан филологического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Журавлева Евгения Александровна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русской филологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Забаица Роман Валентинович, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина

Крючкова Татьяна Борисовна, доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя Центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Москва, Россия

Маркина-Гурджи Мария Геннадьевна, старший преподаватель кафедры филологии Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, Симферополь, Украина

Москаленко Лидия Сергеевна, лаборант кафедры естественно-математических наук Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, Симферополь, Украина

Пустовойт Игорь Владимирович, доктор искусств (Doctor of Arts), профессор кафедры сравнительного литературоведения и языкознания, университет Хофстра, Нью-Йорк, США.

Рудяков Александр Николаевич, доктор филологических наук, профессор, ректор Крымского республиканского института последипломного педагогического образования, академик Академии педагогических и социальных наук (Москва), Симферополь, Украина

СОДЕРЖАНИЕ

“Let my language go”	3
Раздел 1. Георусистика и функциональная лингвистика	
<i>А. Н. Рудяков.</i> Георусистика, функциональная лингвистика и... мифы русистики	5
<i>Ю. В. Дорофеев.</i> Формы существования языка и структура языкового мира	17
<i>Р. В. Забаица.</i> Англофония современного мира: геолингвистический аспект	32
<i>Р. В. Забаица, Л. С. Москаленко.</i> О соотношении румынского и молдавского языков	54
<i>М. Г. Маркина-Гурджи, Л. С. Москаленко.</i> Взаимодействие и взаимовлияние языковых миров: следствия и результаты (на материале русского и украинского языков)	64
Раздел 2. Георусистика и социолингвистика	
<i>В. А. Виноградов.</i> Язык и общество	78
<i>И. В. Пустовойт.</i> На перекрестке двух мировых языков: русские в США	95
<i>Ш. К. Жаркынбекова.</i> Роль русского языка в процессе языковой и социальной адаптации репатриантов-казахов	105
<i>Т. Б. Крючкова.</i> Проблема возникновения и функционирования национальных вариантов языка	114
<i>Е. А. Журавлева.</i> Казахстанский вариант русского языка: мониторинг функционирования	125
Георусистика. Избранная библиография	150
Памяти Натальи Анатольевны Руденко	154
Сведения об авторах	155